

ЮРИИ ЛЕВИТАН
50 лет у микрофона

Юрий Левитан. 50 лет у микрофона

Москва «Искусство» 1987

ЮРИИ ЛЕВИТАН
50 лет у микрофона

Москва «Искусство» 1987

Составитель *В. М. Возчиков*
Рецензент: *Ю. М. Гальперин*

Литературную запись бесед с Т. В. Федоровой, В. И. Ишутининым, П. И. Батовым, Е. И. Толстикovým, И. Д. Папаниным, Г. Т. Береговым, А. А. Леоновым, Б. В. Вольновым, О. С. Высоцкой, Р. Я. Пляттом подготовил В. П. Мазурин; литературную запись бесед с авторами передачи «Пишут ветераны» — И. Григорьевым, Б. Лощинским, А. Ярошевским, Ю. Семеновым, а также с Е. И. Гольдиной, И. В. Кирилловым, Э. Г. Верником подготовил В. М. Возчиков

Юрий Левитан: 50 лет у микрофона / Сост. Л36 В. М. Возчиков.— М.: Искусство, 1987.— 199 с., [16] л. ил.

Публицистические очерки и воспоминания о жизни и деятельности главного диктора Всесоюзного радио написаны журналистами, коллегами, выдающимися людьми нашей страны, лично знавшими и любившими Ю. Левитана. Все они — участники исторических событий, о которых сообщало радио голосом Ю. Левитана.

Л 4403050000-118 23-87
025(01)-87

ББК 76.31

ЮРИЙ ЛЕВИТАН. 50 ЛЕТ У МИКРОФОНА

Составитель Владимир Михайлович Возчиков

Редактор Л. П. Орлова. Художник О. О. Смирнов. Художественный редактор В. К. Завадовская. Технический редактор А. Л. Резник. Корректоры Н. В. Маркитанова, А. С. Назаревская. И.Б. № 2266. Сдано в набор 30.12.86. Подписано к печати 03.06.87. А10664. Формат бумаги 84×108/32. Бумага типографская № 1. Школьная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,18. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 12,63. Изд. № 6380. Тираж 50 000. Заказ 222. Цена 95 коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28. Иллюстрации отпечатаны в Московской типографии № 2.

© Издательство «Искусство», 1987 г.

Из записей в дневнике. *Вместо предисловия*

Где-то в начале тридцатых годов на заседании комитета ВЛКСМ Всесоюзного радио мы принимали в комсомол нового сотрудника, зачисленного на какую-то полутехническую должность при радиостудиях. Перед нами стоял худенький паренек, не без тревоги смотревший на нас через толстые стекла очков. В руках он мял кепку.

Секретарь комитета ВЛКСМ Паша Майзлин, парень строгий и ироничный, вдруг спросил паренька:

— Не можете ли вы, товарищ Левитан, серьезно и искренне сказать нам, зачем вы вступаете в комсомол?

Левитан как будто обиделся и молчал, насупясь. Потом, поправив очки, сказал Майзлину:

— Как это зачем? Чтобы быть комсомольцем и подтверждать это звание своей жизнью и работой.

Худенький паренек, он произнес эту фразу непонятно откуда взявшимся густым басовитым голосом, и произнес так убежденно, так убедительно, что наш строгий секретарь улыбнулся:

— Красиво отвечено! — И, оглядев всех нас, членов комитета, добавил: — Есть предложение принять товарища Левитана в ряды Ленинского комсомола.

Когда Юрию Борисовичу исполнилось пятьдесят лет и он был награжден орденом, Майзлин позвонил мне и сказал:

— А ведь не забывает наш оракул сказанных слов. Помнишь, когда принимали его в комсомол?

В этой книге — коллективно созданный портрет Юрия Левитана, человека с сердцем, открытым людям, непревзойденного мастера своей очень трудной профессии, ставшего глашатаям событий Великой Отечественной войны. Но голос его стал «государственным» еще до войны. В те тридцатые годы Левитан совершил дикторский подвиг — прямо в эфир прочитал большой доклад Сталина партийному съезду. Эта передача длилась не один час, и мы у себя в редакции «Последних известий» «слушали Сталина», забывая, что слушаем Левитана. И только когда передача окончилась, заговорили о нем с восхищением: «Ну, молодец!» А вскоре по Радиокomiteту пронесся слух, что председателю звонил сам Сталин и благодарил за хорошее прочтение его доклада.

Когда уже про знаменитого Левитана я слышал: «Какой у него дивный голос!» — меня это раздражало и

хотелось сказать: «На одном голосе он не сделал бы такой славной судьбы».

Во-первых, он обладал талантом диктора, который, наверно, начинается с умения «чужое» читать как «свое». Если бы такого таланта не существовало, у нас было бы много Левитанов, а он у нас один. Но кроме таланта у него было обостренное чувство ответственности за свою работу. И не в том она была, чтобы не сделать оговорки или неправильного ударения — над этой профессиональной технологией он работал постоянно и сам и с педагогами. Более существенным для него было осознание глобальной значимости своей миссии, если можно так сказать. Однажды я услышал от него слова: «Как подумаю, что я говорю со всем народом, во мне как струна какая-то натягивается, и я весь на этой струне».

Вот почему он так упорно работал над совершенствованием своего мастерства и неустанно стремился к творческой новизне. В связи с этим я хочу рассказать один эпизод из наших с ним дружеских отношений, когда мы чуть не поссорились...

Об этом эпизоде мне напомнило его письмо, которое я получил ко дню своего семидесятилетия. В нем есть такие строки: «Отстаю от тебя на три года, но заверяю тебя — догоню (не догнал, года не хватило). Не знаю, вспоминаешь ли ты так часто обо мне, как я помню о тебе... и все это из-за твоей формулы: «человек человеку о человеке». Не дальше как на прошлой неделе записывался для кино. Раз записали, стали прослушивать — запись мне не понравилась. Тут я вспомнил твою формулу и попросил сделать дубль. На третьем дубле все получилось как надо».

Формула требует пояснения... Мне не раз приходилось участвовать в репортажных передачах с Красной площади в дни больших наших праздников. Мы, писатели, работали вместе с дикторами, и часто писательские тексты читали дикторы. Сознаться, я страшно не любил этого и всегда добивался, чтобы свой текст читать самому. Читая, я все посматривал на Левитана, видя в нем главного судью, и, когда он чуть поднимал большой палец, у меня на душе становилось радостно. Но при этом я всегда норовил сделать так, чтобы читать свой текст не после Левитана, а после Высоцкой. Дело в том, что я старался писать и читать свой текст в стиле «антиофициальном», избегая излишнего пафоса и торже-

ственности. После Левитана с его сильной официально-торжественной подачей текста мне было трудно переключиться на свое чтение, а вот после Высоцкой особого труда не представляло. И однажды Левитан спросил-таки у меня: «Почему ты стараешься не говорить после меня?» Я ему честно объяснил. Заметил, что он обиделся. Но разговора об этом тогда не вышло, он состоялся в день Парада Победы, когда мы с Юрой снова работали у микрофона.

Многие помнят потрясающий душу эпизод Парада, когда наши воины-победители швыряли к подножию мавзолея Ленина гитлеровские штандарты и знамена. Описание церемонии досталось писателю Всеволоду Вишневскому, и он сделал это блистательно. Помню его слова: «Пыль войны сметаем с Красной площади вражескими знаменами». Весь его репортаж был фейерверком образов и сверхточных слов. Но вот он дочитал свой текст, а церемониал еще продолжался, и опытный оратор Вишневский, мгновенно побагровев, искал перед микрофоном какие-то другие слова. Образовалась пауза. Стоявший рядом со мной председатель Радиокomiteта шепнул мне вдруг: «Про дождик скажите». Он именно так и сказал — «дождик». Я взглянул на площадь и точно впервые увидел: над площадью словно были натянуты серебряные струны. И я с перехваченным от волнения горлом заговорил об этих струнах, о теплом летнем дожде, который подарила празднику мира измученная военными грозами природа. Идет дождик, который никто не просит «дождик-дождик, перестань». И я вдруг спросил, забыв о микрофоне: «Вы слышите, как звучат над площадью серебряные струны дождя?» Не находя больше слов, я несколько раз, разделяя секундными паузами, повторил: «Серебряные струны... серебряные струны...» И замолчал, боясь, что сорвется голос. Потом все меня поздравляли с этой минутной импровизацией. Вишневский толкал меня в плечо и говорил: «Ах, молодец, мои слова уловил!»

После передачи мы шли домой с Левитаном, и он тоже заговорил о той моей минуте. И вдруг спросил: «Когда это ты успел придумать про серебряные струны?» И вот тогда я ему и сказал о своей формуле.

Выслушав все, Юра попросил: «Слушай, подари мне свою формулу». И я почувствовал, что эта просьба была для него серьезной. Вскоре я в этом еще раз убедился...

Однажды в передаче радиостанции «Юность» (кажется, об этой передаче вспоминает в книге Янчевский) Левитан читал лирический и притом довольно сусальный очерк из жизни молодежи. Случайно я эту передачу слышал, и когда она началась, с досадой отметил, что привычный голос Левитана ну никак «не ложится» на текст. Более того — он как бы подчеркивает в нем все элементы сюсюканья. Зачем он берется читать такое? — подумал я. И вдруг словно произошло какое-то переключение в радиоприемнике, и голос Левитана плотно «лег на текст».

Вечером я позвонил ему:

— Слушал твою сегодняшнюю молодежную передачу...

— И матерился? — подхватил Юра.

— Как раз нет, и хочу спросить у тебя, как это тебе удалось на ходу сменить регистр чтения?

Юра рассмеялся:

— Как? Очень просто: человек человеку о человеке! И как только подумал об этом, сказал себе: ты же сам уже дедушка — зачем же подлаживаться, сюсюкать... И сама собой возникла интонация добродушной иронии по отношению к тем ребятам, о которых шла речь.

В этой книге третий раздел составляют сделанные в разное время записи и статьи самого Юрия Борисовича Левитана. Он хотел написать книгу о своей профессии диктора, о времени и о себе. Думаю, что книга вышла бы интереснейшей, насыщенной разнообразными, относящимися к великой истории фактами и событиями из истории радио. И не сомневаюсь — она привлекла бы внимание людей разных поколений.

Той книги не случилось...

Но вот другая книга, и посвящена она ему, диктору Юрию Левитану.

На этом я заканчиваю свою вступительную заметку. Боже мой, в тот день, когда мы принимали владимирского паренька Юру Левитана в комсомол, разве мог я думать, что когда-нибудь мне придется писать эти слова в книгу о нем?!

Василий АрдаMATский

ГОЛОС ВРЕМЕНИ, ГОЛОС ПЛАНЕТЫ

Б. П. Ляшенко, журналист

Т. В. Федорова, Герой Социалистического Труда,
ветеран Метростроя

В. И. Ишунин, ветеран Великой Отечественной войны,
один из первых звукооператоров Московского радио

П. И. Батов, дважды Герой Советского Союза

Е. И. Толстиков, Герой Советского Союза,
доктор географических наук

И. Д. Папанин, дважды Герой Советского Союза

Г. Т. Береговой, дважды Герой Советского Союза,
начальник Центра подготовки космонавтов
имени Ю. А. Гагарина, летчик-космонавт СССР

А. А. Леонов, дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Б. В. Вольнов, дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

В. В. Янчевский, журналист, заслуженный работник
культуры РСФСР

Так пролетело сорок лет... Б. П. Ляшенко

Судьба распорядилась так, что наше знакомство (сначала, правда, заочное) длилось ровно четыре десятилетия: с памятного августа 1943 года по печальный август 83-го.

Пятнадцатилетняя разница в возрасте меж нами абсолютно не ощущалась. Мы, окружавшие его, озабоченно обсуждая вслух недомогания, старели, а Левитан, похоже, без труда одолевал вполне естественные заботы прибавляющихся лет. Когда-то был худ, строен. Затем несколько раздался, но оставался все таким же подвижным, а главное, ни в чем не напоминал человека, вплотную приблизившегося к семидесятилетнему юбилею. Нет, прихварывал. Нет, подлечивался. Но как-то незаметно. Поэтому во мне, например, подсознательно и очень спокойно жила мысль о том, что мы еще успеем наговориться и осуществить кое-какие творческие планы, что впереди много-много времени, в том числе свободного. Эти мысли оказались непростительно легкомысленными, приведшими, в частности, к тому, что я никогда не записывал на магнитофон наших бесед. Мол, еще успеется. Да и неловко было как-то ни с того ни с сего, придя в гости, возиться у катушек с лентами. Но главное, конечно, мы верили, что настанут дни без спешки, без крупной и мелкой суеты. Какая наивность!

Популярность Юрия Левитана зародилась так давно, а его голос от начала обладал таким величием и мудростью, такой уникальной красотой, придавал тексту такую значительность, что еще в далекие предвоенные годы слушатели считали Левитана человеком весьма зрелых лет. Это часто приводило к трогательным сценам.

Как-то перед началом встречи с радиослушателями, которых Левитан проводил множество, участник войны, нестарый еще человек, стоя в сторонке, долго прислушивался к негромкому разговору Левитана с окружившими его людьми. Потом подошел, подарил цветы и смущаясь сказал:

— А ведь я еще помню, как в годы войны ваш папа читал! Ах, какой голос был: мороз по коже!

Юрий Борисович поблагодарил за цветы, улыбнулся ветерану и ответил:

— Как же, помню-помню. Включит, бывало, микрофон и...— тут Левитан отодвинулся от ветерана,— скажет: «При-ка-а-аз Верхо-ов-но-го Главно-ко-ма-а-андующего...»

Окружающих как парализовало — такая в фойе образовалась тишина. Люди не сразу поняли, что произошло, но умолкли как по команде. Первым пришел в себя ветеран, понявший, что никакого «папы с голосом» не было. Что всегда был только этот Юрий Левитан.

Диктор... Есть в этом слове (особенно если учесть, что был у нас такой диктор, как Юрий Левитан) что-то магическое. Сам стать диктором я отважился уже будучи студентом университета, да и то случайно, но слово «диктор» завораживало с далеких довоенных лет, когда наша семья жила в маленьком сибирском городе Минусинске. Рассказываю эту историю только потому, что она все равно сведется к Юрию Левитану. Так вот, однажды родители тихонько указали мне на молодую симпатичную женщину и прошептали на ухо: «Зоя Кытманова!» Я, затаив дыхание, смотрел вслед Зое до тех пор, пока она не скрылась в конце улицы. Дело в том, что Зоя Кытманова была диктором и каждый вечер читала для минусинцев десятиминутный выпуск местных новостей. Зоя была нашей знаменитостью, человеком необычайно популярным и в то же время таинственным, чему способствовало обилие самых разноречивых слухов о ее личной жизни. Дикторы, как и актеры, часто являются предметом застольных обсуждений. А уж в те годы, когда фильмов выходило мало, а телевидения вообще не существовало, — тем более. Особенно загадочны дикторы радио, которых десятилетиями слышат, но, как правило, никогда не видят. Помню, как даже москвичи, люди бывалые и образованные, спрашивали у меня: «А правда, что Левитан...?» Самое забавное, что ни одна из легенд, роим облепывавших Левитана, не имела ничего общего с правдой. Но люди никак, видимо, не хотели смириться с его «обыкновенностью». Многие никак не привыкнули к тому, что замысловаты и неприятны в быту только популярные бездарности, а истинно талантливые люди в жизни почти такие же, как и мы с вами.

Всякие слухи о дикторах — вещь в общем нормальная, потому что их профессия довольно странная. С одной стороны, она необычайно популярна, потому что «на слуху». Но, с другой стороны, это профессия для избранных, хотя об этом мало кто всерьез подозревает. С каким сомнением и удивлением слушают люди рассказы о том, что высокопрофессиональный диктор — это приличный голос, очень своеобразный талант, развитая интуиция,

редкое самообладание, умение стремительно реагировать на неожиданности, воспитанное громадным трудом чувство чтецкой меры и исполнительского такта. Образованность, постоянная и широкая информированность в сочетании с обязательным знанием своей слушательской аудитории — тоже качества очень важные для диктора, ибо ему нередко приходится делать вид, что чтение сложных, а то и просто беспомощных текстов дается легко, органично и даже с удовольствием. Одно то, что самые именитые чтецы (Василий Иванович Качалов, например) порой в недоумении разводят руками, столкнувшись с дикторским текстом, говорит само за себя. А с какими усилиями удастся во время конкурсов из сотен жаждущих взять на радио одного-двух кандидатов в дикторы, из которых в результате долгих трудов очень часто получается просто прилично читающий человек, но далеко не Юрий Левитан! Особенно это заметно почему-то по современным дикторам. Впрочем, и раньше бывало. Вот уже лет тридцать с лишним слушаю диктора, который, как его ни подправляли педагоги, читает слово «коммунистический» с четырьмя «м», а вместо «ч» произносит близкое к белорусскому «тш».

Впрочем, Левитан был бы уникальным и на фоне целого коллектива первоклассных дикторов. Услышав его один раз, всего только раз, уже никогда невозможно забыть этот голос, эту ошеломляющую манеру создавать звуком физически осязаемую громаду мысли, заложенной в тексте.

Я довоенного Левитана не помню. У нас дома тогда царил патефон, а не радио. Но зато Юрий Борисович открылся мне в один из самых вершинных моментов своей дикторской жизни...

В далекой сибирской деревне, куда во время войны нас забросила судьба, радио работало лишь во время чтения сводок Совинформбюро. На другие передачи не хватало электроэнергии. И потому от тех лет я помню только военные сводки, которые сохранились в памяти как непрерывная цепь сообщений о событиях то тревожных, то радостных, то тягостных, то обнадеживающих. Сводок мы ждали очень, и это ожидание было продолжением наших постоянных дум о фронте и фронтовиках — отцах, братьях, дедах. От страха за них не спалось по ночам. И тогда мы тайно и почти суеверно начинали надеяться: придет утро, и диктор объявит нечто совершен-

но неожиданное, отчего ликующему сердцу станет тесно в груди и уйдут, наконец-то, все тревоги...

Одна улица длиной в семь с половиной километров по двум сторонам бывшего Великого Сибирского тракта, где-то в Европе начинавшегося знаменитой Владимиркой. Ни садов, ни палисадников. Промерзшая насквозь бревенчатая школа как раз посередине длинного села, на холме, обдуваемом всеми лютыми ветрами. Сугробы до крыш, волчьи следы вокруг сараев. Это зимой. А летом окрестные холмы пламенели сплошным ковром жарков. Так в Сибири зовутся цветы, которым в Подмосковье имя купавки. Особенно поражали жарки в сумерки: они до последнего отблеска зари светились изнутри теплым оранжевым светом, словно держали в серединках по раздутому угольку. А между сопок извивались широченные лога, изнемогающие от обилия диких пионов. Цвел знаменитый марьин корень. Через заросли, напоминающие с обрывов фантастические реки, переполненные водой густо-малинового цвета, продаться можно было только с великим трудом. Прохладные даже в жару стебли пионов не сразу поддавались напору голых коленок. Цветы, расступаясь, били по лицу, сплошь засыпая жирной желтой пылью.

Такой была наша деревня. Мы, подростки, жили тем же, что и взрослые, нетерпеливо ожидая перемен к лучшему, писем с фронта, и испытывали привычный, какой-то равнодушный полуголод.

Как давно было это время, каким туманом оно начинает затягиваться! Какое странное чувство нереальности овладевает нами, когда мы рассказываем о тех временах своим детям и внукам! А ведь все это было. Разумеется, многим пришлось труднее, чем нам. Мы знали это. Но даже если ты мальчишкой пережил войну в голодной деревне, иззябшей от тревог и похоронок, этого достаточно, чтобы война жила в тебе до конца дней. А ведь случались на нашем пути и радости.

И такой радостью был для нас Юрий Левитан. Летом сорок третьего года мы слышали, как он читает один из победных приказов. Черные бумажные тарелки тогдашних динамиков не могли потрясти силой звука, но когда Юрий Левитан читал очередной приказ, то начинало казаться, что в этом убогом радиоустройстве рождается поток кованого звенящего металла. Четкие, переполненные упругим напором слова впечатывались в память,

останавливали дыхание. Не знаю, как кому, а мне в те минуты представлялись опрокидываемые навзничь раскаленные вражеские пушки и темно-серые танки, виделись огромные поля с катящимися валами армий, а вслед за ними — стремительно растущая, как после долгой обложной грозы, широкая полоса синего неба, летящего от курских и орловских горизонтов к нам, в сибирскую деревню. И уже не было для меня в том небе следов густого дыма и не горели в степях высохшие, искромсанные гусеницами травы и цветы, а были только свет и радость. Такой мне казалась тогда Победа. Потому что так ее читал Юрий Левитан.

И вот в один из дней, переполненных восторгами, я написал Юрию Левитану длинное и бестолковое письмо, которое закончил совсем нелепо: «Когда вы читаете приказы о победах наших героических войск, то сидите или стоите?» Тогда мне это казалось страшно важным, ведь я думал, что Левитан читает исторические сообщения, может быть, даже на огромной площади.

Письмо ушло. Честно говоря, я не верил, что Левитан ответит.

Стояла поразительно теплая, долгая осень. В лесах некуда было деваться от упругих, почти каменных рыжиков. После уроков мы бежали к ближайшим сопкам, собирали сладкую, сверкающую в листве черным лаком черемуху. Домой с полными ведрами и корзинами возвращались только к ночи. Так и в тот раз.

На кухне чуть светился прикрученный фитиль лампы. В доме было тихо, причем настолько тихо, что я понял: не спят, ждут. Увидел на углу стола конверт. Не похоронка — из Москвы. Это было письмо от Левитана. Он радовался, что его так хорошо слышно в Сибири. Писал, что он вовсе не старый, а в конце добавлял: «Читаю, сидя в маленькой студии, наедине с микрофоном, но представляю себе в те минуты весь истстрадавшийся мир...»

С тех пор я тайно, но безоговорочно зачислил себя в разряд людей, которых Левитан знает, и даже вынашивал совершенно безумную мысль о встрече с ним.

Однако прошел всего какой-нибудь десяток лет, я по конкурсу был принят на Московское радио и работал вместе с Юрием Борисовичем в одной бригаде. Руководила нами милая женщина, высокопрофессиональный диктор Мария Алексеевна Тиунова. Она была нашим брига-

диром. Рядом работали Зоя Александровна Викторова, которую звали «зайчиком» за белокурость, мягкость, умилительную полноту, Лида Черных, Альберт Зеневич и молодая, очень одаренная Таня Грекова. Теперь от той бригады остались только мы с Лидой Черных.

Левитан приносил на ночные дежурства письма радиослушателей и в перерывах между передачами старательно отвечал, аккуратно надписывая адреса.

Время от времени я спрашивал:

— Неужто всем отвечаете?

— Стараюсь как могу. На эти — сам ответил, а вот тут парень спрашивает, как попасть в отряд космонавтов. Отошлю письмо в Звездный городок. Пусть компетентные товарищи объяснят. А вот тут опять спрашивают, не трудно ли мне, «в таком, простите, возрасте, так много работать».

А ему в те времена и пятидесяти не было.

Я любил ночные дежурства только за то, что, усевшись в кресла возле студии, мы начинали с Юрием Борисовичем ворошить былое, судить-рядить о настоящем и мечтать о будущем. Спасибо за это трудным, противным ночным дежурствам! Они дали мне возможность узнать Левитана поближе.

...Его детство прошло на Клязьме, в старинном русском городе Владимире. Отец работал в одной из артелей портным, мать занималась домашним хозяйством. К миру искусств в доме причастен был только дядя, да и то по-любительски. Он вместе с поэтом Александром Безыменским участвовал в создании первых комсомольских организаций, вовлекал в молодежные театры чтецов, артистов-кукольников. Дядя и привил юному Юре пристрастие к поэзии, театру, пению. В школе знали, что Юра Левитан непременно будет артистом, и не сомневались в его удачливости. Этажом ниже семьи Левитанов жил театральный парикмахер. Однажды он попросил мальчика помочь ему отнести в театр парики. Юра помог, остался на спектакль. И с тех пор стал в театре завсегдаем, выстаивал за кулисами чуть ли не ежевечерне все спектакли. Тогда ведь жизнь не была такой торопливой, как нынче. Больше всего Юре нравились музыкальные представления, в которых артисты могли показать себя и в пении, и танце, и в драматической игре. Был даже такой период, когда Юра одновременно хотел стать певцом и... штангистом.

В школе, где учился Юра, организовали кружок «Друзей советского кино». Молодое советское киноискусство переживало тогда пору становления, поисков, экспериментов, вокруг которых разгоралось немало дискусионных баталий. И зрители и критики спорили об идейности и художественности, о принципах реализма и возможностях монтажа. Юра был в числе самых активных почитателей кинематографа и, конечно, не оставался в стороне от диспутов. Увлечение оказалось настолько сильным, что осенью 1931 года, по окончании девятого класса, школа направила Юру в Москву на экзамены в Государственный институт кино.

Приемную комиссию обескуражил возраст Юры, и его не приняли. Что было бы, случись наоборот, навсегда осталось загадкой.

Возвращаться во Владимир сразу после провала не хотелось. Ночуя у кого придется, он целыми днями читал объявления о приеме на работу. Однако с устройством не получалось. Как ни экономил, деньги подошли к концу. И тогда наступил один из тех неприятных моментов, когда кажется, что весь мир против тебя, что никто в этом мире не хочет тебе помочь. Уже было решено «зайцем» возвращаться домой, как на одном из многочисленных щитов с объявлениями на глаза попалось извещение о конкурсе дикторов радио. Такое вездесущее и такое простое, привычное и обыденное наше радио тогда, вызывая всеобщее изумление, только-только входило в дома. Я застал детекторные приемники, в которых станцию надо было искать, тыкая тонкой провололочкой, укрепленной на конце рычажка, по кусочку металла, похожему на искусанный свинец. У нашего соседа был такой аппарат, и он часами с жесткими наушниками на голове «ловил» чьи-то голоса, музыку и млея. Бывало сжалится и мне даст послушать.

Радио тогда обожествляли, а люди, чьи голоса можно было тогда слышать, представлялись не иначе как избранниками, абсолютно все знающими и все умеющими, тем более что справочники и энциклопедии статей о дикторской профессии еще не печатали. Слово «диктор», кстати говоря, впервые появилось в Большой Советской энциклопедии только в 1956 году.

Юра отправился разыскивать Радиокomiteт. По пути решил спросить, означает ли слово «диктор» того самого человека, который читает по радио. Какая-то солидная

дама, выходящая из магазина, помолчала и сказала: «Не уверена, но предполагаю, что вы правы».

— Была не была! — решился Юра.

Пришел и оказался одним из... девятистот.

В Радиодоме он бродил по коридорам, и все казалось удивительным, полным тайны, как и незнакомые веселые люди, которые вели себя в этих святых коридорах непринужденно и независимо. Долговязый подросток вглядывался в лица сотрудников Радиодома и пытался отгадать, кто же тут диктор. Может, этот красавец в пенсне? А может, этот седеющий великан, так галантно приглашающий девушку с «комсомольской прической» на стакан чаю? У Юры, такого немосковского, такого несведущего, опять засосало под ложечкой. Вновь представилось бесславное возвращение во Владимир, тем более что секретарь приемной комиссии предупредила: «Вот вы, молодой человек! Как вас? Левитан? Так вот, Левитан, вас все равно дальше первого тура не пропустят. Вы же бокаете. У вас волжский говор, областной диалект, не московский стиль. Вы знаете, как говорят профессора Московского университета или в Малом театре? Там никто не бокает, там... Поэтому я и на первый тур вам не советовала бы идти!»

Рядом стояли разбитные молодые актеры московских театров. Они тоже пришли на конкурс и, похоже, все должны были его одолеть. Обступив секретаршу, они по-своему попросили ее проявить к «волжанину» чуткость, быть «доброй феей». «Вы только посмотрите, какой он славный и неиспорченный, как прелестно он говорит «корова» и «котормый». Как это у него все мягко, кругленько. Леночка, душенька, не пугайте его, а?» Леночка сдалась, вопрос о возможности принять участие хотя бы в первом туре конкурса был решен.

И вскоре перед комиссией предстал худенький паренек.

— Это кто же у нас такой? — спросил председатель, невольно переходя на какой-то детсадовский тон.

Паренек угрюмо молчал.

— Левитан. Юрий, — ответила за него секретарша.

— Откуда?

— Из Владимира, — опять подсказала секретарша. Она уже явно жалела, что внесла Левитана в конкурсные списки.

— А сам он говорить умеет? — удивился председатель.

— Вероятно,— пожала плечами секретарша.— По крайней мере вчера еще говорил.

— Вы в самом деле хотите стать диктором?— задал, наконец, председатель такой вопрос, от которого невозможно было отвергнуться.

— Очень хочу,— осторожно сказал юноша, бархатисто округляя букву «о».

Члены комиссии, естественно, переглянулись. Парень óкал. Для диктора это дефект.

— У вас же волжский говор, юноша,— сказал председатель.— Областное речение. А надо как в Московском университете профессора говорят. Или как в Малом театре...

Юра уже был готов к этим неприятным фразам, хотел промолчать и уйти, но неожиданно для себя жалобно попросил:

— Ну и что? Разве говор нельзя исправить? Было бы другое что в порядке.

Проговорил он эту речь таким особенным, густым голосом, в котором чувствовалось столько недоумения и тайной надежды, что члены комиссии опять пришли в замешательство.

— Так и быть, почитайте что-нибудь.

Юра прочитал одну заметку, другую. Все, кроме оканья, было на месте, а голос уже тогда звучал совсем не как у сотен других, толпящихся в коридоре. Педагоги стали прикидывать, во что превратится этот еще не совсем устоявшийся оригинальный тембр, когда пройдет конкурсное волнение, когда освободится зажатый в тиски от страха голосовой аппарат, когда юноша освоит азы дикторского ремесла.

Все последующие туры Левитан прошел успешно. Его приняли на радио, но с условием, что он пока будет работать дежурным в отделе выпуска и одновременно набираться культуры. Под жильё ему отвели «музыкальную комнату» над студиями: в ней хранились грампластинки. Впрочем, было похоже, что Юрию и это жильё было без надобности: и днем и ночью он шуршал в диспетчерской какими-то исписанными страничками, газетными вырезками. Зубрил скороговорки, читал вслух огромные — на газетную полосу — статьи на самые невероятные темы. Он сутками торчал в студии, слушая, как читают новости известные актеры, увлекающиеся дикторским искусством. Он всеми силами избавлялся от такого

ласкового и привычного, но не понравившегося законодателям литературной речи волжского «о». А оно сопротивлялось, упорно приходя на язык. В общем, забот у юного Левитана хватало.

Однако не далее чем через два месяца ему разрешили вести в ночных передачах маленькие выпуски новостей, концерты граммофонной записи. Он готовился к этим передачам, как к тронным речам. Выверял на слух каждый слог. Как-то поставил пластинку, а сам в коридоре увлекся разбором статьи. Бежит старший диспетчер и кричит: «Юра, там слушатель звонит, спрашивает, почему мы так долго доим одну корову?» Юра — в студию. А там пластинку заело на строчке, где певица сообщала, что «уж как я свою коровушку дою».

Вскоре состоялось для Юры очередное прослушивание, и с должностью дежурного выпускающего в тот же день было покончено.

Воспитанию Юрия Левитана отдали силы прекрасные, внимательные учителя: человек огромной культуры и особенного, порой чисто интуитивного чутья к процессу основания первых законов никому не ведомой прежде дикторской профессии, Михаил Михайлович Лебедев; великолепный педагог по художественному чтению Александр Николаевич Воронов; внешне очень суровая, порой жестокая в своей требовательности, но безмерно щедрая в стремлении передать неисчерпаемый опыт по технике речи — Елизавета Александровна Юзвицкая.

М. М. Лебедев учил дикторов собранности у микрофона. Он начинал с борьбы за стройную логику, за сосредоточенность на смысле каждого чтецкого материала. Его возмущали речевая небрежность, попытки читать «шикарно». За торопливость и внешний блеск он ругал тактично, обстоятельно, но и в равной степени непреклонно. Он не терпел ни ложного пафоса, ни холодности, утверждая, что слушателя привлечет к себе только тот диктор, который будет сам заинтересован текстом. Умение заинтересоваться текстом, даже если тот не всегда по вкусу диктору, М. Лебедев считал необходимым качеством чтеца.

Пожалуй, мало кто из новичков набирался дикторских сил так уверенно, как Левитан. Преодолев скованность, вызванную жестким самоконтролем во время единоборства с «оканьем», он начал постигать законы дикторской профессии быстро, без издержек, аккумулятивно. Его

неповторимый голос крепчал. Он был совсем не так силен физически, как кажется. Все дело в тембре, который не пропадал ни на верхних, ни на нижних тонах и был похож (скажу графариетную фразу, но это так!) на металл, прикрытый бархатом. Левитан никогда не кричал у микрофона. Он был полон эмоциональной экспрессии, внутреннего динамизма. Крик же всегда некрасив.

С самых первых шагов на радио Левитан старался распределять силы у микрофона очень экономно, особенно при чтении длинных фраз. Он уже тогда стремился найти в них то главное слово, выделив которое, можно придать необычайно ясный смысл всему предложению. Он уже тогда стремился быть у микрофона предельно понятным. Глубоко ошибаются те, кто думает, что это — просто и всегда зависит от качества текста. Тут действуют законы логики, специфические для радио правила чтения. Большие актеры потому и не могли стать истинными дикторами, что играли газетный текст, а его надо было читать от имени автора статьи — с полной мерой заинтересованности и в то же время не выдавая текст за свой собственный; передавая всю гамму оценок событий, о которых шла речь в статье, и в то же время ненавязчиво, давая возможность слушателю вникнуть в суть содержания, а не воспринимать поток «изобразительных красок». В дикторском чтении все строится на острой грани между вдохновением и трезвым расчетом. Это способен уловить только человек, призванный по складу своего дарования быть диктором. Либо это есть — и тогда ты диктор, либо у тебя этого нет — тогда ты играешь в диктора. Я сейчас скажу парадоксальную вещь: я знаю дикторов, которые в жизни, мягко говоря, не обладают большими способностями, но читают в высшей степени осмысленно. Это оттого, что они многого не понимают, многого не чувствуют, но в стиль дикторского чтения вникли отчетливо.

И потом — логика. Она должна быть почти житейской. И если где-то царствует и правит искусство еле заметной паузы, так это в дикторском деле. Пренебрежение логической паузой ведет к печальному сумбуру в дикторском чтении.

Левитан блестяще пользовался такими паузами. А насколько это важно, приведу пример из практики очень опытного, проработавшего не один десяток лет на радио диктора. Так вот, он был постоянен в своем упорном

нежелании сделать паузу в часто встречающихся предложениях стандартного типа. В самом деле, кажется, что может быть проще, чем фраза: «Как мы уже сообщали, сегодня вечером в Кремле откроется слет молодых колхозников»? После запятой так и напрашивается пауза — легкая, оправданная, незаменимая. Но не было случая, чтобы этот диктор не прочитал ее так: «Какмыжесообщалисегоднявечером»... и только тут возникала пауза, необъяснимая, противоестественная. Особенно нелепо звучали подобные фразы («какмыжесообщалисегоднявечером...»), если диктор читал заметку рано утром в тот же день. Впрочем, такие штампы летят в эфир и сегодня, при этом особенно они живучи почему-то у дикторов телевидения. «КакмыжесообщализавтравКиеве», «КаксталоизвестносегоднявАфрике...» Так и хочется подсказать, что «завтра» мы пока в Киеве ничего не сообщали, а известно о чем-то стало не в Африке, а у нас в редакции.

Вот что значит самая заурядная пауза во время чтения.

Разумеется, и у Левитана были ошибки. Бывали. Их не могло не быть. Ведь профессия трудна, а в те года она только вырисовывалась. Но логика у Левитана всегда была отточенной. Да, и он, бывало, оговаривался. Тоже ведь не из железа был. Но самое примечательное — ошибался Левитан в текстах «проходных», не очень много значащих. В том, что шло как документ эпохи, Левитан был поразительно логичен и безошибочен. Он всегда хранил завет М. М. Лебедева: «участвуя» в тексте, надо помнить о том, что ты пересказчик, а не автор текста.

«Донеси до слушателя смысл. Об этом заботься», — говорил Лебедев. Что касается «страстного политического чтеца», то тут он требовал прежде всего соблюдать чувство меры.

Ах это чувство меры! Всякий ощущает его по-своему. Я сам был диктором и помню, как, бывало, читаешь и радуешься: как у меня сегодня это темпераментно! А послушаешь запись на пленке и видишь: все на однотонном крике, как будто тебя равномерно поджаривали. Или кажется: читаешь «тонко», с нюансами, а в записи все это выглядит манерно, с дурацким шепотком. И проходили годы, иногда очень долгие, пока ты точно начинал чувствовать: сейчас мне кажется, что я буквально полы-

хаю «гневом», а на самом деле лишь в самую меру горяч. Горяч как раз настолько, чтобы слушатели тебя воспринимали спокойно и дельно.

У Левитана вот это умение слышать себя, свой накал, свою острогу в подаче патетического текста было развито превосходно. Мог ли Левитан читать еще более «торжественно», еще более «страстно»? Мог. Если бы захотел изменить чувству меры, обладая которым он был способен вызывать слезы на глазах, потрясать. Знать меру помогала самокритичность. Есть дикторы, которые позволяют себя критиковать только самим себе. Сидит, слушает, морщится, а поддаки в этот момент, что, мол, действительно слабовато прочитал, как тут же обида, уверения, что «не слабо», а «чуть слабее, чем всегда, но в общем очень неплохо, очень!» Мы перестали дружить с очень знаменитым диктором, о котором я как-то написал очень осторожно всего одну фразу среди панегириков: «Он не ровный диктор, это правда, но...» И дальше опять шли панегирики, вполне заслуженные этим диктором. Он, купив двадцать журналов с моей статьей, потом ходил и говорил: «Я же не могу их никому подарить. Тут такое обо мне написано!!!» А ведь после фразы «он диктор не ровный» шла следующая: «но и проходная его передача бывает несравненно лучшей, чем наилучшая у другого диктора — диктора-ремесленника». Так вот, этот диктор был известен, пока читал. Левитан останется известным и впредь.

Дарование Левитана позволяло ему придавать материалу именно ту форму, которая более всего соответствовала содержанию каждой данной передачи. Действительно, каким бы «сухим», официальным ни был текст, Юрий Левитан был в нем необычайно человечным, потому что он обладал темпераментом именно такой «температуры», какая требовалась для того, чтобы оставаться во время масштабного, как говорят, «на всю страну» чтения, естественным и убедительным. Любой, даже лишенный на первый взгляд эмоциональных начал текст звучал в эфире мощно, благородно и в то же время предельно ясно, понятно. Всегда казалось, что он видит те события, о которых читает. Голос диктора как бы рисовал все величие военных, космических побед, значительность человеческой личности. Уж если Левитан говорил «смерть немецко-фашистским захватчикам», то представлялся меч, со свистом разящий врага, представлялось

само возмездие. Недаром его голос даже враги сравнивали с залпами «катюш».

Юрий Левитан отличался необыкновенной самобытностью, оригинальностью дарования. Естественно, ему старались подражать, хотя это было и есть совершенно бесполезно, потому что исполнительские качества Левитана были свойственны только ему и, скопированные, теряли всякую силу. Московские дикторы и их наставники поняли это давно. Хуже с периферийными дикторами: чуть диктор забасит, чуть у него голос с «металлом», так тут же решают, что ему нужно работать «под Левитана». Но копия, как известно, так и остается копией. А Левитан потому и уникален, потому ему и выпала честь называться голосом народа, голосом эпохи, что он был органичен в том, что он делал и как он это делал. В моменты великих событий, по сути своей общенациональных, в высшей степени значительных, определяющих для нашей истории, все ждали появления в эфире голоса Левитана. Если завтра кто-то прочитает «как Левитан», он и будет ходить с ярлыком «как Левитан».

Не надо быть пророком, чтобы возвестить появление на нашем радио мастера яркого, своеобразного, тоже уникального, но... не Левитана. Это будет кто-то новый, другой. Новая «звезда» в дикторской профессии, как мне кажется, появится теперь только с изменением стиля нашей жизни, когда будет нужен иной, соответствующий духу времени кумир, когда мы сами почувствуем, что нам на радио чего-то не хватает такого, что всколыхнуло бы наше сознание, перешедшее в новое качественное состояние. Это естественный и закономерный процесс в духовной жизни.

И вот тут следует сказать, что если голос Левитану был дан природой, то его способность трудиться — качество сознательное и благоприобретенное. Вовсе не хочу этим утверждать, что оно было свойственно только ему, но я подчеркиваю этот факт, потому что и сегодня легкость, с какой дикторы справляются со сложными текстами, считают результатом «легкости» самой профессии. На каждый конкурс непременно приходят мужчины и женщины, которые, глядя в глаза членам комиссии, говорят: «У меня бывает полчаса свободного времени, вот я и подумал, почему бы мне в перерыв не почитать у вас какие-нибудь «известия». Благо, я и живу и работаю рядом». «Уложу ребенка и смогу у вас передачу про-

честь». Наверное, потому и есть еще радиокомитеты, где жаждут иметь «своего Левитана», потому что есть, мол, «густой голос». Желание в общем понятное, но... Приходил как-то к нам на радио симпатичный парень, которому кто-то посоветовал пройти дикторский конкурс. Он совершенно по-левитановски говорил когда-то бытовавшее в метро слово «Го-тóу!» — двери закрывались, и поезд трогался. Сказать два слова «по-левитановски» парень уже не мог. И он с ужасом убедился, что совершенно не умеет читать.

Или вот был я как-то в командировке в крупном волжском городе. Едва вошел в гостиницу, как мне стали говорить о местном теледикторе, который будто бы «тянет на Левитана». Вечером я включил телевизор и сразу понял: это мне о нем говорили. Из телевизора раздавалось ровное, «велюровое» гудение. Голос молодого человека почти на одной ноте, одними и теми же интонациями оповещал обо всем подряд одинаково: шла ли речь о важном политическом событии или о росте поголовья скота. Видно было, что самое главное для этого диктора — не сбиться с тона, рокотать. Это был верх непрофессионализма. Это было не чтение, а самолюбование с самоуничтожительным эффектом. И видно было, что у этого диктора нет осознанного отношения к профессии. Игнорировалось все: смысл, идея, логика, слушатели. Было одно стремление не сорваться с «левитановской» ноты. Этот диктор и сегодня работает. Пообкатался, пообмяк, но никому и в голову не приходит сравнивать его с Левитаном. Этот немолодой уже нынче человек накопил опыта, «набил голос», стал приличным диктором, но все равно не Левитаном.

Левитан в ранней юности тоже не устоял перед соблазном кого-нибудь повторить. В этом смысле эталонном для себя он избрал М. М. Лебедева. Тот моментально заметил эти попытки и начал активно их гасить. Лебедев ни секунды не боялся конкуренции. Он видел, что у Левитана «Лебедев» не получится все равно. «Не будь попугаем,— говорил он,— не следуй моим советам механически, не копируй интонацию: ведь она только для меня естественна. Ищи свою. Ты есть ты — и пой свою песню, а не чужую».

И опять были занятия, занятия, занятия, когда даже во сне обступали со всех сторон слова и буквы, испечатанные листы бумаги и микрофоны, по-змеиному припод-

нимающие над столом свои металлические головы... Нет, диктором и впрямь быть не трудно, когда ты им уже стал.

А в те годы секреты профессии еще только открывали — на ощупь, с восторгом и ошибками, с радостью открытий и слезами очередных разочарований.

Осип Наумович Абдулов, тогда диктор радио, уставший от микрофона, равнодушно взиравшего на чтеца с края стола, начал экспериментировать. Ведь так хотелось быть искренним, настоящим собеседником! Однажды он посадил перед собой пожарного и стал читать ему. Во время передачи пожарный увлекся таким общением и стал бурно, вслух реагировать. Слушатели были поражены, кое-кто даже негодовал. Работать «с публикой» Абдулову запретили. Да он и сам не рад был опыту, поняв, что труднее, но гораздо целесообразнее вырабатывать ощущение контакта со слушателями внутри себя, не расплываясь на внешние объекты. Эту задачу ставили педагоги и на уроках, во время занятий мастерством.

Работоспособность Левитана поражала. Он был занят кропотливым трудом до последних дней. Немыслимо представить себе Левитана, не подготовившего передачу с карандашом в руке, будь то ответственное сообщение или «обычная» заметка в «Последних известиях». Он проработал у микрофона более пятидесяти лет. Казалось, что новенького могут подкинуть журналисты? Ан, нет! Юрий Борисович сидит, размечает паузы, подчеркивает особо важные слова, ставит ударения, дробит длинные фразы на логические кусочки и — да-да — волнуется. Не боится, не осеняет себя крестом от нечистой силы неожиданных сюрпризов, а волнуется, потому что не хочет, не должен, не может стоять ниже той вершины, которой достиг в своей профессии. Он совсем не был похож на дикторов с той высокой «производительностью труда», которая кончается, как только эти дикторы выходят из студии. Это не имеет ничего общего с истинной работоспособностью, когда есть желание и умение извлекать пользу для профессии из посещений театра, музея, от чтения книг, из подготовки к передачам, из занятий с педагогами по постановке голоса, прослушивания своих записей на пленку и так далее. Очень мало кто мог сравниться с Левитаном в этом отношении. Но он же мог прочитать передачу и «с лету».

В дикторской профессии много будней. Но ведь интересны именно будни, из них состоит профессия, хотя

некоторые предпочитают анекдоты профессионального характера: кто как смешно оговорился, неточно объявив номер, или сказал вместо «солистки радио» — «сосиски»...

«Трудно» или «не трудно»? Как относительны эти понятия! Сажу как-то в коридоре, жду, когда приготовят студию для записи передачи. Рядом вяжет кофточку испытывающая такой же вынужденный простой знакомая журналистка, а возле нее стоит знаменитейшая балерина, покоровшая весь мир искусством, не превзойденным до сих пор. Смотрит на мелькающие спицы и с отчаянием говорит:

— Ой, этому невозможно научиться! Это, наверно, очень трудно?! А я такая бестолковая! Я никогда не научусь вязать...

Журналистка уступает спицы, балерина покрывается легкой испариной и делает несколько петель. Полный восторг, но на несколько секунд, потому что десяток петель — это еще не узор, не линия, не фокусы разные, не кофта, наконец. Опять отчаяние: «Я бестолковая!» Да за один метр ее полета на сцене можно жизнь отдать, а тут всего кофточка!

Говорят, убегая ото льва, кто-то перепрыгнул ров десятиметровой ширины. Но даже угрожая самой мучительной смертью, невозможно заставить безголосого человека спеть как Кобзон. Безголосому это не трудно — ему просто этого не дано. Зато ему дано, быть может, управлять космическим кораблем. Разве это легче, чем петь? И когда я смотрел, как Левитан, в силу сложившихся обстоятельств, стремительно готовился к передаче и потом «запросто» ее читал, я всегда помнил, что эта легкость далась ему после пяти, десяти, тридцати лет работы у микрофона, работы, успокоения в которой не было ни на день.

В первые год-два Юрий Левитан совсем неплохо делал то, что умел и что от него требовалось. Однако этого было мало, чтобы идти вперед. И он не ждал вдохновения и прозрений. Он страдал, ощутив торможение в развитии. Левитан еще до войны чувствовал, что «дикторская читка, зашедшая в тупик» (а такой период был на нашем радио в тридцатые годы), располагающая к ремесленничеству, к бесстрастному изложению фактов и событий, его интересует все меньше и меньше. Назревал разлад с профессией. Хотелось одоления рубежей. А новые формы не рождались. Нужно было искать выход. Так появились

иниятия в вахтанговском театральном училище. Так Левитан чуть было не стал оперным певцом. Тогдашний руководитель вокальной группы Радиокomiteта давно прислушивался к Юрию и однажды сказал:

— Голос у тебя тембральный. Ты не хотел бы учиться петь?

Батюшки, петь! Ведь это было мечтой с детства.

Разучили несколько народных песен и пошли к профессору Александру Борисовичу Гольденвейзеру. Тот послушал сам, потом устроил встречу с известным оперным певцом Николаем Ивановичем Сперанским, педагогом по вокалу. Мнение было однозначным: надо участвовать в консерваторском конкурсе и учиться петь по настоящему.

Но мечта и на этот раз не осуществилась. Из дому пришла телеграмма о смерти отца. Заботы о матери и сестре Юра взял на себя, оставшись работать диктором. Кстати, вскоре радио вступило в новый период. Все чаще дикторы читали так, словно сами вчера приехали со строящейся Магнитки. Тогда в порядке вещей были передачи на полтора-два часа, в которых звучали передовица, информация с мест, беседы и выступления, технические и агрономические советы. Все это перемежалось оркестровыми и вокальными «вставками», сценками, диалогами. В качестве дикторов тогда выступали актеры О. Абдулов, Р. Плятт и такие яркие чтецы, как В. Гладкий, А. Степанов, Е. Огьясова, Н. Толстова. В эту группу включили и Левитана. Началась школа воспитания на самых разнообразных материалах. Расширились исполнительские рамки, да и возможность наблюдать, как Р. Плятт и О. Абдулов репетируют отрывки из агитпес, поют по ходу радиогазеты смешные частушки, читают фельетоны, помогала глубже уточнить свои собственные намерения. Вот тогда-то в Левитане и начал окончательно формироваться чтец-публицист. Он все смелее осуществлял у микрофона свои замыслы, делом доказывая, какой, по его мнению, должна быть радиопублицистика. И читал как бы от имени поколения—с ощущением гордости от причастности к великим событиям. Гремя довоенными фанерными чемоданами, всюду куда-то ехало молодое племя. Оно строило, пело и было нетерпеливо. А на станциях из громкоговорителей был слышен голос Левитана, который читал прозу, как Маяковский—стихи. Сжато, упруго, ярко, призывно.

Совершенствуясь, этот прием становился у Левитана все более органичным. Он отбрасывал все лишнее, убирал игру в интонацию, понимая, что если точно знаешь, о чем хочешь сказать, нужная интонация придет сама, как это бывает само собой в жизни. Он учился так строить фразу, что голос как бы сам вел к главному слову, к ядру, к логическому «удару». И искал то единственное настроение, с каким нужно было читать именно эту передачу. Левитан на практике познал, что красиво и жизненно лишь то, что избавлено от надуманных деталей, от избытка интонаций. Гнева и мягкости, задушевности и сарказма, разговорности и официоза в дикторском искусстве должно быть как раз столько, сколько нужно, чтобы полнее всего выразить (а не потопить в обилии мастерства) смысл текста.

Первое по-настоящему серьезное испытание Левитану пришлось выдержать у микрофона задолго до войны, хотя многим кажется, что он получил боевое крещение в сорок первом. Нет, тогда шел только 1934 год. Однажды его, девятнадцатилетнего диктора, вызвал к себе председатель Радиокomiteта Платон Михайлович Керженцев и поручил подготовиться к чтению материалов XVII съезда ВКП(б). Предстояло четыре с половиной часа читать доклад И. В. Сталина.

С девяти утра до пяти вечера, сидя рядом с Натальей Толстой (в дикторской она справедливо слыла знатоком тонкостей русского языка), Левитан вслух выверял каждую строку доклада. В семь вечера он начал читать доклад в эфир. Молодой диктор очень волновался, но сознание, что перед ним знакомый текст, придавало уверенности.

Проба сил оказалась успешной. К началу войны Юрий Левитан уже настолько прочно вошел в число высокопрофессиональных дикторов, что Владимир Яхонтов мог написать о нем в своей книге об искусстве чтеца: «Среди них (тогдашних дикторов.— *Б. Л.*) выделялся молодой человек красотой голоса, полного достоинства, и убедительностью интонаций. Его роль с первых же дней войны стала особенно заметной... Это был Ю. Б. Левитан. Слушая его, я думал: вот пример того, каков бывает результат, когда содержание и форма подачи материала слиты воедино».

Рассказать о том, как он читал во время войны, трудно, но, на мой взгляд, необходимо, потому что в

фильмах тех лет голос Левитана несколько завышен, качество записи низкое. Копия старой киноленты может сегодня и не произвести должного впечатления. И, несмотря на то, что описывать голос — занятие весьма неблагоприятное, я решаюсь на такой шаг, тем более что и самого Левитана записи тех лет в нынешнем воспроизведении мало удовлетворяли. Как-то мы вместе с ним слушали их. Юрий Борисович постепенно мрачнел, а потом сказал: «Знаешь, все это надо было читать как-то по-иному».

Левитан ошибался, потому что к мысли, что надо было читать иначе, он пришел много лет спустя, когда действительно читал по-иному, потому что надо было читать по-иному. Другое время принесло другие песни, а тогда он читал так, как только и было возможно. Всю горечь и ненависть, надежды и ожидания вкладывал он в звучание своего голоса — человек памятных сороковых годов. Всю радость и гордость, всю значительность эпохи выражал он своим голосом позже — человек шестидесятых годов нашего столетия. И если он как диктор был нам родным, если мы его всегда узнавали, то это потому, что вместе с ним изменились и мы сами.

Да, трудно описать голос, но я попробую.

Начну с того дня, когда началась война. Радио вошло с этим известием в каждый дом. Дикторы рассказывали мне, как тяжело давались им горькие строки, как не хотелось, чтобы во время чтения кто-то услышал отчаяние. Голос Левитана тоже звучал по-иному. Оптимизм мирного марша первых пятилеток сменился непоколебимостью солдатского марша. Жесткая прямота сводок об отступлении не должна была разоружать или порождать панику. В чтении Левитана не было смиренной констатации фактов. Нет, несмотря ни на что, в нем слышалась вера в силу нашего народа, в героизм его сынов и дочерей, ушедших на фронт и работавших в тылу.

Если сейчас, по прошествии сорока с лишним лет, разбирать, как в те дни читал Юрий Левитан, то, видимо, надо вспомнить хотя бы одну сводку Совинформбюро с ее лаконичным, сжатым до предела текстом.

Сурово и медленно падали слова, читаемые почти на одной ноте. Никаких красок. Диктор понимал, что все иное, кроме мужественного изложения факта, будет ложью. «Оставили города...». На перечислении голос словно леденел, но звучал отчетливо, не скрывая трудно-

сти военных поражений. И все-таки было в нем что-то, что звало к терпению, стойкости духа, просило не поникнуть! Это уже зависело не от текста, а от сердца диктора.

А как его голоса ждали на фронте и в тылу врага! Юрий Борисович как-то рассказал историю, случившуюся 19 октября 1941 года. Немцы в двадцати километрах от Москвы. Пора читать очередную сводку Совинформбюро. Сам председатель Радиокomiteта пришел в студию со страничкой, на которой всего одна строка: «Белорусский партизанский отряд освободил десять населенных пунктов». После сводки и маленькой паузы надо было эту строчку прочитать. Он прочитал, сам не зная зачем. И только после войны ему рассказали, что партизаны захватили переодетых в немецкую форму советских разведчиков, отправлявшихся в тыл врага. Захватили и не хотели верить им. Наконец, порешили: если Юрий Левитан скажет из Москвы условную фразу, то, значит, так и быть: отпустим разведчиков. И Левитан прочитал. В отряде началось братание и крики «ура».

Летом 1943 года положение на Центральном фронте стало особенно напряженным. Все застыло в ожидании каких-то перемен — решительных, обнадеживающих. Дикторы жаждали получить сообщения, на которых можно было бы отвести душу.

И этот день настал. Утром сводка была обычной — существенных изменений на фронте не произошло. Вечерние сводки обычно читали в двадцать часов. Левитан сидел в студии и ждал сообщения. Однако позвонил председатель и сказал: «Сводки не будет. Ждите очень важный документ». Каждые пять минут с 11 вечера дикторы объявляли, что в 23.30 по всем радиостанциям Советского Союза будет передано важное сообщение.

И вот ровно в назначенное время в эфире прозвучало: «Прика-а-а-аз...»

Приказ был прочитан как гимн радости, на едином дыхании. Он стал событием в истории страны, памятным явлением в жизни десятков миллионов слушателей. Накопленное за годы работы у микрофона мастерство позволило Юрию Левитану прочитать тот первый приказ о салюте в честь победивших на Курской дуге войск так, что переполнившая диктора радость ни на мгновение не сократила содержание одной из самых значительных передач 1941—1945 годов, ни одно слово не было в пылу

нварта «проглочено», не было ни единой фразы, испорченной небрежностью чтения или потерей самоконтроля. Левитан читал как бы от своего имени, но именно — как бы! Это был высший класс мастерства. И по сей день каждый, кто слышал эту передачу, помнит ее. И даже если стерлись в памяти слова, остались и живы до сих пор впечатление почти невозможной праздничности, ощущение воистину неохватной мощи происшедшего события. Родился новый радиожанр, и его создателем был Юрий Левитан. С тех пор, какими бы высокими по стилю ни показались мои слова, факт оставался и остается фактом: атмосфера военных лет, ее окраска, ее звуки всегда включают в себя голос Юрия Левитана как неотъемлемую часть этой атмосферы. Недаром он является одним из главных действующих лиц почти во всех спектаклях, кинофильмах и радиопостановках, повествующих о Великой Отечественной войне. Одно слово — и голос узнан. Узнан голос — и со сцены или с экрана в зрительный зал властно, ощутимо перешагивает волнующее время, ушедшее ныне в историю. В историю, которую так легко всколыхнуть в сознании, если Левитан трагично или ликующе возвестит: «От Советского информбюро!»

«Я был недавно в одной семье... За столом сидело три поколения — деды, отцы, внуки... Было весело, не переставали смеяться. Кто-то включил радио. Вдруг крикнули: «Тише, тише!» — и все смолкли. Раздался голос: «Говорит Москва».

Это был голос, звук которого узнали все старшие — все, кто хранил его в глубине памяти, все, кто изо дня в день слушал его на протяжении почти полных четырех лет, все, кто внимал этому голосу, пока длилась Великая Отечественная война, — голосу особого тембра, чем-то напоминающего басовые гитарные струны. Диктор читал известие, прочитанное им ровно двадцать лет назад, 9 мая 1945 года, — читал снова 9 мая 1965 года, о том, что война окончена, что гитлеровский фашизм повергнут, что полная победа над ним, достигнутая неисчислимыми жертвами, дарует наконец всем народам мир и свободу.

Старшие, затаив дыхание, слушали... Почти все лица были в слезах...».

Так писал Константин Федин в газете «Правда» в мае 1965 года.

Действительно, мы каждый день ждали приказа.

Иногда Левитан читал их по два в сутки. И всякий раз его чтение возвышало, поднимало нас до состояния готовности к подвигу. Это были залпы эмоций, предвстие мира.

...Минули годы. Мы в трудах и хлопотах старимся, счастливо не умея уловить того момента, когда постепенное накопление морщин, седин и все увеличивающегося груза воспоминаний о прошлом приводит к так называемому зрелому, а потом преклонному возрасту, то есть, как ни печально, к качественным изменениям не в лучшую сторону. А может быть, это происходит в минуты, когда мы берем в руки пожелтевшие фотографии, уже дышащие на ладан старые-старые письма или потускневшие ордена? Может быть. Еще недавно я рассматривал фотографии в доме Юрия Борисовича просто с любопытством. Теперь я смотрю на них как на нечто отсеченное от нынешнего дня, как на историю, как на документ о временах, которые уже никогда не вернуться. Вот Юра Левитан до войны. Худенький, в светлой косоворотке. Массивные очки. Вот он рядом с Валерием Павловичем Чкаловым, вот с актерами МХАТ... Михаил Иванович Калинин вручает в 1944 году Юрию Левитану орден Трудового Красного Знамени. Среди документов — диплом 1959 года о присвоении звания заслуженного артиста РСФСР. Это было целое событие: диктор — заслуженный артист.

Годы, годы, годы. Сколько за это время появилось новых имен, как прочно забыты многие из некогда известных. А Левитан шагал из десятилетия в десятилетие, становясь в один из дней для каждого нового поколения явлением. Эти новые поколения знали о нем как уже о народном артисте СССР, который читает речи, доклады, «космические» и другие важные сообщения. В праздничных концертах звучали исполняемые Левитаном стихи Маяковского и Константина Симонова. Умирая на том самом поле под Прохоровкой, где была Курская битва, в тех местах, куда не раз приезжал, чтобы испытать ни с чем не сравнимое чувство причастности к победе, он был верен своему любимому делу. Теперь мы вспоминаем, что перед поездкой на знаменитое поле битвы у него покалывало сердце, кто-то уговаривал: «Может, не поедешь? Сколько можно! Сердце-то не железное...» А он отвечал: «Не могу не поехать. И не хочу не поехать».

И столько в нем было горения, столько неуспокоенности сделанным, что, живи он еще много лет, мы бы не раз слышали: «Сегодня это надо было бы читать по-иному».

Помня Юрия Борисовича как профессионала, я, разумеется, никогда не смогу забыть его как человека. Мы дружили, как говорят, набегами, наскоками: от одного телефонного звонка до другого, от встречи до встречи. Но паузы нас не отдаляли. Их словно не было вовсе. Я уезжал надолго за границу, возвращался, звонил Юрию Борисовичу, и самым приятным было то, что мы вроде бы и не расставались. Никаких докучливых нотаций и обид, никаких поучений о том, «как надо жить», «как надо помнить о друзьях». Никогда не скажет: «Ты почему не звонил? Почему не писал? Разве так порядочные люди поступают?! Чему вас только учили...» Нет, в ответ на мое: «Здравствуйте, Юрий Борисович!» — слышал радостное ответное приветствие. И начинались уговоры о встрече. В его уютной квартире на улице Медведева мы располагались друг против друга в огромных мягких креслах и начинали рассказывать — каждый о своем. И не было в тех вечерах пауз, когда вдруг с тоской думается, что вот все уже сказано и приходится лихорадочно соображать, о чем бы еще поговорить. У нас с ним был свой мир: наше с ним радио, которому я изменил безвозвратно, была наша с ним журналистика, наши дети и внуки.

На кухне он по холостяцкой привычке щедро резал чудовищной толщины куски колбасы и хлеба, сам варил кофе, бегал за фотографиями, отвечал на телефонные звонки. Если от телефона возвращался сияющим, то это значило, что звонил его внук Боря. Любовь к нему переполняла Юрия Борисовича. Только за разговорами с Левитаном можно было выпить столько кофе и съесть столько колбасы в один раз, потому что елось и пилось между увлекательнейшим делом — за разговорами о жизни. Мы вспоминали, все еще мечтали, то укладывая себя наповал смехом, то отводя взгляд в сторону, чтобы не так были видны навертывающиеся слезы. Бывали ведь и невеселые воспоминания.

А как он умел помогать, как готов был помогать! Помню, однажды всю ночь ездил на своей машине по московским клиникам, собирая по ампуле какое-то редкое лекарство для радиокомитетской умирающей сотрудницы.

Лекарство он достал, женщина живет и поныне. Сколько раз я прибегал к нему за пресловутой «десяткой до получки»! Он помогал тактично, никогда не попрекал даже злостных задолжников.

И еще об одном потрясении, которое я пережил после выхода в свет своей книжки «Наедине с микрофоном», где была глава о Юрии Борисовиче. Я работал тогда в Варшаве. И вдруг письмо от Левитана. Я не позволю себе приводить цитаты из этого письма. Хочу только сказать, что прошли годы, а те доброту, щедрость на теплые слова, уважение, с которым он говорил со мной о книжке, я ощущаю и сегодня, потому что такой открытости души я не встречал более ни в ком. И потом при каждом удобном случае он благодарил за слова, сказанные о нем в книге. Твердо знаю: все это оттого, что он очень любил радио и считал, что о радио очень мало пишут. Будет Юрий Борисович упоен своими собственными успехами и славой, мог бы на мой счет и промолчать. И было диковинно и радостно видеть, что никакого упоения собой у него нет.

Может быть, Левитан уйдет вместе с нами — с теми поколениями, которые слышали его раньше и еще совсем недавно. Может быть. Но вряд ли. Левитан — частица истории, он из тех частиц, которые напоминают о себе сами. Он напомнит о себе, как только вспыхнет киноэкран и кто-то захочет прикоснуться к Великой Отечественной. Взорвется белое полотно, заполнится пожарами сорок первого, салютами победных лет. И, перекрывая скрежет стали, призывы увлекающих вперед, стоны гибнущих, ликование побеждающих, вспорет и перекроет собой зловещие голоса войны голос Юрия Левитана: «От Со-вет-ско-го ин-форм-бю-ро...»

И все поймут, что Юрий Левитан был...

Всегда на уровне времени. Т. В. Федорова

Трудно говорить о Левитане в прошедшем времени. Он надолго останется в нашей памяти, его голос будет звучать в записи на пленку как живой документ времени. Особенно много воспоминаний вызывает имя Левитана у людей моего поколения, переживших Великую Отечественную войну. Хочу привести один эпизод...

1943 год. Вечером радиостанции Советского Союза

передали сообщение: товарищи, сегодня, 5 августа, между одиннадцатью часами и одиннадцатью часами тридцатью минутами вечера будет передано важное сообщение. Слушайте наши радиопередачи. Говорил Юрий Левитан. И вот в назначенное время в эфире прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего о взятии нашими войсками Белгорода и Орла и о первом за годы войны праздничном салюте в честь этой победы. Читал приказ Левитан. Помню Москву в те часы. Она не спала и была такая счастливая! Люди поднялись на крыши домов, устремились на Красную площадь. Ликование было всеобщим. И вот сорок лет спустя, в августе 1983 года, Юрий Борисович поехал в Белгород на встречу с ветеранами как равноправный участник тех событий...

Многое хочется сказать о Юрии Борисовиче. Но на память приходят не какие-то значительные ситуации, а простые, обыкновенные бытовые детали. Летом мы жили на даче по соседству, в Серебряном бору. Наши дома разделял небольшой заборчик. Один из моих соседей, Илья Александрович Новиков, бывший первый секретарь Советского райкома партии Москвы, когда-то давал Юрию Борисовичу рекомендацию в партию и вручал ему партийный билет. Всегда было приятно смотреть на этих двух людей, когда они, прогуливаясь, сосредоточенно беседовали.

Нужно сказать, что Юрий Борисович жил здесь более чем скромно. И как-то, зайдя в его комнату, я с грустью заметила на столике препараты от болезни сердца. Но и будучи недостаточно здоровым, он собрался в Белгород на традиционную встречу с ветеранами войны. Отправился в довольно жаркое время в неблизкую поездку, которая была сопряжена с волнением от встреч, воспоминаний о войне...

Память переносит меня в годы молодости. Уже тогда Юрий Левитан жил в одном ритме со своей страной, оповещая советских людей о самых важных ее свершениях. 30-е годы. Начало стахановского движения. Левитан рассказывал по радио о Стаханове, Гудове, Виноградовых, Борине, Бусыгине. Эти молодые рабочие, их трудовой подвиг стали близкими всем нам, слушавшим эти передачи.

Тогда же, в 30-е, мы, молодые девчонки, впервые пришли на строительство Московского метрополитена. Сегодня Метрострою уже за пятьдесят лет, и можно сказать

без преувеличения, что о многих главных страницах его истории поведал нашим радиослушателям Ю. Б. Левитан.

Вспоминается наша совместная не очень давняя поездка в Минск. Она была интересной, насыщенной встречами с молодежью. Направляясь к площади Ленина почетные жители города, ветераны и мы, гости, слышали как на улицах узнавали его: «Левитан, Левитан идет смотрите». Надо сказать, что Юрий Борисович всегда выглядел подтянутым, даже элегантным и выглядел действительно, не по годам молодожаво. Знаменитый на всю страну Левитан всегда был на уровне времени — и в одежде, и в манерах, и в мышлении, и в отношениях с людьми, и в гражданской позиции.

Мне неоднократно приходилось бывать с Юрием Борисовичем на интереснейших мероприятиях, которые проводил Центральный Комитет комсомола. В 1982 году мы были в Ереване на слете участников похода по местам боевой, трудовой и революционной славы советского народа. Поднялись на трибуну Левитан, направляясь к микрофону, мимоходом шепнул мне: «Танечка, я так волнуюсь. Как бы мне не ошибиться...» Я не сразу поняла, чего он боялся. А он подошел к микрофону, и все вдруг услышали его прекрасный голос: «Говорит... Ереван!» И тут я поняла опасения диктора. Ведь в его устах всегда звучало такое привычное «Говорит Москва!». Надо было видеть выражение лиц людей и на трибуне и на площади. Какой-то особой торжественностью окрасился праздник в древней столице Армении.

Более сорока лет продолжалась наша дружба с Юрием Борисовичем и его близкими. И для меня было очень горьким сообщение о его смерти. Не стало народного артиста, поистине народного любимца, скромного и достойного своего времени человека.

Метростроевцы всегда были дружны с Ю. Б. Левитаном, и я горжусь, что и наш строительный коллектив хранит добрую память о нем. У нас в техническом кабинете есть схема линий столичного метро. Она выполнена в дереве с использованием специальной подсветки магистралей. Эта схема озвучена Юрием Борисовичем Левитаном.

И когда к нам приезжают гости, посетители, мы включаем для них схему и говорим: «Слушайте — о делах Московского метростроя говорит Юрий Левитан».

Я видел, как он работал. В. И. Ишунин

Я хорошо помню нашу первую встречу. Он заглянул к нам в комсомольскую ячейку Всесоюзного радиокомитета. Я тогда был секретарем ячейки. Разговорились. Помню, спросил его о родителях, о семье. Юра оказался сыном портного из города Владимира. Я тоже гордился своим пролетарским происхождением (мой отец работал слесарем в Курске, и я приехал в Москву всего годом раньше). Может быть, поэтому я как-то сразу проникся доверием к этому незнакомому юноше.

Юра было поступил в Институт связи на вечернее электротехническое отделение. Но вуза он не окончил, так как не испытывал особого пристрастия к работе с техникой.

Комсомольцем Юра был активным, общительным. Вместе с тем его отличала предельная скромность. И впоследствии, уже когда он был широко известным человеком, он никогда себя не выпячивал.

В те годы при Радиокомитете была фабрика звукозаписи «Радиофильм». Звук тогда записывали не на магнитную ленту (такой записи еще не существовало), а на кинолентку. Нужно было проявить негатив фонограммы, сделать с нее позитив, прослушать и только потом давать в эфир. Длительный был процесс. В 1944—1945 годах, когда появилась трофейная магнитофонная пленка, записи стали делать намного оперативнее. Ну а в 30-е годы мы с громоздкой аппаратурой ездили от фабрики звукозаписи на открытие Днепрогэса. Записывали на оптическую пленку выступление М. И. Калинина. Там же выступал руководитель английской фирмы, поставившей для гидроэлектростанции трансформаторы. Ю. Левитан потом озвучивал эту запись в Москве. То были первые опыты создания жанра радиофильма, который теперь уже вошел в практику вещания, а само понятие — в искусствоведческий лексикон. Такие фильмы создавались лишь об очень крупных, значительных событиях.

С 1934 года я стал работать звукооператором в кино, в студии «Межрабпомфильм», Юрия Левитана тоже приглашали туда для озвучивания кинохроники, популярных фильмов. В то время он очень много работал над языком.

Переход на киностудию не прервал моей дружбы с Юрием Левитаном. Мы продолжали встречаться, разлучились лишь в 1941 году, когда я ушел на фронт.

Служил я связистом, и у нас была возможность слушать Москву, военные сводки в чтении Левитана. У нас было такое задание—слушать сводки и передавать по назначению, в том числе для оповещения личного состава. Когда мои боевые товарищи узнали, что я дружен с Левитаном, то от вопросов не стало прохода: «Расскажи, какой он, Левитан? Высокий, маленький, веселый, строгий?» и т. д. Популярность у него была невероятная. Левитан был эпохой на радио.

По ранению меня демобилизовали из армии за три месяца до окончания войны. Мы снова встретились с Юрием Борисовичем в Москве. А в День Победы в 1945 году он подарил мне часы. Это история особая.

Левитан снял с руки часы, подаренные ему военным командованием (это был прекрасный хронометр фирмы «Лонжин»), и сказал: «По этим часам я прочел все приказы, все сводки Верховного Главнокомандования. Я дарю их тебе». И надпись сделал: «Виктору Ишунину от Юрия Левитана». Этот подарок я берег очень долго. Но вот года три назад ко мне обратились сотрудники Музея Вооруженных сил СССР с просьбой поместить их в экспозицию, посвященную Великой Отечественной войне. Я к Левитану: «Юра, как мне поступить?» И мы вместе решили передать эту реликвию на родину Левитана, во Владимиро-Суздальский исторический музей. Там они сейчас и хранятся.

По возвращении с фронта я пришел работать на телевидение тонмейстером (так раньше называли профессию звукорежиссера). Это было на Шаболовке. Тогда телевидение делало только первые шаги. Большим энтузиастом нового дела был Виктор Семенович Гейман. Он активно добывал аппаратуру, частично ее получали из-за рубежа. Словом, начинались первые телевизионные передачи. А тонмейстеры обеспечивали «картинку» звуком. Работал потом на «Мосфильме», на Выставке достижений народного хозяйства СССР. С помощью Юрия Борисовича, а точнее, его голосом, было озвучено большинство павильонов выставки.

Признаюсь, я нередко записывал Левитана и для себя. У меня немалый архив фонограмм его голоса. В связи с этим вспоминается интересный эпизод.

Это было в 1945 году. Как только у нас появились первые магнитофоны, я записал на магнитную ленту голос Левитана. Он прослушал себя и говорит:

— Это не я говорил.

Запись пришли послушать народные артисты СССР В. И. Качалов и О. Н. Абдулов. Они уверяли Левитана, что с магнитофона звучит его голос.

— Да что я свой голос не знаю? Это не я.

Мы, помню, пригласили даже крупного специалиста-отоларинголога, чтобы он рассудил нас. И врач объяснил, что восприятие собственного голоса в записи иное, чем у слушателей.

Я помню немало подробностей из рассказов Юрия Борисовича Левитана о его работе у микрофона во время войны.

Работая на ВДНХ, я не прерывал своих контактов с Радиокomiteетом. Был нештатным корреспондентом Всесоюзного радио, давал материалы с выставки в радиопрограмму «Маяк» и, естественно, не забывал повидаться с Юрием Борисовичем, справиться о его делах, здоровье, семье.

И я видел, как он работал. Он был очень строг, требователен к себе. Заранее изучит текст, распишет его своими условными знаками, расставит смысловые акценты и т. д. Не всякий диктор так поступал, особенно в каждодневной «текучке». Это была настоящая, я бы сказал, левитановская школа подхода к тексту. И, главное, он всегда спрашивал: «Ну как я прочитал?»

Особенно трепетно отнесся он, я знаю, к работе в киноэпопее Юрия Озерова «Великая Отечественная». Он приглашал меня в Дом кино на рабочие просмотры фильма и всегда интересовался, как получается у него закадровое чтение. Колорит звучания его голоса был так разнообразен, что даже я, прожженный старый звукооператор, не мог придумать ни к одной мелочи. Голос Левитана звучал великолепно. Это было у него просто в крови. Талант, одним словом. А сколько оттенков интонаций! Любой текст он интонировал по-своему, записывал по нескольку раз, проверял, уточнял, искал только ту единственно верную тональность, которая была нужна именно в данном контексте.

Юрий Борисович Левитан был огромной души человеком. Сколько помню, он всегда был в заботах о ком-нибудь — помочь с квартирой, с лекарством... Он обращался в инстанции, хлопотал, просил, хотя не имел никаких специальных полномочий. Только личную популярность и большую человеческую душевность. Никому

никогда он не отказывал в просьбе. Таким он навсегда останется в моей памяти и в памяти тех, кому посчастливилось встретить на пути этого светлого бескорыстного человека.

Левитана знали все. П. И. Батов

На фронте Ю. Б. Левитана хорошо знали солдаты, командиры, политработники. Это была огромной важности миссия — передать по радио всю значимость и актуальность информации. Он был талантливый человек. Профессионал с неповторимой дикцией. Его голос отличался особой доходчивостью и с воодушевлением воспринимался в солдатской среде.

В войну, во время тяжелых боев, мы очень нуждались в новостях. Ждали сообщений по радио, особенно, конечно, о победах на различных участках фронта. И когда слушали такие новости, испытывали необычайный душевный подъем. Была какая-то вдохновляющая сила в голосе диктора, с именем которого для нас была связана Победа.

Вспоминается Сталинград... 19 ноября 1942 года армия, которой я командовал, участвовала в контрнаступлении на Донском фронте. Операция под Сталинградом была разделена на три этапа и закончилась 3 февраля 1943 года. Мы были на главном направлении, где вершилась судьба решающего удара, и, понятно, чрезвычайно нуждались в поддержке. Специальные дежурные внимательно следили, чтобы не упустить ни одного слова из Москвы, услышать голос Левитана.

Я воевал и на Донском фронте, и на Центральном (Курская дуга), и на Первом и Втором Белорусских фронтах. Левитан, конечно, не участвовал в этих операциях, но было впечатление, что он всегда рядом, среди нас, всегда точно информируя нас о боевых действиях.

Закончил я войну в Берлинской операции на Штеттинском направлении. И до самых последних дней войны интересовался: нет ли новостей от Левитана из Москвы?

Я был очень рад познакомиться с ним. Произошло это уже в мирное время, когда я был председателем Советского комитета ветеранов войны. Мы пригласили Юрия Борисовича для вручения медали к двадцатипятилетию организации нашего Комитета. Он пришел, мы познако-

мились, вспомнили войну, радиосообщения тех лет. Я попросил его что-нибудь прочитывать из сводок военного времени. И ведь какая память: он почти дословно воспроизвел тексты приказов Верховного Главнокомандующего!

И сразу вспомнились те нелегкие годы. Оказалось, что голос Левитана, оставшись в слуховой памяти, обладал способностью возвращать к пережитым событиям, хотя и звучал много лет спустя после окончания войны.

Комитетом ветеранов войны я руководил одиннадцать лет. В работе Комитета, в сообщениях, докладах, на встречах ветераны войны непременно ссылались на сообщения Совинформбюро, которые читались Левитаном в годы войны. Ведь он называл конкретные фамилии командиров, вплоть до высшего командования, которые отличились в тех или иных боевых операциях, зачитывал благодарности, сообщал о награждениях. (О том, что в числе десяти командиров я был награжден орденом Суворова Первой степени, было отрадно услышать из уст Левитана.) Армия получила за войну двадцать семь приказов Верховного Главнокомандования, и все они были прочитаны этим замечательным диктором.

По существу, голос Левитана был для нас, военных, голосом Ставки. Благодарности воинским подразделениям, указы о повышении в звании, передвижениях войск, салютах победы,—обо всем говорил Юрий Левитан. И его твердые интонации придавали особую значимость нашим ратным делам.

Получалось так, что Левитан не раз сообщал об успехах вверенной мне армии, и мне казалось, что мы с ним старые знакомые. Только вот не было возможности поблагодарить его лично. Мне порой казалось, что кроме Левитана, я никого и не слышал по радио в военные годы, хотя, конечно, в эфире работали и многие другие дикторы. Я не хочу их обидеть.

На фронте у меня был трофейный радиоприемник. Он был довольно нескладный по форме, громоздкий, но работал хорошо. Он сопровождал меня по всем дорогам войны. Ну а кроме того, радио служило мне и для управления войсками. Без радио я не мыслил своего существования. И как командир и просто как радиослушатель.

Хочу особо подчеркнуть, что лично я слушал Юрия Борисовича Левитана с особым пристрастием военного-

профессионала. Во время боевых действий я искал в сводках подробности: как был взят тот или иной город, что нового в тактике, какие военные новинки. То есть стремился пополнить багаж собственных военных знаний. Об услышанных новых способах группировки войск, опыте успешных операций и т. д. я информировал своих подчиненных. Особую важность приобрела эта информация во время Курской битвы, где действовало много новой техники, было применено новое построение боевых порядков. Против нас были брошены новые противотанковые средства. Поэтому такими ценными оказывались сведения, которые удавалось «выудить» из военных сводок, звучавших по радио.

Когда звучало левитановское сообщение об успехах наших войск на одном участке фронта, это поднимало дух народа, вдохновляло бойцов на других фронтах. Политработники широко использовали эти сообщения. Их помещали в корпусных, дивизионных, армейских газетах. Так иногда и писали: «Об этом сообщил Левитан». Но он умел сказать и о наших неудачах. Однако подобные сообщения всегда были окрашены уверенностью в том, что неудачи эти носят временный характер. Так оно и вышло.

Советский народ победил в тяжелейшей из войн. И вполне закономерно, что важнейшее за всю войну сообщение — о Победе — было поручено прочитать в эфир именно Юрию Борисовичу Левитану. Те, кому посчастливилось его услышать, никогда этого не забудут.

Вахта продолжается. Е. И. Толстиков

Война застала меня в Арктике, где я провел большую часть военного лихолетья. Помню, в арктическом порту мы играли в шахматы с капитаном одного из ледоколов. Прибегает радист и докладывает: «Война!» Мы бросились в рубку. По радио выступал В. М. Молотов.

Плавая на ледоколах в Арктике, мы внимательно следили за событиями на фронте. Сводки о положении на фронте читал Ю. Б. Левитан. И хотя наше плавание тоже было небезопасным — много хлопот нам доставлял японский флот, — однако обстановка на главном фронте была много тяжелее. Но что-то такое было в голосе

диктора, что рождало уверенность у людей: у нас есть силы, и наше отступление временное.

Некоторое время я работал в Красноярске, куда был эвакуирован «Главсевморпуть», затем снова был направлен в Арктику. Радио было для нас тогда основным источником информации, оперативно сообщаящим о ходе военных действий.

С радио и голосом Юрия Левитана связаны самые запоминающиеся дни наших побед на фронтах. Приподнятые, воодушевляющие сообщения об освобождении городов, о салютах, о присвоении нашим боевым подразделениям звания «гвардейских», о наших полководцах, которые блестяще проводят операции по окружению и разгрому немецких дивизий. Вот когда мы с радостью и особым нетерпением ожидали по радио выступлений Левитана.

Он, как я знаю, был в постоянной готовности, считая большим и ответственным делом, своим профессиональным долгом прочесть прямо в эфир документ правительственного уровня, найти нужную тональность для каждого конкретного сообщения. В голосе Левитана никогда не чувствовалось отчаяния, паники. Было ощущение, что главная новость у него припасена на лучший день. И мы знаем, что этот день наступил и что именно Юрий Левитан оповестил советский народ о великой Победе над фашизмом.

После окончания войны мне не раз приходилось участвовать в различных встречах, в том числе с ветеранами арктических исследований. Бывало, Ю. Б. Левитан и я выступали в одной программе. Я рассказывал о своей работе в разных странах, на разных широтах, о морских рейдах, а Левитан выступал с воспоминаниями о радиопередачах из Москвы и о своей работе у микрофона. Такие выступления со сцены пользовались большой популярностью. Ведь зная диктора по голосу, многие впервые видели его воочию и принимали его с восторгом, слушая голос, так запомнившийся со времен войны.

На меня лично впечатление производило совместное выступление Юрия Левитана и Ольги Высоцкой. Надо сказать, что в Москве, в Центральном доме работников искусств, не раз устраивались вечера с концертной программой для полярников. Ольга Высоцкая и Юрий Левитан вдвоем читали последние известия времен войны. В эфире их имена почти всегда звучали рядом. А тут

они сидели за столом на сцене и воспроизводили те рабочие ситуации, которые бывали в студии.

Я видел, как он работает, наблюдал за манерой чтения. Начинал Левитан ровно, спокойно. Но постепенно голос его набирал силу, накалялся. Видимо, в его памяти возрождались события, о которых он говорил людям. Он снова переживал все — скорбные и радостные, победные дни. В чтении Левитан преображался. У него слегка кривились губы, выдавая сильное внутреннее волнение, и вместе с тем он сохранял внешнюю сдержанность. Он помнил о судьбах многих людей, которые пережили войну, но не дождались своих близких и родных. И теперь, слушая сообщения военных лет, люди как бы перелистывали страницы своей памяти.

Мне немало пришлось поработать и в далекой Антарктике. И скажу, что и там, вдали от берегов нашей Родины, голос Левитана тоже был вестью из дому, казался родным голосом близкого человека. Давно отшумела война, и характер сообщений был уже сугубо мирный: страна живет спокойной трудовой жизнью, читает известия Левитан, все хорошо. И сокращались расстояния, и ближе к родной земле казался этот далекий ледяной край планеты. Думаю, не преувеличу, если скажу, что нам, полярникам, доставляло особенно большую радость, когда мы в сложных условиях Севера или в Антарктиде, в дрейфе, в плавании, «поймав» в эфире Москву, слышали именно Юрия Левитана.

Немногие дикторы удостоены высокого звания — народный артист Советского Союза.

Мне, как человеку, связанному с морским делом, очень приятно, что наше правительство приняло решение увековечить память Юрия Борисовича Левитана, назвав его именем морское судно. Оно уже вышло в плавание. И пусть мы уже не слышим голоса диктора на волнах эфира, но «Юрий Левитан» продолжает свою вахту на океанских просторах.

Он вселял надежду. И. Д. Папанин

Есть люди, с которыми ты знаком мало или совсем незнаком, но тем не менее они навсегда вошли в твою жизнь и остались в ней. Назову два таких важных для меня имени. Это Владимир Шнейдеров, который появил-

си в нашей жизни одновременно с тем, как зажглись в наших домах экраны телевизоров, и до сих пор живет, давно ушедший из этого мира, в памяти людей. Ведь насколько он был свой, родной человек, которого ждали, которому радовались в каждом доме!

Так же вошел в нашу жизнь Юрий Левитан. Сначала мы услышали его голос, а потом и узнали его. Казалось, в голосе Левитана была тысяча оттенков. Я до сих пор помню, с каким торжеством говорил он о нашей четверке, о нашем дрейфе на станции «Северный полюс!» А ведь это было в 1937—1938 годах. Целая вечность! Но еще раньше мы с трепетом вслушивались в левитановский голос на далекой полярной станции на Земле Франца-Иосифа и в бухте Тихой.

В годы Великой Отечественной войны голос Юрия Левитана звучал порой приглушенно и скорбно, но все равно твердо — он вселял надежду, что победа непременно придет. И каким ликующим был этот голос, сообщивший миру о первом салюте в честь нашей победы под Белгородом и Орлом! Левитан словно предвидел уже в те дни нашу окончательную победу над фашистской Германией.

Вообще он умел, как никакой другой диктор, выразить и общую печаль народа и его общую радость. И когда слышалось торжественное: «Внимание, говорит Москва!» — люди бросались к репродукторам. Они знали: говорит Левитан — значит, произошло что-то важное.

В историю входят не только войны, победы, имена... В XX веке в нее вошли и голоса. Одним из самых звучных, самых выразительных, одним из самых первых голосов нашей страны был и останется голос диктора Всесоюзного радио Юрия Левитана. Прекрасный голос человека большой души — сына, патриота любимой Родины.

Как никто другой. Г. Т. Береговой

Впервые мы познакомились с Юрием Борисовичем Левитаном в Белгороде, в 1975 году, когда отмечалось тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вечером на площади собрались жители города. Левитан читал приказы и сводки Информбюро времен войны: о победе на Орловско-Курской дуге, об освобождении городов Орел и Белгород, о первом за всю войну

салюте в честь освобождения этих городов. Вся площадь чутко прислушивалась к радостно-торжественным звукам левитановского голоса.

К сожалению, судьба сложилась так, что именно на Белгородской земле через восемь лет Ю. В. Левитану пришлось встретить свой смертный час. И, как ни печально, именно в дни торжеств в честь освобождения города.

В трудный период войны, в дни отступления советских войск Левитан в небольшом объеме радиоинформации сумел многое сказать, и так, чтоб слушатели почувствовали всю ответственность ситуации, важность момента. Своим чтением он способствовал подъему всенародного гнева против врага, решимости остановить его продвижение по нашей земле. А вот когда стали звучать победные сводки, скажем, о разгроме гитлеровцев под Сталинградом, в самом тоне передач, в голосе Левитана очень отчетливо чувствовалось, что это не частный успех, а начало перелома в войне. И это было очень важно, потому что укрепляло дух людей, вселяло уверенность в нашей окончательной победе.

Но бывали и другие ситуации. Идут по радио сообщения о нашем успешном продвижении на запад. Победы, победы... И вдруг снова: наши войска оставили Харьков. Трудно перестроиться с победных, радостных сводок на тревожные, суметь передать это в соответствующем тоне. Война — стихия суровая, и сообщать о поражениях тоже надо было уметь. И тут выручало искусство диктора.

Сейчас вошли в традицию встречи бывших фронтовиков — моряков, танкистов, летчиков, артиллеристов. На одной из таких встреч мы оказались вместе с Левитаном. В общении он был очень, как говорят сейчас, коммуникабельным человеком, легко вступал в контакт.

Приезжал Юрий Борисович и в Звездный городок. Когда раздалась характерные интонации голоса Левитана — все внимание слушателей обратилось к нему. Встреча в Звездном была посвящена полету в космос Юрия Гагарина. Левитан, как известно, и об этом важном событии первым объявил по радио. Со сцены он читал отрывки из радиосообщений, которые звучали в эфире во время полета Юрия Алексеевича. Все, наверное, помнят, что первые сообщения о полете читались триумфально, с повышенным накалом. Но постепенно с новыми успехами в освоении человеком космического пространства

информация в эфире стала более сдержанной, я бы сказал—деловой. Полеты встали в один ряд с другими важными событиями. Это обстоятельство отразилось и на дикторской манере Левитана. В его голосе звучала спокойная уверенность в успехе того или иного эксперимента в космосе.

Однако все это не означает, что сдержанность Ю. Б. Левитана отражала его отношение к событию, к факту. Некоторые считают, что если человек идет на трибуну выступать и не волнуется при этом, то это высший класс. Я думаю—наоборот; такого человека лучше бы и не подпускать к трибуне. Левитан каким-то особым чутьем ощущал невидимую аудиторию слушателей, угадывал их волнение, внимание к его слову и не мог говорить с ними, не испытывая чувства ответственности, сопричастности к сообщаемому.

Юрий Левитан был талант в своей области. В зависимости от темы информации он дикцией, произношением, тембром своего голоса умел сразу дать понять, какого рода весть он несет: тревожную, радостную, серьезную, важную. Он мог в один момент настроить всех слушателей на нужную волну. Это и есть искусство диктора. Даже артисту, чтобы войти в роль, так сказать «разыграться», нужно какое-то время. А у диктора все сообщение занимает две-три минуты. Нет дистанции для «разбега». И надо выступить в нужном эмоциональном ключе, чтобы, выражаясь по-военному, выстрел попал в цель. И это Левитан умел делать неподражаемо, как никто другой. Даже паузой он ухитрялся передать оттенки настроения.

Не так уж много в истории людей, которые могли довести искусство ораторского слова до высочайшей степени убедительности.

Многие еще помнят первого спортивного радиокomentатора Вадима Синявского. Он так вел репортажи о футбольных матчах, что у слушателей создавалось в воображении полная картина происходящего на поле. Сейчас мастерски ведет репортажи со стадионов Николай Озеров. Конечно, я понимаю, сеть телевидения и радио постоянно расширяется, эфир стал многопрограммным и ряды комментаторов закономерно растут. Но кроме Синявского и Озерова я лично не смог бы кого-то особо выделить как человека с изюминкой в этой профессии. Так и Левитан. У него был дар, особые дикторские

качества — он, можно сказать, был рупором, когда нужно было сообщить народу о стратегически важном событии на фронте или обратиться с кличем от имени партии.

Хотя и говорят, что незаменимых людей нет, но талантливый человек занимает особое место в жизни. Опыт работы Ю. Б. Левитана у микрофона, восходящий к началу 30-х годов, — весьма красноречивое дополнение к его природному дару. Полвека на радио. Целая эпоха!

Как фронтовик, я приветствовал решение о присуждении Ю. Б. Левитану звания народного артиста СССР и охотно дал свой отзыв о его работе у микрофона, особо отметив годы Великой Отечественной войны.

Я считаю, что если писатель обладает такой силой воображения, что заставляет читателя ощутить себя в идущем в атаку танке или в подводной лодке, или солдатом в окопе, если сумеет помочь нам понять мир с позиции его героев, тогда книга получится. Если все мы, пишущие о легендарном дикторе, сообща сумеем вызвать в памяти читателя голос Юрия Борисовича Левитана и связанные с ним события военного времени, торжеств на Красной площади, первые запуски советских спутников, значит, мы достигли цели.

Голос нашей планеты. А. А. Леонов

Детство мое прошло в суровые годы войны. Когда война кончилась, мне было десять лет. И вот, мысленно возвращаясь к событиям того времени, которые коснулись и нашего сибирского города Кемерово, я вспоминаю их под аккомпанемент радио и голоса Юрия Левитана. Мы все с надеждой ждали тогда сообщений от Советского информбюро. Память воскрешает сводки об освобождении Киева, Минска, потом Будапешта... Словом, шаг за шагом голос Левитана сопровождал продвижение наших войск на запад. И венец всему — прочитанное им с огромным подъемом, неповторимое сообщение о разгроме фашистской Германии. Те, кому довелось это услышать, я уверен, никогда не забудут той исторической минуты.

Быстро летит время. И вот уже мне вспоминается случай, когда я услышал голос Юрия Левитана в иной, прямо скажу, экстремальной ситуации. 18 марта 1965 года в соответствии с программой космического полета на корабле «Восход-2», командиром экипажа которого был

Иванел Беляев, я осуществил выход в открытый космос. Когда выполнил все намеченные операции и доложил об этом на Землю, услышал вдруг по связи: «Внимание, внимание! Впервые человек вышел в открытое космическое пространство и находится в свободном плавании...»

Представьте себе: в мертвой тишине и крошечной тьме космоса, где слышны лишь стук сердца и собственное дыхание, вдруг зазвучал такой земной и знакомый голос. Читал, конечно, Левитан. Его голос ни с каким другим не спутаешь. Московское радио в открытом космосе — это было как подарок!

Об этом эпизоде я рассказал после возвращения на землю во время пресс-конференции. Я сказал, что меня очень обрадовало и поддержало сообщение Юрия Борисовича Левитана о нас, о нашей работе на орбите. В сложной обстановке выполнения небывалого эксперимента, паря над планетой, я услышал знакомый голос диктора нашей страны и это придало мне силы и уверенности. Позже, уже при личной встрече, Левитан мне сказал: «Вы уж чересчур меня прославили этой историей». Я, признаться, очень удивился его словам. Разве можно было что-то добавить к его всенародной известности, к его славе, сопряженной с историческими для нашего народа датами? А он, нисколько не рисуясь, был застенчив и скромн.

Потом я не раз встречался с Юрием Борисовичем в Радиокomiteе и запомнил его как очень интеллигентного, воспитанного, мягкого и симпатичного человека. И еще. У него была искрометно быстрая реакция на жизненные ситуации, веселый нрав. Он шутил, порой довольно остро, но не обидно, и был очень компанейским собеседником.

Когда вспоминаешь о Левитане, поражает тот факт, что его работа у микрофона охватывает такие масштабные временные отрезки. Война и полеты человека в космос — целая эпоха прошла! А ведь он и до войны уже десять лет работал на Московском радио и был вполне зрелым мастером. В его труде отразился огромный исторический этап жизни нашего государства. И что удивительно — голос его не старился, в нем звучал все тот же металл.

Мне, как, вероятно, и многим, представлялось вначале, что обладатель такого могучего голоса непременно должен был быть человеком атлетического сложения. Это

впечатление дополняло то обстоятельство, что самые важные сообщения по радио звучали, как правило, в чтении Юрия Борисовича Левитана. Когда же состоялось наше личное знакомство, я увидел обычного человека чуть выше среднего роста, ничего в нем не было сверх нормы. Даже голос его в общении с людьми ничем особенным не выделялся. Но когда диктор подходил к микрофону, это уже был другой Левитан, тот самый, которого знала вся страна.

Последняя наша встреча состоялась тоже на радио, за месяц до его кончины. Меня пригласили выступить в передаче, в которой участвовала и Татьяна Викторовна Федорова — прославленный ветеран Метростроя. Это была встреча со школьниками. Вел передачу Юрий Левитан. В перерыве он снова вспомнил и пересказал участникам встречи тот случай, как я его слушал в открытом космосе. Причем он гордился этим обстоятельством и рассказывал о нем с трогательной благодарностью.

В процессе подготовки к записи я обратил внимание, как ответственно относился этот маститый диктор к своему, казалось, давно освоенному ремеслу. Стоядя в сторону от микрофона, он проговаривал текст, искал простую, теплую интонацию, соответствующую той ребячьей аудитории, с которой мы беседовали. И я пришел к мысли, что богатство его голоса, насыщенность интонационного диапазона — это не просто дар природы, а результат непрерывной работы над собой, постоянного профессионального тренинга.

Я бы сказал, что девизом работы у микрофона для Юрия Левитана была поговорка: «слово не воробей, вылетит — не поймаешь». И когда слышишь иногда в эфире, что дикторы допускают ошибки, становится как-то неловко за них. То, что простительно обычному человеку, приглашенному в радио- или телестудию, мне кажется, недопустимо для диктора. Ошибка — вообще вещь дорогая. Летчики за ошибки расплачиваются жизнью. Если бы я, например, ошибся, возможно никто не прочитал бы сейчас этих строк. Так и диктор, я считаю, должен довести свое мастерство до высшей степени совершенства и быть профессионалом, каким был Юрий Левитан.

Голос Левитана остался навсегда в нашей памяти. Он неповторимым звучанием вошел в историю советского радиовещания как уникальное явление в области искусства микрофонного слова.

Пример служения долгу. *Б. В. Волынов*

Когда речь идет о Юрии Борисовиче Левитане, память связывает имя этого человека прежде всего с воспоминаниями о трудных годах Великой Отечественной войны. У тех, кто был ее участником, воспоминаний об этом замечательном человеке несравненно больше, чем у меня. Это естественно и логично. В то время я был мальчишкой. Жил в Кузбассе, в глубоком тылу. Здесь находился госпиталь длительного излечения. Сюда прибывали бойцы, получившие серьезные ранения. От них мы узнавали подробности о делах на фронтах, о судьбах людей военного времени. Это было эмоциональным дополнением к тем официальным сводкам, которые передавались по радио. Рассказы военных как бы приближали нас к фронту, и левитановские сводки уже звучали и воспринимались по-иному. Эти сообщения, особенно в первые дни и месяцы войны, люди встречали с щемящим чувством. Суровые и тяжелые были дни. Много было эвакуированных, в том числе из Ленинграда, из других городов. У нас в доме тоже жили эвакуированные. И помню, что когда по радио раздавался такой знакомый всем голос, люди на какое-то время прерывали свои занятия, с напряженным вниманием, затаив дыхание, обращались к репродукторам — раз говорит Левитан, значит, будет важная информация.

Голос этот был голосом страны, извещавшей своих граждан о положении на фронтах, выступавшей с призывами к народу от имени правительства. Возможно, этим и объясняется то признание, которое испытывали к Ю. Б. Левитану миллионы людей, ловившие каждое его слово.

Мне вспоминается рассказ одного из фронтовиков. Когда его часть входила в освобожденную деревню, разрушенную и сожженную фашистами, вдруг из репродуктора, чудом уцелевшего в одном из домов, раздался голос Левитана. Так совпало, что по радио передавалось сообщение как раз об успешных действиях того соединения, части которого освобождали и эту деревню. Это было просто фантастично.

Бой у деревни был тяжелым, немало бойцов погибло, и это сообщение было данью памяти их героизму и вдохновило остальных на новые победы.

Казалось, само время выдвинуло этого человека быть его символом, представителем исторической эпохи нашего государства. Он как бы олицетворял те события, которыми жил народ, и делал это в совершенно точной, узнаваемой тональности.

Шли годы. Страна залечивала раны, нанесенные войной, восстанавливала народное хозяйство. Немало было больших и малых событий в жизни нашей Родины, о которых сообщал Юрий Борисович.

Но незабываемым остается тот момент, когда всего через двенадцать лет после Победы был осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника Земли, а еще через четыре года Юрий Гагарин стал первым космонавтом нашей планеты. С новой силой, бодро и торжественно звучал в эфире голос Левитана, возвестивший миру об этих исторических событиях.

Нелегко давались первые шаги в космос. В 1969 году был осуществлен космический полет, в программу которого входила первая ручная стыковка двух пилотируемых кораблей и переход двух космонавтов через открытый космос из одного корабля в другой. Это задание выполняли четвером: В. А. Шаталов («Союз-4»), А. С. Елисеев, Е. В. Хрунов и я («Союз-5»). Много раз Левитан в то время начинал сообщения словами «Впервые в мире...».

Думаю, что Юрий Борисович Левитан имел прямое отношение к успехам космонавтики, потому что он до последнего дня работал у микрофона и наряду с другими дикторами поэтапно сообщал о все новых и новых достижениях в космосе. Ему были известны все вехи истории космонавтики, вплоть до последних исследований.

О каждом новом запуске он узнавал одним из первых и оповещал об этом всю страну.

После полета я познакомился с Юрием Борисовичем. Это случилось во время подготовки телевизионной передачи, которая была посвящена космонавтам. Участие в передаче такого популярного человека вызвало наш повышенный интерес к нему. Оказалось, что легендарный Левитан в общем обычный доступный человек, добродушный, приятный собеседник. И это располагало к нему, расковывало. Завязалась беседа. Он расспрашивал нас о полете. Тогда это была новая, интересная страница пилотируемой космонавтики. Впервые была осуществлена стыковка кораблей в космосе.

И надо сказать, что Ю. Левитан интересовался нашей работой очень подробно, не из вежливости, как это нередко бывает. Он старался вникнуть в суть: как там на корабле, что из себя представляет кабина, насколько сложно работать на орбите?.. Конечно, он и до нас имел встречи с космонавтами, расспрашивал их, уже многое знал, но и в беседе с нами во время телепередачи стремился подробнее представить себе обстановку, в которой нам приходилось работать. Мне кажется, это очень важное качество для человека его профессии. Ведь диктор читает текст, написанный журналистом. Казалось бы, что тут можно привнести в материал? Но если знать предмет не поверхностно, а в деталях, да еще и из первоисточника, то такое сообщение зазвучит намного убедительнее. А к этому, вероятно, и должен стремиться каждый диктор. Ю. Левитану как раз было присуще пристрастное отношение к читаемой информации. Он стремился быть компетентным в той области, о которой ему предстояло сообщать слушателям.

На различных торжественных собраниях, в концертах, которые посвящались Дню космонавтики, Юрий Борисович был частым гостем. Дружба его с космонавтами началась еще с Юрия Гагарина и отличалась особой теплотой, что, впрочем, можно сказать и в отношении всех космонавтов, знакомых с ним.

Запомнился такой эпизод. На Центральном телевидении была одна из съемок. В перерыве я вышел из павильона, в это же время из другой студии вышел Левитан. Поздоровались, обнялись как старые приятели, как давние знакомые, как товарищи. Обменялись новостями.

В беседе он никогда не «держал расстояния», был очень живым, общительным человеком с чувством юмора. Ему до всего было дело, все интересовало.

Вспоминаю, как Юрий Борисович рассказывал о победном приказе, который он читал после окончания Великой Отечественной войны. Когда ему вручили это историческое сообщение, в душе у него было такое ликование и буря радости, что хотелось вбежать в студию, включить микрофон и закричать на весь мир: «Победа! Война закончилась!» Он испытывал те же чувства, что и все люди, но необходимо было сдерживать эмоции, успокоиться, чтобы произнести текст приказа в торжественной, достойной форме.

Левитан был требователен к себе, добиваясь высшей степени совершенства в дикторском искусстве. Я не помню, чтобы даже внешне он выглядел усталым, небрежно одетым. Всегда был подтянут, собран, постоянно был в форме.

Я не имел опыта выступления перед большой аудиторией. И поэтому очень внимательно наблюдал за Левитаном: как он ведет себя на сцене, как преподносит информацию, как входит в контакт с залом, какие приемы ораторского искусства использует. Он умел быстро наладить доверительную атмосферу беседы с аудиторией. Тогда я понял в чем дело: Левитан говорил и со всем залом сразу и с каждым человеком в отдельности.

Еще совсем недавно, иногда часов в одиннадцать вечера, слушаешь «Маяк» или выпуск последних известий— читает Левитан. Думаешь— что же это он так поздно? Разве помоложе диктора нельзя было назначить, ведь Юрию Борисовичу уже под семьдесят. Известно, что радио работает круглосуточно. И Левитан продолжал трудиться до последнего часа в напряженном ритме Всесоюзного радиовещания. Вел и оперативные передачи, и ответственные репортажи с Красной площади. Работал наравне со всеми, не делая себе никаких скидок,— пример истинного служения своему долгу.

Слово о друге. В. В. Янчевский

Август 1978 года. Юрий Борисович Левитан, композитор В. Я. Шаинский и я приехали в Ленинград для участия в устных выпусках еженедельника «Говорит и показывает Москва». Здесь к нам присоединились С. С. Витченко— кадровый рабочий завода «Электросила», инициатор движения наставничества, Герой Социалистического Труда и С. Г. Алехин— руководитель ленинградского отделения нашего издания. Всем нам предстояли встречи с рабочими и журналистами города. Должен сказать, что Ю. Б. Левитан охотно принял (как, впрочем, и всегда) предложение участвовать в разговоре о работе радио и телевидения, о редакционных планах. По его глубокому убеждению— и он неоднократно это подчеркивал,— дикторы и еженедельник делают одно общее дело— рассказывают о программах радиослушателям и телезрителям.

В первый же день по приезде наши ленинградские коллеги показали нам небольшой музей, созданный в Доме радио (улица Ракова, 27). В его экспозиции наглядно представлена роль радио в годы Великой Отечественной. Увиденное в музее нас буквально потрясло... Фотография диктора, получившего ранение при артобстреле, но не пожелавшего покинуть свой пост в радиостудии. Обращение к молодежи, отправлявшейся на защиту родного города, с которым выступил по радио в октябре 41-го писатель-патриот Всеволод Вишневский. Черная тарелка репродуктора, перенесенная в музей из ленинградской квартиры блокадного времени. Метроном, тот самый, что слышали ленинградцы все 900 дней вражеской блокады. Его непрерывный стук означал для каждого, что враг не вошел в город, вселял надежду — враг не войдет! Рядом фотографии Ольги Берггольц, чей голос почти ежедневно слушали ленинградцы. Окаменевшая дневная пайка хлеба умершего от голода рабочего...

Помню, как Юрий Борисович долго стоял возле стенда, посвященного Ольге Берггольц, ее героической работе на радио в дни блокады. Читал стихи, которые поэтесса написала и прочла по радио в самое трудное для города время.

«Здесь, как в бреду, все было смещено;
Здесь умирали, стряпали и ели;
А те, кто мог еще

вставать с постелей,

Пораньше утром

растемнив окно,

в кружок усевшись, перьями скрипели.

Отсюда передачи шли на город —

Стихи и сводки

и о хлебе весть.

Здесь жили дикторы и репортеры,
поэт, артистки... всех не перечеть».

(О. Берггольц. «Твой путь»)

На другой день утром мы были у полиграфистов Лениздата. От композитора ждали песен. И он их исполнил, как всегда, с блеском. Но, пожалуй, на долю Юрия Борисовича выпала тогда наибольшая нагрузка. Пришедшие на встречу с ним хотели непременно услышать из его уст памятные каждому ленинградцу приказы Верховного Главнокомандующего о прорыве вражеской

блокады, о полном ее снятии. А потом посыпались вопросы. И Левитан снова рассказывал, снова воспроизводил по памяти победные приказы — о взятии Берлина, о капитуляции фашистской Германии, сообщение ТАСС о полете Ю. А. Гагарина в космос. Был среди вопросов, заданных в Лениздате, и такой:

— Что же, Юрий Борисович, по-вашему, главное в профессии диктора?

Левитан не задумываясь ответил. Сейчас, может быть, его ответ покажется кое-кому сухим и официальным. Но тогда все, кто слушал, поняли — говорит человек от души и убежден в правоте каждого своего слова.

Диктор, сказал он, — это прежде всего пропагандист, агитатор, человек, которому доверено нести людям слово партии, Советской Родины. Нет большей радости, чем та, которую испытываешь, когда читаешь слушателям о новых и новых победах, одержанных во имя коммунизма. И вот еще что. (Тут Юрий Борисович коснулся пальцами оправы очков. Так он всегда делал, когда собирался с мыслями у микрофона или пытался справиться с охватившим его волнением). Вчера нам показали музей, который произвел на нас потрясающее впечатление. В нем отражена работа ленинградского радио в годы войны. Побывайте там, если еще не были! Так вот, вы получите исчерпывающий ответ на свой вопрос. Диктор, я имею в виду советского диктора, непременно должен быть гражданином своей страны. Жить и в ее горестный, и в ее радостный час интересами Родины, интересами и заботами своего народа. И любить Родину так, как любили ее защитники осажденного города, героические ленинградские журналисты и дикторы Ольга Берггольц, Михаил Меланед, Владимир Ярмагаев.

Я уверен, когда он произносил эти слова, перед его глазами стояли виденные накануне крохотная окаменевшая дневная норма хлеба блокадного ленинградца, метроном, отсчитывающий время в несломленном городе, стихотворные строчки, написанные уже после войны, но прочитанные нами впервые в музее.

«Город каменными губами

Обеззвученно шевелит.

И один только стук метронома,

Будто это пульсирует камень,

Учащенно и неотступно:

Жив, жив, жив, жив...».

В газетных и журнальных публикациях, посвященных Ю. Б. Левитану, в беседах о нем не раз встретишь утверждение: «Как-то Юрий Левитан мне рассказывал...», «Мы были очень дружны с ним...» Убежден, каждый из заявлявших подобное имел полное право так говорить. Ибо такова была натура Левитана, широкая душа, открытое людям сердце. Многих он одарил своей дружбой. И мне не раз рассказывал. И мы с ним были дружны. И не однажды, а много, много раз засиживались мы с ним в его уютной квартире на улице Медведева за неизменной чашечкой кофе, который так любил готовить гостеприимный хозяин.

Он с удовольствием принимал гостей. Ему нравилось, когда они, пока он возится на кухне, рассматривали многочисленные фотографии на стенах, на книжных полках, под стеклом ломберного столика. Фотографии, подлинные реликвии актерского труда, встречали гостей еще в прихожей. Среди снимков множество уникальных. Встретить их вот так, все сразу, можно было лишь, пожалуй, только у Левитана. Близкие друзья шутя называли левитановскую квартиру музеем советского радио. И не было в этой шутке большого преувеличения.

Сейчас, задним числом, пытаюсь восстановить в памяти не раз виденное в доме на улице Медведева... Казалось, что приходить сюда будешь еще не раз и все привычное увидишь снова.

Итак, о фотографиях. Вот дикторы старшего поколения: Наталия Александровна Толстова, Евгения Исааковна Гольдина; педагоги: Михаил Михайлович Лебедев, Елизавета Александровна Юзвицкая. Снимки совсем юных Ольги Сергеевны Высоцкой и Юрия Борисовича Левитана. На других фотографиях — дикторы послевоенной поры, 70-х, 80-х годов. Вот у микрофона огромной величины, смахивающего на знаменитый репродуктор-тарелку, юноша в очках-велосипедах (снимок 1936 года). Юрий Левитан ведет передачу из студии московского радио. И рядом фотография, облетевшая многие страны мира на страницах журналов и газет: тот же молодой человек, но заметно повзрослевший, энергичным жестом руки ставящий точку, кончив чтение исторического сообщения о разгроме немецко-фашистских полчищ под Москвой в декабре 1941-го. Тут же очень дорогой для Юрия Борисовича снимок: Михаил Иванович Калинин вручает ему орден Трудового Красного Знамени. Первый

его орден! Еще один памятный снимок: Юрий Борисович и Василий Иванович Качалов в ЦДРИ. Как часто мне довелось слышать, когда на вопрос: кого вы считаете своими учителями, Юрий Борисович обязательно первым называл имя этого великого актера... Вот фотографии самых дорогих и близких для него людей — дочери Наташи, внука Бориса. Внук Борька — его гордость, его любовь, его слабость. И фотографии (их множество) об этом красноречиво говорят. Борька — на руках у деда. Борька — школьник. Вот они вместе на прогулке. А вот внук с мамой, Натальей Юрьевной...

Была среди фотографий, особенно дорогих для хозяйина дома, еще одна. Юрий Борисович и Юрий Алексеевич Гагарин за очень приятной, судя по всему, для них обеих беседой. Но об истории этой фотографии чуть позже.

Редкий день в доме Левитана не бывало посетителей. Шли с предложением выступить, записаться на пленку. Шли за советом, за помощью, поделиться новостью, чаще же — просто поговорить. И дело здесь не столько в огромной популярности Юрия Борисовича. Привлекали его человечность, готовность прийти на помощь, удивительная способность слушать других, принимать близко к сердцу то, что беспокоило пришедших к нему нередко совершенно не знакомых ему людей. Кофе, заботливо предложенный хозяином, мягкая улыбка, доверчивый взгляд его светлых глаз — все располагало к доверительной беседе, к разговору по душам.

А как замечательно он умел рассказывать! Вовремя мог вернуть какую-нибудь смешную историю, рассказать о казусе, имевшем место в его жизни, а то и просто о любопытном человеке, с которым столкнула его судьба. Каждый раз, когда я уходил от него, ловил себя на мысли — щедрость левитановской души, его ума вновь дала пищу для размышлений, натолкнула на любопытные темы.

Вспоминаю две наши встречи с гостями из Болгарии. Одна — с полковником Стойчо Тафроджийски, тогда заместителем начальника политотдела железнодорожных войск НРБ. Другая — с тогдашним собкором газеты «Народна култура» в Москве Александром Абаджиевым. Болгарские друзья очень хотели, чтобы Юрий Борисович побывал у них в стране. Дважды (было это в 1974 и 1980 годах) полковник привозил приглашения Левитану

и специальные обращения к руководству Гостелерадио с просьбой оказать помощь в том, чтобы диктор, широко известный и почитаемый в Болгарии, смог принять участие в торжествах по случаю годовщины освобождения страны от фашистской оккупации, а потом и победоносного завершения второй мировой войны. Но именно тогда Юрий Борисович был особенно загружен: участвовал в записи специальных выпусков передачи «Говорят и пишут ветераны», был занят на съемках нескольких документальных и художественных фильмов, много ездил по стране, встречался с ветеранами боев за Донбасс, на Днестре и Волге, в Севастополе. В 1980 году по инициативе ЦК ВЛКСМ и Главного политического управления Советской Армии в различных городах состоялись всесоюзные встречи молодежи и ветеранов войны — танкистов, артиллеристов, летчиков, пехотинцев, партизан, героев антифашистского подполья. Вот после возвращения Юрия Борисовича с одной такой встречи (она проходила в Брянске) мы и оказались у него вместе с Стойчо Тафроджийски и Александром Абаджиевым. Левитан был переполнен впечатлениями. И потому с ходу принялся рассказывать о поездке. А мы с неменьшим удовольствием слушали его. Жалею, что в тот вечер не было со мной репортерского магнитофона. Это была бы преотличная запись! Но очень хорошо помню, как Юрий Борисович с мельчайшими подробностями постарался передать то, что его больше всего взволновало. Прежде всего впечатления о встречах с знаменитым брянским народным мстителем, Героем Советского Союза П. Брайко, с легендарным секретарем партизанского обкома партии, дважды Героем Советского Союза А. Ф. Федоровым, с членом штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне В. И. Левашовым.

Особенно торжественной была встреча с партизанами в Брянске. Площадь перед областным драматическим театром превратилась на несколько часов в партизанский лесной лагерь. Под елями и березами горели костры, вокруг них — парни и девчата в телогрейках и шапках, с красными лентами наискосок. В руках — автоматы. Перед входом в здание театра искусно замаскированные дозоры. А над площадью, над всем этим, как отзвук далекой грозы, суровая и задумчивая песня, ставшая партизанским гимном, — «Шумел сурово Брянский лес».

— Я должен был, — рассказывал нам Юрий Борисо-

вич,—выступить на этой встрече. Прочсть несколько фрагментов из приказов Верховного Главнокомандующего о действиях партизан в тылу врага, об участии их в освобождении Брянского края, Украины, Белоруссии. Председательствующий на встрече секретарь обкома партии Е. И. Сизенко предупредил, что это будет в начале встречи. Вам, наверное, трудно поверить, что в тот момент я никак не мог справиться с волнением, вызванным тем, что я увидел и услышал при входе в театр.

В Навлинском районе, известном тем, что все годы фашистской оккупации в нем сохранялась и действовала Советская власть, участники встречи посетили одну из достопримечательностей Навли—великолепный, созданный школьниками музей боевой партизанской славы. Экскурсию по музею вела маленькая девчушка. Как заправский гид, она сердечно поприветствовала дорогих гостей, бабушек и дедушек, храбрых партизан и подпольщиков, а затем стала знакомить с экспозицией музея. Она дотянулась указкой до включателя черной тарелки репродуктора сороковых годов, и в наступившей тишине раздался левитановский голос...

«Граждане Советского Союза, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы! Сегодня в четыре часа утра...». Каково же было изумление девчушки, когда седовласые экскурсанты объяснили ей, что вместе с ними в ребячий музей пришел не кто иной, как тот самый Юрий Левитан, голос которого только что звучал из репродуктора...

Во многих местах, в городах-героях, в пантеонах воинской славы на Мамаевом кургане в Волгограде, в Брестской крепости, на Сапун-горе под Севастополем, в других дорогих для каждого советского человека памятных местах звучат торжественные слова, славящие народный подвиг в годы Великой Отечественной, вдохновенно и прочувствованно прочитанные Ю. Б. Левитаном. Но, как признался он нам в тот вечер, встреча в самом центре легендарного партизанского края необыкновенно его растрогала.

По возвращении из Брянска Юрий Борисович собирался в Кисловодск. Там его ждали участники другой Всесоюзной встречи. На этот раз—фронтовые медики. Так что с отпуском и, стало быть, с дальней поездкой (да еще за рубеж!) ничего не получилось. И тогда добрейший Юрий Борисович, видя, как расстроены болгарские гости, решил их успокоить:

— Да вы не расстраивайтесь. Я обязательно к вам приеду. Обязательно! А пока,— и он обернулся к Александру Абаджиеву,— давайте я черкну, если не возражаете, несколько строк для читателей вашей газеты:

«Сердечно поздравляю читателей газеты «Народна култура» с нашим общим праздником — 35-летием Победы над фашистской Германией.

С особой радостью мы, советские дикторы, читаем передачи о больших успехах, которых достиг братский болгарский народ за годы социалистического строительства.

Радостей и счастья вам, дорогие друзья!

Пусть еще крепче будет наша вечная дружба!

Юрий Левитан — народный артист РСФСР,
диктор советского радио».

Среди реликвий, имеющих отношение к Юрию Борисовичу, храню и черновой набросок этого дружеского послания в Болгарию.

То, что Юрию Борисовичу писали многие, хорошо известно. Но вот то, что он отвечал почти на все полученные им письма, знает далеко не каждый. Скрупулезности в этом отношении до предела занятого человека можно лишь было позавидовать. Но факты остаются фактами. Какой бы конверт на имя Левитана вы ни взяли, на них, как правило, увидите пометку: «Ответил», «Прооба выполнена», «Поблагодарил»...

Его заветные, до отказа набитые коричневые папки-портфели с письмами, газетными и журнальными вырезками были всегда предметом вожделенного интереса для нашего брата-журналиста. Сколько тайн, неожиданных открытий хранили они в себе! Меня всегда охватывало какое-то трепетное состояние, когда хозяин, будучи в добром расположении духа, раскрывал портфель за портфелем и начинал священнодействовать. Казалось, в такие минуты преображался и он сам. Словно попадал в круг очень близких ему людей, и встреча с ними для него — истинное наслаждение. Чего только не было в этих волшебных и вместительных папках-портфелях! Слова благодарности за выступления, за то, что сделал во время войны. Приглашения приехать. И не только затем, чтобы выступить где-то, но и просто так — отдохнуть, порыбачить, отведать на пасеке свежего медку или каких-то необыкновенных (по утверждению автора письма) яблочк...

Удивительные к нему приходили письма. Одно удивительней другого. У меня сохранилось несколько выписок из них, сделанных в связи с подготовкой публикаций о Юрии Борисовиче. Но и этого достаточно, чтобы составить представление о характере почты, шедшей на его имя, о сердечности, поистине всенародной любви к нему. Вот трогательное письмо Елены Ивановны Дубовой из города Калача на Дону.

«Посылаю Вам, дорогой человек, пуховые перчатки. Вденьте их в кожаные, какие Вы небось носите, и будет Вам тепло холодной московской зимой. Связала их сама из козьего пуха. Давно собиралась, все годы, которые промелькнули после Великой Отечественной. На фронте у меня были отец и муж, Михаил Георгиевич. Был он сапер, отвоевал на Западе и еще — на Востоке. Вернулся целый, но больной... Все военные годы, пока ждала мужа, работала грузчицей в порту. И все это тяжкое время меня, как и миллионы других женщин, утешал Ваш родной голос. Он вселял надежду на Победу и возвращение с фронта дорогих людей. Вернулся муж с войны. Пришлось уйти с работы: надо было за ним ходить. Вот так и живем. И совесть чиста: для фронта делали, что могли. И я, и мой воин. А Ваш голос и сейчас без волнения слушать не могу. Сколько в нем света для людей... Знайте, что в народе Вас помнят, любят, ценят. И если сможете, приезжайте к нам с Мишей в августе — сентябре в гости; у нас рыбалка, арбузы, помидоры домашние. Хорош Дон у Калача! Очень рады будем, если отзоветесь! С уважением, Дубовы, Елена и Михаил».

Или такое письмо, полученное Юрием Борисовичем от ветеранов 89-й гвардейской Таманской стрелковой дивизии Г. И. Мищенко, В. Б. Еременко, А. Т. Вишневого, В. И. Бондаря.

«Уважаемый Юрий Левитан, наш однополчанин, здравствуйте!

Да-да, наш однополчанин. Вы шагали вместе с нами по тяжелым военным дорогам. Нам, солдатам, не всегда представлялась возможность слушать Вас по радио во время жестоких боев. Но сколько сил придавали нам передачи с Вашим участием, если удавалось их услышать. На нашу юность выпала доля в грозную годину оборонять Кавказ, освобождать Новороссийск, Керчь, Севастополь, штурмовать Берлин! И всюду вместе с нами были и Вы, наш славный однополчанин».

Юрий Борисович стал первым и долголетним ведущим передачи «Говорят и пишут ветераны». Это было для всех настолько естественным, что в письмах и пожилые и молодые люди, непременно возвращаясь к подвигу нашего народа в Отечественной войне, к преемственности боевых традиций, адресовались именно к нему. Этому в немалой степени способствовало и то, что круг забот и гражданских обязанностей Юрия Борисовича далеко выходил за рамки радио и телевидения. Где он только не побывал! С кем только не встречался! Особенно внимателен был Левитан к молодежи, к комсомолу. Он вел трансляции со съездов, выступал на слетах победителей Всесоюзного похода молодежи по дорогам отцовской славы, на военно-спортивных играх школьников «Зарница» и «Орленок». Он на все откликался с присущей ему готовностью, сердечностью и необыкновенной добротой к людям.

Уже когда не стало Юрия Борисовича, на его имя пришло письмо из Измаила.

«Уважаемый Юрий Борисович! Исполняется 40 лет со дня освобождения города русской славы—Измаила от фашистских захватчиков. На торжества по этому поводу приглашены многие ветераны боев на Дунае из прославленных частей Советской Армии—25-й Чапаевской и 51-й Перекопской дивизий, ветераны Дунайской флотилии, летчики авиаполов, освобождавшие город. Долгие 1418 дней они ежедневно слушали такой знакомый Ваш голос, слушали в грозные первые дни войны на Дунае, слушали, когда победно шли по придунайской земле, освобождая ее от фашистов. Им будет очень дорого еще раз услышать, спустя много лет, прочитанный сорок лет назад Приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Измаила и о наименовании «Измаильскими» частей, освобождавших город. Это им напомнит о многом, об очень многом...». Будь он жив, он, конечно, выполнил бы и эту просьбу.

С некоторыми корреспондентами у Юрия Борисовича завязывалась оживленная переписка.

Особо хочу рассказать о его дружбе с юношеским клубом «Бригантина» из Новороссийска. Однажды ребята обратились к Ю. Б. Левитану с просьбой принять участие в деятельности их морского клуба. Более того, они единодушно избрали его своим Глашатаем, которому отводилось почетное место в их экспедициях и плавани-

ях. Юрий Борисович охотно принял пост Глашатая и довольно аккуратно выполнял его обязанности. Несколько лет ребята докладывали ему о своей деятельности. А он по их просьбе записывал на пленку обращения Глашатая, его мнение о работе клуба, любопытные морские истории, рассказанные ему бывальыми моряками. И отправлял все это в Новороссийск юнгам из его «Бригантины». Однажды я застал Юрия Борисовича за упаковкой очередной посылки в Новороссийск.

— Ты знаешь, с удовольствием это делаю. Очень хорошие, лобознательные ребята. Вот вроде бы всего-навсего игра. А посмотри, что получается!

И он с нескрываемой гордостью прочел строки из очередного письма-донесения Глашатаю о том, что несколько ребят из клуба приняты в нахимовское училище, стали моряками.

Юрий Борисович был актером разностороннего дарования, но при этом всегда актером-гражданином.

И раз уж я взялся рассказывать о содержании заветных левитановских портфелей, не могу умолчать о письмах, в которых оценивалась его многоплановая работа у микрофона. Не раз случалось такое — едва заканчивалась передача, а люди, покоренные левитановским чтением, тут же садились за письма, слали ему телеграммы...

«Юрий Борисович! Только что прослушал в вашем исполнении поэму Роберта Рождественского «Письмо в ХХХ век». Потрясен неожиданностью диапазона, высокой художественностью души, редкостным сочетанием яхонтовско-журавлевского мастерства Вашего слова, печатью неповторимости левитановского вдохновения. Литавры, орган, скрипка — все тут! Был Левитан в живописи. Есть Левитан в искусстве чтеца!»

(Из телеграммы преподавателя кафедры марксизма-ленинизма Одесской консерватории М. Кисловского).

«Сердечно поздравляю не только как замечательного диктора, но и как собрата по искусству. Вы один из тех, кто поднял профессию диктора до высоких образцов артистизма».

(Из письма народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Г. Товстоногова).

«На днях с волнением и радостью вновь слушал Ваш голос, возвещавший о разгроме Корсунь-Шевченковской

группировки врага, о взятии Берлина и Победе над гитлеровской Германией. Сердечно поздравляю Вас с праздником 25-летия Победы. Желаю Вам доброго здоровья и надеюсь, что Ваш голос будет звучать много, много лет так же красиво и мощно, как в памятные годы Великой Отечественной.

Ваш И. Конев».

Так уж получилось, что о подробностях того, где и при каких обстоятельствах слушал давние записи Иван Степанович Конев, я узнал от Бориса Николаевича Полевого. Было это в конце 1980 года. Дикторам Всесоюзного радиовещания Ольге Сергеевне Высоцкой и Юрию Борисовичу Левитану за большие заслуги в области советского искусства было присвоено почетное звание «Народный артист СССР». Это был большой праздник у нас на радио, у всех друзей и почитателей таланта правофланговых дикторского цеха. В Кремле после вручения грамот о присвоении высокого звания Юрий Борисович сказал:

— Мы, дикторы, гордимся тем, что работаем у микрофона Страны Советов, рассказываем всей планете о свершениях нашей партии, нашего народа. Сколько тысяч страниц прочитано нами за долгую жизнь у микрофона, волнующих страниц героической истории социалистической Родины! Вспомните: бурные годы первых пятилеток, годы тяжелых военных испытаний, ликование Победы... Послевоенный подвиг восстановления... Наконец, свершения сегодняшнего дня, свидетелями и непосредственными участниками которых мы все являемся.

Мы отлично понимаем, что радио и телевидение — неотъемлемая и необходимая часть жизни и быта советских людей. Любовь к Родине, любовь к нашей работе, трудной и счастливой, является залогом того, что задачи, возложенные на нас партией, коллектив работников телевидения и радио выполнит с честью.

Еженедельник подготовил полосу, посвященную дикторам — народным артистам Советского Союза. На полосе были помещены письма радиослушателей и два интервью с людьми, не раз выступавшими у микрофона советского радио вместе с Ольгой Сергеевной и Юрием Борисовичем.

Первое интервью я взял у известного поэта, Героя Социалистического Труда Алексея Александровича Суркова. Когда я ему позвонил и попросил рассказать о том, как он встретил весть о присвоении его друзьям высоких

званий, Алексей Александрович, с присущим ему темпераментом, воскликнул:

— Радуюсь, что отныне Ольга и Юрий народные артисты Советского Союза!— Потом уже спокойней продолжил:

— Без малого полвека связывает меня с ними совместная работа на радио. А началось это в тридцатые годы, когда совсем юные еще Ольга и Юрий появились у микрофона «Последних известий». С тех пор по разным причинам — в большие революционные праздники, в дни, когда Москва встречала героев-летчиков или челюскинцев — мы несли вместе вахту у микрофонов советского радио, рассказывая миллионам и миллионам людей о том, что происходит на Красной площади, на праздничных улицах столицы. Могу многократно подтвердить, с каким священным трепетом эти дикторы относятся к микрофону, к почетному праву выступать перед ним. Что касается Юрия, то можно без всякого преувеличения утверждать, что он с честью выполнил миссию глашатая правого дела советского народа в годы Великой Отечественной. Его имя стало буквально синонимом сражающейся Москвы, всей нашей победоносной Родины.

Вспоминаю, как во время войны Левитан чувствовал себя хорошо потрудившимся воином, когда ему показывали гитлеровские листовки, в которых враг в бессильной злобе обещал тысячи марок тому, кто доставит диктора Левитана в Берлин, грозился учинить над ним публичную расправу в случае взятия Москвы.

Интервью у другого нашего замечательного писателя Героя Социалистического Труда Бориса Николаевича Полевого я взял в его кабинете в редакции журнала «Юность». Он говорил о том, что дорожит дружбой с Ольгой Высоцкой и Юрием Левитаном, которая началась со времен войны.

— И сейчас перед моими глазами неизгладимая картина: люди, ждущие по утрам у репродукторов очередной сводки Совинформбюро... Вот тогда-то и вошли они в мою жизнь, как вошли в жизнь миллионов людей... Вспоминаю и такой случай. На квартире у Ивана Степановича Конева собрались самые близкие его друзья по гражданской войне, по Отечественной: Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, П. А. Ротмистров, другие прославленные военачальники. Отмечался юбилей маршала. И вот когда вечер кончался, вдруг из соседней комнаты мы

услышали всем нам знакомый голос Левитана. Была включена запись давнего приказа Верховного Главнокомандующего, адресованного И. С. Коневу в связи с разгромом Корсунь-Шевченковской группировки врага. Когда зазвучал левитановский голос, я увидел, как взволнованы сидящие за столом полководцы. Посуровело мускулистое лицо Жукова. Покусывая ус, с преувеличенным старанием протирал свои очки Ротмистров. Безуспешно пытался справиться с охватившим его волнением Голосовский. Такова уж сила глубокого, мужественного голоса Левитана, что все люди военного поколения, солдаты и маршалы, мужчины и женщины, до сих пор не могут слушать без волнения, когда этот голос воспроизводится в каком-нибудь хроникальном фильме или историческом репортаже...

Беседовал я тогда еще с одним человеком — с Николаем Сергеевичем Чикиревым, в прошлом знаменитым токарем-новатором, ныне Героем Социалистического Труда, генеральным директором производственного объединения «Станкозавод имени С. Орджоникидзе». Его слова прекрасно дополняли то, о чем говорили А. А. Сурков и Б. Н. Полевой. Когда я спросил Н. С. Чикирева, какое место в его жизни занимает Левитан, он сказал так:

— Я лично не знаком с Юрием Борисовичем. Но считаю его одним из самых близких людей. Он постоянно входит в мой дом. Вот уже многие годы я узнаю от него что-то важное и крайне необходимое для меня. Еще когда я был подростком, учеником токаря, и вместе со всеми слушал в его чтении сводки Информбюро, а потом победные Приказы, он уже тогда стал частью моей жизни. Честно признаюсь, мое настроение зависело часто от того, что и как читал Левитан. И еще одно признание. Многие мои тогдашние рекорды окрылял голос Левитана. И теперь, всякий раз по-молодому встрепенется мое сердце, когда слышу из динамика такой родной и такой необходимый мне голос Юрия Левитана...

Как-то в феврале 1964-го к нам на радиостанцию «Юность» (в то время я работал там) зашел комсорт отряда космонавтов Герман Соловьев. Надо сказать, что мы дружили с космонавтами. Перед каждым космическим полетом Гера сообщал нам, какие песни и мелодии любят отправляющиеся на орбиту космонавты. На волнах радиостанции «Юность» звучали песни, специально адресованные для Г. С. Титова, П. Р. Поповича, В. Ф. Быковско-

го, А. Г. Николаева, В. В. Терешковой, а потом и других космонавтов. Стало традицией, что по возвращении космонавтов на землю для них, их родных и близких устраивались импровизированные домашние концерты. Их участники — певцы и поэты, группировавшиеся тогда вокруг радиостанции, наши барды и менестрели — Юрий Пузырев, Новелла Матвеева, Лев Барашков, Юрий Визбор, Елена Камбурова, Диомид Костюрин, Борис Вахнюк...

Итак, к нам зашел комсорг отряда космонавтов и сказал:

— Ребята! А ведь скоро исполнится три года, как слетал в космос Юра Гагарин. А еще раньше, 9 апреля, ему стукнет тридцать лет. Как бы это по-особенному отметить... Что вы скажете на это, ребята?

«Как-то по-особенному отметить...» А что если в Звездном городке с участием его хозяев и, конечно же, юбиляра подготовить специальный выпуск «Юности», а потом дать его послушать всей стране... Идея захватила всех. Восторженно восприняли ее и космонавты. Обещали всяческую помощь и свое активное участие.

И работа закипела. Мы засели за сценарий программы. Сейчас трудно назвать всех ее авторов. Но хорошо помню, каждый старался внести в нее что-то свое. И вот тут-то незаменимую, прямо скажу, огромную помощь нам оказал Юрий Борисович. Уже с самого начала мы не мыслили выпуска в Звездном без Левитана. Мы знали, как тепло и сердечно к нему относился Гагарин, вся космическая команда. Ведь все сообщения об их полетах тогда читал только он. Поэтому заранее было решено — нашу программу в Звездном поведет Левитан. Юрий Борисович не только охотно принял наше предложение, но с юношеским азартом принялся вместе с нами за сценарий. Именно ему принадлежала идея сделать наш спецвыпуск космическим: ведущий, то бишь «руководитель полета», держит связь с участниками программы, находящимися «на орбите», и одновременно представляет их тем, кто собрался в Доме культуры Звездного городка. Так окончательно сформировался замысел передачи, которую мы записали в Звездном 8 апреля 1964 года, в канун дня рождения Юрия Алексеевича Гагарина, с участием его самого, его друзей-космонавтов, его близких, всех тогдашних обитателей городка.

Забегая вперед, скажу, что в тот вечер в рамках

нашей программы Герман Степанович Титов прочел свое любимое стихотворение Вл. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным». В программе приняло участие трио, составленное из жен космонавтов во главе с Мариной Попович. Наш корреспондент Э. Филатьев успел тогда взять интервью у Марины, которое транслировалось на всей территории Звездного городка. Герман Соловьев то и дело подбрасывал радиogramмы «на борт корабля» от тех, кто находился в зале, и обратно «в космос» — творческой бригаде «Юности». Все это безусловно оживляло нашу программу, снимало налет официальности. Но объединяющим началом, я повторяю, был в ней, бесспорно, Юрий Борисович. Его участие в программе «Восток-741» придало ей какую-то особую весомость и в значительной степени предопределило ее успех. В программе были заняты многие известные композиторы и поэты, популярные актеры: Александра Пахмутова, Ян Френкель, Эдуард Колмановский, Евгений Птичкин, Иосиф Кобзон, Валентина Дворянинова, Юрий Филимонов, Кира Смирнова. И все-таки (нам об этом рассказывали друзья из Звездного) многие шли в тот памятный вечер в Дом культуры «на Левитана»...

У меня сохранился сценарий вечера в Звездном с пометками и дописками, сделанными рукой Юрия Борисовича. Даже с значительными сокращениями он поможет (естественно, с некоторыми комментариями) представить, как много сделал этот замечательный человек для того, чтобы наш «Восток-741» надолго запомнился хозяевам Звездного.

Итак, представьте себе. 8 апреля 1964 года. Вы в Звездном. Зал Дома культуры заполнен до отказа. Здесь космонавты: и те, что известны были тогда каждому, и те, о ком мы узнали позже. Занавес еще закрыт. На сцене ряд стульев. На их спинках закреплены листы ватмана. И на каждом большие буквы, составляющие пока загадочное для тех, кто в зале, название — «Восток-741»! Что это такое? Ведь на орбиту пока еще поднимался корабль с порядковым номером 6. Мы (это первый главный редактор «Юности» Алик Петерсон, режиссеры Ира Ельшевская и Вадим Жуков, журналисты Борис Абакумов, Дамир Белов, Леван Дзаридзе, Виктор Бысько, Арсений Ларионов, автор этих строк) выстроились за спинками стульев. Юрий Борисович, как ему и положено, занял место на «командном пункте», тут же за кулисами.

В зале, на всей территории Звездного раздаются заставочные колокольчики вечерней «Юности», возникает мелодия особенно популярной тогда песни «14 минут до старта». На ее фоне звучит знакомый каждому баритон.

Ю. Левитан. Внимание! Внимание! Через несколько минут со сцены Звездного городка будет запущена вечерняя космическая программа радиостанции «Юность» в корабле-спутнике «Восток-741». Программу пилютируют все работники редакции.

Передаем биографию космонавта. Радиостанция «Юность» родилась 15 октября 1962 года в городе Москве на Пятницкой, 25. За полтора года существования передала в эфир 740 программ. Сегодняшняя идет под порядковым номером 741. Учитывая, что программа выводится на орбиту в Звездном городке, ей присвоено название «Восток-741». Сообщения о ходе подготовки к запуску космического корабля «Восток-741», а также вся программа будут передаваться на территории Звездного городка, а 12 апреля в День космонавтики — по всей территории Советского Союза.

И. Ельшевская. Говорит радиостанция «Юность»!

В. Жуков. Говорит радиостанция «Юность»!

Ю. Левитан. В соответствии с программой, составленной по заявкам космонавтов, на стартово-сценическую площадку Звездного городка прибыли корреспонденты и редакторы, режиссеры и операторы, композиторы, поэты и певцы.

Внимание! Внимание! Объявляется готовность номер один! (Звучит метроном.)

На командном пункте — главный конструктор (из-под очковых линз в зал направлен лукавый взгляд Левитана), простите, главный редактор «Юности» Альберт Петерсон.

А. Петерсон. Руководителей служб прошу доложить о готовности!

В. Жуков. Первым докладывает Главный теоретик.

А. Ларионов. Программа разработана научно обоснованно. Разнообразна по форме и содержанию. Составлена исключительно по просьбам космонавтов и их близких.

И. Ельшевская. Слово Главному инженеру-механику.

Е. Сеницын. Аппаратура установлена, зал радиофицирован, микрофоны включены на всей территории Звездного городка...

В. Жуков. Главный врач-исследователь.

Д. Белов. Настроение бодрое, самочувствие отличное! К полету готовы!

А. Петерсон. Рапорты приняты! Объявляется двухминутная готовность! (Возникает звук метронома. Звучит космическая музыка.)

Пуск!

Открывается занавес. И все находящиеся на сцене и сидящие в зале вместе поют «14 минут до старта».

Секунду-другую в зале некоторое замешательство... Что это? Другие слова на знакомую мелодию! Но зал быстро во всем разобрался. И вот уже, весело прихлопывая в такт песне, дружно подхватывает:

«Сегодня, друзья, караваны ракет

Помчат нас вперед от звезды до звезды.

На пыльных тропинках далеких планет

И «Юность» оставит следы!»

Пока в зале и на сцене раздаются бурные аплодисменты, взаимные приветствия, Юрий Борисович что-то быстро вписывает в текст ведущего — «руководителя полета». И опять на лице довольная, лукавая улыбка.

Ю. Левитан. Команда космического корабля «Восток-741» отлично перенесла вывод корабля на эфирную орбиту. Параметры орбиты радиокорабля близки к расчетным. С бортом космического корабля непрерывно поддерживается устойчивая двухсторонняя радиосвязь. Дорогие друзья! Мне не раз приходилось читать сообщения о полетах в космос. Но сегодня впервые предоставлена мне возможность поддерживать радиосвязь с бортом «космического корабля». Все бортовые системы работают отлично. Я сейчас свяжусь с членами экипажа «Восток-741», и вы сами убедитесь в этом! Прошу выйти на связь!..

Нет смысла подробно рассказывать о всем, что включала в себя программа радиостанции «Юность», запущенная в тот вечер на «корабле-спутнике» «Восток-741». Его пассажиры пели любимые песни космонавтов, читали любимые стихи, юморески...

Пародист-имитатор Юрий Филимонов заменил отсутствующих на вечере Георга Отса, Леонида Утесова, Аркадия Райкина... Ян Френкель по просьбе комсомольцев Звездного исполнил в то время очень популярные «Шаги», «Я спешу, извините меня»... В ходе полета «Восток-741» устанавливал прямую связь с столицей

ГДР—Берлином. И наши немецкие друзья передали музыкальный привет находившейся в зале В. В. Терешковой. К Юрию Алексеевичу Гагарину обратился из Гомеля Герой Советского Союза Г. А. Денисенко, бывший начальник саратовского аэроклуба. Тот самый, у которого космонавт-1 учился летному мастерству. Он поздравил Ю. А. Гагарина с тридцатилетием, а всех космонавтов с предстоящим праздником — Днем космонавтики... Чехословацкий певец Карел Готт подарил при помощи радио песню «Мариша» Марине Попович. А потом сама Марина вместе с подругами исполнила шуточную украинскую песню.

Было всем необыкновенно весело и хорошо. Ведущий — «руководитель полета» Ю. Б. Левитан был в ударе. Его обычно торжественно-приподнятый баритон на этот раз звучал как-то по-домашнему тепло и мягко, временами по-мальчишески озорно... Когда программа близилась к концу, он объявил:

Ю. Левитан. Внимание! Внимание! Слушайте экстренное сообщение. Находящаяся в составе экипажа корабля «Восток-741» композитор Пахмутова просит соединить ее с сидящим в третьем ряду Юрием Алексеевичем Гагариным. Но прежде, Юрий Алексеевич, какую песню Александры Николаевны вы хотели бы услышать с борта «Востока-741»?

Ю. Гагарин. Александра Николаевна — наш комсомольский композитор. Мне и моим товарищам хочется услышать сейчас очень близкую нам по духу, по своему оптимистическому настрою, комсомольскую песню «Главное, ребята, сердцем не стареть!»

А. Пахмутова. Дорогой наш Юра! От всей души поздравляю вас с замечательным юбилеем, а всех наших героев-космонавтов, их подруг, будущих летчиков-космонавтов, весь коллектив Звездного с Днем космонавтики. Счастливых вам полетов, успешной работы на орбите, дорогие! Знайте, что вы в нашем сердце на всю жизнь! А теперь, пассажир «Востока-741» Иосиф Кобзон, за вами песня для наших радушных и милых хозяев!

«Главное, ребята...», «Девчонки танцуют на палубе», «Песня о тревожной молодости»... Песни следовали одна за другой. И вместе с Иосифом Кобзоном пел зал, пел экипаж «Востока-741».

Ю. Левитан. Как и во время каждого космического полета, с борта и на борт корабля поступают различные со-

общения. Только что мне передали коллективную радиogramму: экипаж «корабля» «Восток-741» был счастлив выступить перед вами, благодарит за теплую встречу и еще раз поздравляет вас всех с большим праздником, желает вам новых успехов, здоровья и счастья вам и вашим семьям и новых встреч на волнах радиостанции «Юность».

И после небольшой паузы, когда успокоился зал, совсем по-командирски распорядился:

— Включить тормозную установку!

А мы все дружно его поддержали:

— Эй вы там, на орбите! Приземляйтесь!

К коллективу «космического корабля» «Восток-741» обратился в заключение Юрий Алексеевич Гагарин.

Ю. Гагарин. Товарищи! Дорогие! Позвольте мне от имени отряда космонавтов, всех присутствующих в зале сердечно поздравить с счастливой, отличной посадкой, с отличным выполнением вашего полета на «корабле» «Восток-741». Разрешите поблагодарить вас за то удовольствие, которое вы доставили нам по случаю всенародного праздника — Дня космонавтики. В радиотехнике бывает два рода неисправностей: отсутствие контакта там, где он нужен, и наличие контакта там, где его не требуется. Думаю, что у нас сегодня не было ни того, ни другого. Мы с вами закрепили очень нужные всем нам контакты, и так довольно теплые и прочные. И мы будем очень рады и счастливы в новых космических полетах слышать позывные радиостанции «Юность», ваши теперь знакомые и близкие голоса.

Большое вам спасибо! До следующих космических полетов!

В тот вечер не торопились расходиться. Фотографировались на память. Продолжались беседы. Тут и там возникали песни. Но теперь уже локальные, под гитару. Вот тогда-то фотокорреспондент Н. Н. Агеев и сделал снимок, которым очень дорожил Юрий Борисович. На нем двое — Юрий Гагарин и Юрий Левитан за очень приятной, судя по снимку, беседой.

Уже за полночь мы возвращались в Москву. На память о встрече увез тогда Ю. Б. Левитан из Звездного книгу первого космонавта «Дорога в космос». А на ней подпись: «Самому любимому моему диктору. С наилучшими пожеланиями Юрий Гагарин.

8 апреля 1964 года».

Вот уже четыре года, как его нет с нами. Память, благодарная и всенародная, навечно вписала его имя в историю. И потому он по-прежнему с нами. Юрий Левитан значится в списках ряда воинских частей, отличившихся в Сталинградской битве, в сражениях на Курской дуге, за Берлин... Его голос по-прежнему звучит с экранов кинотеатров и телевидения, из динамиков радио. Звучит и тогда, когда повторяются такие телеэпопеи, как «Стратегия Победы», «Вечный зов». И в сотнях фильмов и передач о Великой Отечественной, уже сделанных после него. И по-прежнему его голос живет, многократно переписанный с одной магнитной пленки на другую.

Да, он принадлежит отныне истории. Но он принадлежит и нам, его друзьям, близким ему людям. И как часто нам не хватает живого общения с ним. Кажется, вот-вот раздастся телефонный звонок, и в трубке зазвучит такой знакомый, единственный в своем роде, голос: «Молодцы, ребята! Такую чудесную подборку о ветеранах сделали!»

Как много значили для нас его «молодцы»!

Или войдет в комнату, как это не раз бывало, и скажет:

— Попросили сегодня на ЗИЛе выступить. Набросал я тут кое-что. Посмотрите, други, как получилось.

Он любил советоваться перед публичными выступлениями. И неизменно спрашивал: «Ну как?» И знаете, что примечательно? Потом, когда слушаешь то, что он говорит, всегда ловишь себя на мысли: а ведь он нашел более верную интонацию, более точные слова.

Да, его не хватает нам! Бывают такие минуты, когда мы ощущаем это особенно остро. И тогда приходим к нему на Новодевичье...

«Пишут ветераны»

О том, как создавалась передача «Пишут ветераны», о работе ее ведущего народного артиста СССР Ю. Б. Левитана рассказывают радиожурналисты Б. Лещинский, И. Григорьев, Ю. Семенов, А. Ярошевский.

И. Григорьев. Вот держу в руках папку первого выпуска этой передачи (мне довелось быть ее редактором) и вспоминаю, как непросто рождалась она, сколько шло

споров о том, какой ей быть. Впрочем, этап полной неясности перед возникновением новой программы — вещь обычная.

Но многое сразу прояснилось, когда на очередном обсуждении среди имен вероятных ведущих вдруг прозвучало бесспорное: Левитан!

Сценарий первого выпуска переделывался трижды, но и это дело обычное; запись его длилась... без малого два рабочих дня. Трудно поначалу давался Юрию Борисовичу и режиссеру Ариадне Качаловой поиск верной, точной тональности. Но уже становилось ясно: обязательно поверят наши слушатели, ветераны Великой Отечественной, что их письма необходимы, интересны, дороги редакции, ведущему, и обязательно откликнутся.

И все же масштабов успеха предположить не мог никто — письма хлынули потоком! И у доброй половины из них на конверте стоял адрес: Москва, Радио, Левитану.

Ю. Семенов. Было это, конечно, не случайно — новая страница творческой биографии диктора отразила серьезные тенденции в общественной жизни. Уходило в глубину лет время войны, и все сильнее становилось стремление ветеранов вернуться памятью к радостным и горьким минутам своей боевой юности, вновь пережить их, встретиться с другом, с которым ходил в разведку. Голос Левитана был для них символом той незабываемой поры, и они сразу на него отозвались. А мы, члены творческой бригады, готовившей передачу, старались в текстах поддержать и усилить эту тональность переключки времен, простого и искреннего рассказа о солдатских судьбах.

Б. Лещинский. Можно начать издалека? Было это почти сорок лет назад. В 1946 году первый раз шел я на работу в Путинковский переулок. Подходя к парадному подъезду, услышал разговор двух мальчишек: «А ты знаешь, что здесь работают Синявский и Левитан?» — и, может быть, впервые задумался о том, порог какого дома я переступаю.

Ну а очная встреча с Левитаном у меня произошла спустя несколько месяцев, когда я сдавал передачу, которую он должен был читать. Левитан на меня поглядел и сказал: «Что-то я вас не знаю...» Я говорю: «Я вас тоже не знаю, но много раз слышал». — «Откуда вы?» Объясняю, что воевал, демобилизовался, работаю в молодежной редакции. Прочитав передачу, он вышел из

студии и продолжил разговор: «Где воевали, кем?» Я все подробно рассказал, и вдруг Левитан с какой-то робостью спросил: «Скажите, а вот вам на фронте удавалось меня слышать?» Я говорю: «Удавалось». — «Ну и как?» Ему очень хотелось услышать от очевидца, как воспринималась его работа там, в боевой обстановке, попадал ли он, как говорится, «в яблочко».

Как-то привез я из командировки очерк о молодых колхозниках, лирический такой радиорассказ, и был удивлен, что режиссер А. Столбов приглашает Левитана читать его. На мои осторожно высказанные сомнения — для него ли этот текст, близок ли его тембру? — услышал в ответ безоговорочное: «Никто из вас не знает, что такое Левитан!»

Я был на той записи и слушал изумленно, каким мягким, лиричным может, оказывается, быть этот словно литой голос...

И вот через много лет в звучании передачи «Пишут ветераны» в единое целое слились обе эти грани большого таланта — «державная медь», от звука которой, по воспоминаниям режиссеров, порою садились микрофоны, и тепло интонаций, участливое внимание к каждому письму, каждому человеку.

И. Григорьев. На наших глазах к Левитану словно возвращалась творческая молодость. Он буквально горел, работая над передачей! А она постепенно завоевывала популярность, выходила (как немногие из программ ТВ и радио, скажем, «От всей души») за стены студий. На многочисленных встречах ветеранов Ю. Б. Левитана принимали и как диктора эпохи Великой Отечественной и как ведущего передачи «Пишут ветераны», фрагменты из которой он часто включал в свои выступления.

Б. Лецинский. У меня были свои отношения с ведущим этой передачи, может быть, чуть иные, чем у остальных моих коллег, — я все же прошел войну. И когда я читал письма ветеранов, то они вызывали у меня не опосредованные, а прямые, личные ассоциации. Но я знал, что читать их в эфир буду не я, и не хотел, чтобы мое личное отношение очень уж проступало в тексте комментария. А Юрий Борисович, наоборот, вытягивал из меня именно эти черточки: как фронтовик воспринимает письма фронтовиков — и этим влиял и на создание всего текста, на его тон. Нелегко ему было работать над этими передачами. Ведь они записывались совсем не обязатель-

но тогда, когда он был свободен, а тогда, когда это требовалось по графику. И, закончив дикторскую смену, он приходил к нам в студию—всегда с улыбкой, дружелюбно приветствуя оператора, редактора, всех, кто там находился. После того как прочитает текст, сделает какие-то замечания: нельзя ли здесь заменить слово или конструкцию фразы переделать каким-то образом, чтобы ему легче было, сподручнее читать, а вернее, говорить со слушателями—ветеранами войны. А когда уж все запишем, выходит из студии, надевая пиджак на ходу, и кинет весело фразу: «По-моему, хорошо! Хорошая передача получилась!»

Он был легок, прост в работе, и с ним хотелось работать. После передачи звонил редактору домой. В семье сразу узнавали голос собеседника. А когда он представлялся по телефону: «Борис Михайлович, это Левитан говорит», я всегда отвечал: «Юрий Борисович, абсолютно лишняя строчка».

А. Ярошевский. Я очень хорошо помню, как встречали выездные редакции нашей передачи «Пишут ветераны» во многих городах, на торжествах в связи с годовщиной Победы. Для тех из нас, кто начинал работать рядом с Левитаном, осталась важнейшим его уроком постоянная и радостная готовность работать.

Нельзя сказать, что работа на радио, на массовых встречах с ветеранами и молодежью давалась ему легко. Но он был человек долга, хотя его неизменное «Нормально!», раздававшееся всегда в ответ на вопросы о самочувствии, с годами порой прикрывало усталость.

А как волновался он, уже народный артист СССР, как ужасно переживал момент выхода на сцену! Как начинающий... С таким же волнением брал Юрий Борисович и текст уже не первый год идущей, привычной, «накатанной» программы.

Ю. Семенов. Он был эталоном профессионализма, высокой требовательности к себе. Казалось бы, опытнейший мастер: пришел, прочитал, прослушал—и все в порядке, свободен. Я всегда удивлялся чрезвычайной дотошности, даже придирчивости Левитана ко всему, что было связано с работой над передачей «Пишут ветераны».

Во-первых, вежливое, но твердое условие: материал должен быть у него заранее, чтобы можно было с ним серьезно поработать, расставить смысловые акценты, уточнить то, что он считал не вполне ясным.

Во-вторых, во время записи в студии — удивительная сосредоточенность, полное отрешение от всего постороннего. Не признавал шуток во время работы. Человек чрезвычайно корректный, терпимый, он, разумеется, никого не обрывал, но никогда и не поддерживал: отвлекают!

И, еще раз подчеркну, удивлял он воистину художнической требовательностью к результату своего труда. Запись выглядит вполне прилично, пора переходить к следующему фрагменту. И вдруг: «Я хотел бы переписать». Уже всем записанное нравится — и режиссеру, и редактору, и оператору — нет, пожалуйста, еще дубль. Что греха таить? Передачи делаются в условиях дефицита времени. Записывали мы их обычно в конце недели, так как эфир — в субботу. И мастерство Левитана было гарантией того, что должный уровень будет обеспечен.

Теперь я понимаю, что его неудовлетворенность работой была залогом развития и совершенствования передачи, исключения при ее подготовке методов «конвейерной сборки». После эфира передача обсуждалась с редактором — что получилось, а что не очень. Обсуждение аргументированное: Левитан дома обязательно проанализирует передачу, причем и то, что делалось без его участия (музыкальные включения, подгонка разных фрагментов программы). Ну а последнее слово оставалось за слушателем. Что скажут письма?

Наверно, не погрешу против истины, если скажу: обращенность писем не только в адрес передачи, но и к конкретному человеку — ее ведущему — делала почту более искренней, теплой и очень помогала в работе над передачей. Обращались к нему не только со своими воспоминаниями, с приглашениями приехать на встречу ветеранов, но и со своими просьбами, со своими нуждами. Я не могу не сказать о том, с каким исключительным чувством ответственности и внимания к каждому письму Юрий Борисович работал с почтой. Естественно, он был не в состоянии разобрать всю массу писем — делала это в основном редакция. Но на письма, которые носили характер личного обращения к нему, он старался ответить сам, а в случаях, когда возникала необходимость обратиться в те или иные местные органы с тем, чтобы помочь ветерану, — подпись Левитана под письмом с такой просьбой значила очень много. Ни одного письма, ни одной открытки, ни одного сувенира, связанного с

годами войны, не оставлял без внимания Левитан. Всегда, даже после ночного дежурства, находил время, чтобы зайти в редакцию, познакомиться с письмами. А мы, видя отношение Юрия Борисовича к слушательской почте, за ним тянулись, учились у него.

Б. Лецинский. У меня в столе еще лежат эти памятные письма. «Здравствуй, уважаемая редакция передачи «Пишут ветераны»! В первых строках своего письма хочу сердечно поздравить ведущего передачи, диктора Всесоюзного радио Юрия Борисовича Левитана с высокими званиями народного артиста Советского Союза и лауреата премии Союза журналистов СССР. Я постоянный слушатель передачи «Пишут ветераны», а Вы, Юрий Борисович,—мой любимый диктор». Вот как ему писали. «Дорогой Ю. Б. Левитан! В тяжелые годы Великой Отечественной войны Ваши слова по радио вливали во фронтовиков новые силы и воодушевляли их на новые победы над фашистскими оккупантами».

Были не только письма-благодарности, но и письма-просьбы. «Слушая Ваши проникновенные передачи, совет ветеранов Первого полка связи Первой воздушной армии решил обратиться к Вам с просьбой. Мы разыскиваем родственников двух наших офицеров, погибших в Отечественной войне. Нельзя ли в одной из ваших передач попросить кого-нибудь из родственников офицеров откликнуться? Все наши попытки найти их не дали положительного результата. Сообщаем данные этих офицеров»... Прочитали мы с Юрием Борисовичем это письмо, он сказал: «Я понимаю, что это трудно. Но, может быть, мы постараемся?» И мы постарались. Нашлись, откликнулись родственники однополчан, встретились с ветеранами.

Вот еще одна просьба. Писал человек, в семнадцать лет добровольцем ушедший в Красную Армию: «У меня возникло большое желание обратиться к вам, Юрий Борисович, с такой просьбой. 6 декабря 1943 года на НП командира полка через трофейный радиоприемник мы слушали прочитанный вами приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Александрии. Нельзя ли еще раз зачитать этот приказ с тем, чтобы работники радио записали его на пленку, а я бы при следующей поездке в Александрию в торжественной обстановке передал бы эту пленку на вечное хранение в музей дивизии?» Я тут же нашел текст этого приказа, Юрий

Борисович прочитал его, пленку отправили ветерану, и, уверен, она хранится сейчас в музее их дивизии.

Вспоминаю разговор с одной разведчицей, партизанкой, связисткой. Она мне рассказала, что кроме поддержания связи с Большой землей была у ее маленькой группы другая, тоже очень важная работа. Радисты приходили в села, освобожденные партизанами от оккупантов, и, подгадывая время, когда Москва передавала последние известия, сводки, приказы, включали свой приемник. Разом рушились бредни фашистской пропаганды, без лекций и разъяснительных бесед: не взята врагом столица, она, как и прежде, наша, она говорит мощным и спокойным голосом...

И когда радисты в следующий раз приходили в эту деревню, крестьяне говорили, собираясь подле приемника: «Молодец, девушка, снова Левитана послушаем!» Не в обиду будь сказано другим дикторам, долгие годы наше радио ассоциировалось с Левитаном, и это не случайно.

Я должен сказать, что даже когда появился у радио такой грозный конкурент, как телевидение, и когда на ТВ родились вскоре свой «Клуб фронтовых друзей» и другие передачи, близкие по теме к передаче «Пишут ветераны», нам на какое-то время показалось, что «ящик», поглощающий все и вся, отвлечет нашу аудиторию. Но радио выстояло, и думаю, во многом благодаря Левитану. Сужу по почте. Что бы ни шло в субботние часы по телевидению — участники войны включали Левитана.

И. Григорьев. Фронтовики считали его своим. И не только по причинам, о которых мы уже говорили, но и потому, что Левитан был глубоко заинтересован в том, о чем он читал, — знал тему досконально, сведущ был и в боевой технике тех лет, в том числе и в оружии противника. Не на солдатском, конечно, но на добротном журналистском уровне. Все, что связано с войной, было ему просто очень дорого.

Мы писали текст, ориентируясь на стиль Левитана — ведущего. И чаще, чем ожидалось от этого строгого к тексту исполнителя, мы слышали от него слово одобрения. Я и стихи писал специально для этой передачи — о таких судьбах шла в ней речь, что, казалось, проза — наша по крайней мере — здесь бессильна: требовались стихи.

Познакомил я как-то Левитана со своим старшим другом, заместителем директора одного из московских

заводов, а в прошлом двадцатилетним капитаном — истребителем танков. Меня поразили его сдержанные фронтовые рассказы, его славный и бесстрашный боевой путь: Московское сражение, Сталинград, Курск, Крым, Берлин. И страницу, сюжет о нем в передаче я начал стихами:

«Где слова отыскать, чтоб проникли до самого сердца?

Как воспеть героизм, что отвел от столицы беду?

На какой пьедестал возвести сталинградских
гвардейцев?

Чем прославить солдат, разогнувших под Курском
дугу?»

Помню их встречу... Дачная, летняя обстановка, гости... Они отошли в сторонку и негромко беседовали. Собравшиеся старались им не мешать, понимая, как необходимы Юрию Борисовичу новые впечатления, новые рассказы о боевых эпизодах — не записанные еще никем страницы истории войны.

Чтобы читать неравнодушно, надо хорошо знать то, о чем ты читаешь. Это аксиома. Я, к примеру, темой войны занимаюсь уже лет двадцать пять — мне интересно как журналисту и звуковые документы находить, и читать мемуары, и слушать ветеранов. Все острее понимаешь, какое это редкое счастье — непосредственное живое общение с участниками великих сражений. Ведь слушая эти воспоминания, мы можем спросить, словно в лермонтовском «Бородине»: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...» Потому-то каждая встреча с фронтовиками для нас и радость и повод к долгой заинтересованной беседе: он ведь был там, на том участке фронта, где произошло вошедшее в летописи событие. Да не только был — он там сражался: вот этими ладонями, что сжаты сейчас в кулаки от тяжести воспоминаний, он держал оружие, штурвал самолета или корабля, поднимал снаряд за снарядом у противотанковой пушки...

И сам ветеран, что скрывать, рад поговорить о фронтовых годах. Тем более собеседник всерьез интересуется. И рассказывает подробно, не пряча чувств — тех, подлинных, что владели им тогда: ненависть, тревогу, веру...

Но такой рассказ мало «вызвать на себя» — его надо уметь слушать. Допустим, мелькнул черной тенью в разговоре «мессер» — как минимум нужно знать, что это самолет-истребитель «мессершмитт», вероятнее всего —

Дворец культуры и техники ГПЗ-1

К 40-летию битвы под Москвой

Устный журнал

„ПОДШИПНИКОВЕЦ“

Среда, 16 декабря 1981 г.

«Мессершмитт-190». Так вот, о Ю. Б. Левитане можно сказать, что в подобных беседах он не только название, но и технические и боевые данные самолета хорошо себе представлял: количество моторов, вооружение. Скажем, знал, что «фокке-вульф» был не просто истребитель, а истребитель-бомбардировщик и что кресло летчика имело бронированную спинку и потому атаковать сзади машину эту было трудно, и т. д. и т. п. Одним словом, разговаривал он с ветеранами со знанием дела.

„ГОВОРИТ МОСКВА“

Выступает диктор Всесоюзного радио, народный артист СССР

ЮРИЙ ЛЕВИТАН.

„МОСКВА — СЕРДЦЕ ПОБЕДЫ“

Театрализованное представление, посвященное 40-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

„НАС ВОДИЛА МОЛОДОСТЬ!“

Творческая встреча с Заслуженным артистом РСФСР и СССР лауреатом премии Ленинского комсомола

ВЛАДИМИРОМ КОНКИНЫМ.

Пригласительный билет действителен при наличии входного билета.

А. Ярошевский. Интересно было видеть Левитана на встрече ветеранов в московском Парке культуры и отдыха в День Победы с репортерским магнитофоном на плече. Бывало это не часто, не его это профессия, но несколько раз такие записи он проводил. Поучительно было в его работе то, что Левитан-репортер никуда не спешил. Разговор был спокойный и обстоятельный, а зоркость внимания, точность реакции — завидные.

Вот небольшой пример. Подошел к нам старый солдат, еще сохранивший былую выправку, с замечательными усами. На груди орден Красной Звезды и рядышком две

ствами в честь Победы, с предстоящим выступлением И. В. Сталина.

Исторический приказ о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте в честь нее тридцатью залпами из тысячи орудий был уже вручен председателю Радиокomiteта А. А. Пузину. И прочитал его Ю. Б. Левитан из оборудованной в Кремле радиостудии, когда Красная площадь и улицы Москвы были полны ликующим народом.

Рассказ о последнем приказе войны — торжественном, незабываемом приказе Победы — украсил передачу, согрел ее подлинным чувством, которое испытывал один из участников исторического события и его глашатай.

Б. Лецинский. Если постараться определить главное в работе Левитана — ведущего передачи «Пишут ветераны», то я бы выделил вот что: у микрофона был человек, сопереживающий авторам писем, очень хорошо чувствующий душу фронтовика. Читая письма, он был поразительно мягок, участлив. Когда ветеран говорит о себе, о своих товарищах, в рассказе его встречаются вещи горькие, страшные — это и смерти и тяжелые ранения. Левитан никогда не читал, выражая чувство жалости, — это очень важно. Он сопереживал, он понимал...

И. Григорьев. У Левитана частыми были поездки, но куда бы он ни уезжал, куда бы он ни спешил, непременно придет, поинтересуется, кто автор следующего выпуска, найдет его и обязательно запишет выпуск перед тем, как уехать. И последняя передача, которую он не успел провести в эфире, была готова, записана им полностью перед поездкой в Курск и Белгород. Случилось это так...

Редактор передачи Ю. Семенов был в отпуске, Левитан уехал в Белгород. Вдруг звонит мне В. М. Панарин (главный редактор): «Немедленно приезжай. Умер Левитан. Надо обдумать, как подготовить передачу к эфиру».

Словно обухом по голове... Но передача, последняя передача Юрия Борисовича должна выйти в эфир! И надо обдумать, как сделать ее психологически объяснимой для ветеранов: ведь в ней, как обычно, к ним будет обращаться бодрый, доброжелательный голос ведущего, а они только что узнали из программы «Время» об его кончине. Ведь огромное число слушателей привыкли отождествлять передачу с именем Левитана. Да и мы, журналисты, какой бы «могучей кучкой» ни трудились

над ее текстом, знали, что на этой передаче стоит знак качества,— «личное клеймо» мастера Левитана.

Нетрудно представить себе, с каким чувством я вошел в студию. Я сказал тогда в микрофон: «Здравствуйте, уважаемые товарищи, дорогие наши воины-ветераны! (Обращение это было принято у нас с самой первой передачи, и произносил его Юрий Борисович особенно проникновенно.) Шестой год звучат во всесоюзном эфире знакомые вам позывные, и все это время неизменным ведущим программы был Левитан.

Готовился он и к нынешней передаче: перечитывал письма, рукописи, слушал магнитофонные записи, делал необходимые при работе наброски. «Думаю начать с битвы на Курской дуге, с писем ее участников, а потом дать звуковой рассказ ветерана»,— говорил он на редакционном совете.

Воплотить полностью свой замысел Юрию Борисовичу не удалось. 4 августа он скоропостижно скончался. Последняя запись Левитана на радио—его рассказ о том, как сорок лет назад, пятого августа 1943 года, он читал в эфир приказ о первом салюте...»

И мы включили пленку этого его рассказа. Он звучал шесть минут. Затем пошли один за другим материалы, подготовленные для этой передачи.

Конечно, все эти часы думал я о Юрии Борисовиче. Многие из нас, как вспоминалось теперь с горечью, говорили Левитану, что поездки его в последнее время стали, может быть, слишком частыми для его возраста и здоровья. Но он не мог отказать людям, он не мог отказать никому! Он умел найти контакт не только с радиоаудиторией, но и с огромным залом, стадионом, и тогда его голос звучал во всей своей мощи.

Как сохранить уровень передачи, обращенной к ветеранам? Без Левитана дается это нам нелегко. Не частый случай в нашем деле: авторы у передачи те же, задачи те же, а без одного-единственного человека передача не та для слушателя. Впрочем, телевидение тоже столкнулось с этим: так воспринимался поначалу «Клуб путешественников» без В. А. Шнейдерова, «Кинопанорама» без А. Я. Каплера. Нам даже труднее: для той передачи, какой задумывалась и была все эти годы «Пишут ветераны», Левитан был не просто лучшим из возможных ведущих, а единственным. И в этом смысле—незаменимым.

Было принято решение — расширить адрес передачи, и ныне она обращена к ветеранам войны и труда, хотя почта о славном времени Великой Отечественной прева-лирует. Ну это уже другая страница в истории передачи, у истоков которой стоял Юрий Борисович Левитан.

Ю. Семенов. Честно говоря, до сих пор не верится, что приходится о Юрии Борисовиче Левитане говорить в прошедшем времени. Каждому из нас, кто провел свою жизнь в журналистике, судьба подарила много разнообразных впечатлений, дала возможность общаться с людьми незаурядными, которыми народ наш гордится. Юрий Борисович был из их числа. Всегда, особенно в трудную минуту, возвышала душу мысль о том, что он работает рядом, что дело у нас и у него общее — наше радиовещание.

Евгений Рябчиков, журналист и писатель,
лауреат Государственной премии

Михаил Платов, журналист

Ростислав Плятт, народный артист СССР

Евгения Гольдина, диктор Всесоюзного радио

Ольга Высоцкая, диктор Всесоюзного радио,
народная артистка СССР

Игорь Кириллов, диктор Центрального телевидения,
народный артист РСФСР

Эмиль Верник, режиссер Всесоюзного радио,
заслуженный артист РСФСР

Александр Шерель, искусствовед

Марк Лагун, журналист

**ДИАПАЗОН
ТАЛАНТА**

Голос времени. Евгений Рябчиков

Первоначально радио, как и кино, было немым — оно пользовалось азбукой Морзе, которая и была языком радио. Но даже при этом в дни подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции радио было использовано В. И. Лениным, партией так, как никогда прежде во всем мире: оно стало могучим оружием большевистской пропаганды и агитации. «Всем, всем, всем!» — зывали к рабочим, крестьянам и солдатам — ко всему народу — радиogramмы Ленина.

«Радио удивительно удачно явилось ко времени нашей революции, — отметил писатель Александр Серафимович, — и революция с первого момента своего существования учла и использовала его».

При большой поддержке Ленина была создана Нижегородская радиолaborатория, поднявшая свои антенны на крутизне откоса над ширью Волги. Здесь радио стало обретать дар речи: «Слышали человеческий голос по радио! Объясните: что случилось?» — писали в Нижний Новгород радисты. В веренице тире и точек морзянки для них полной неожиданностью оказалось звучание голоса человека. Первый диктор — им был сотрудник радиолaborатории, — не представляя себе, какой эффект произведут его слова, сказал в примитивно изготовленный микрофон: «Алло! Алло! Говорит Нижегородская радиолaborатория. Раз. Два. Три. Как слышно?»

Радио развивалось с поразительной быстротой. 21 августа 1922 года начались первые речевые радиопередачи, а 7 ноября по улицам Москвы разъезжал грузовой автомобиль с громкоговорящей аппаратурой — это была первая радиопередвижка. Призывы партии и сообщения РОСТА звучали в самой гуще народа, на улицах, на Красной площади. Перед микрофоном выступали видные деятели партии и Советского правительства, докладчики, артисты, причем артисты читали и газетные сообщения. Но все это было еще мозаично, неорганизованно, порой случайно, поэтому и ощутилась властная потребность в «человеке эфира», способном вести передачи, объединять выступления докладчиков и артистов, читать газетные тексты. Заговорили о том, что нужен своеобразный радиоконферансье. Но от этого предложения отказались — дело в том, что требовался такой ведущий передач, который был бы агитатором, пропагандистом и в то

же время артистом. Ну если и не артистом в полной мере, то, во всяком случае, человеком, обладающим артистическими данными.

В связи с желанием определить функцию и характер работы «вещателя» заглянули в историю: человечество всегда нуждалось в глашатаях, трубадурах, оповещавших народ о повелениях владык, битвах, победах и бедствиях. В Москве на Лобном месте на Красной площади в былые времена выступали бородатые спесивые на вид дьяки и глашатаи с чтением царевых указов и сообщений о важных событиях. Но этот вековой опыт ничего не давал радио: все приходилось начинать вновь. Родилась новая профессия — диктор. По-латыни диктор означает «говорящий человек». Но каким должен быть этот человек? Как он должен вести себя перед микрофоном? Что он должен читать? И как — читать ли, говорить ли?

Первые дикторы стали первооткрывателями в полном тайн и загадок океане — эфире. Поначалу дикторами были артисты драматических театров, но многие из них чувствовали себя неуютно перед микрофоном — они не видели зрителей, без которых нет театра, перед ними стоял громоздкий, неуклюжий на вид, немой микрофон, он-то и вызывал тягостное ощущение пустоты. Безраздельное господство в эфире устной речи привело к тому, что к микрофону чаще стали выходить писатели и поэты. Характерно, что репортаж с Красной площади Москвы 7 Ноября 1932 года вели поэты и писатели Сергей Третьяков, Илья Сельвинский, Семен Кирсанов, Алексей Сурков, Джек Алтаузен, Александр Жаров и другие писатели и поэты. Но и они не могли повседневно заменять диктора. Не были дикторами и такие известные уже тогда радиожурналисты, как, например, Вадим Синявский, хотя его знала вся страна. Среди тех, кто формировал новую профессию, на деле определял ее свойства, особенности и требования к ней, были самозабвенно преданные новому делу Наталья Толстова, Ольга Высоцкая, Михаил Лебедев, Осип Абдулов и их коллеги. Они читали «Радиогазеты» и новости дня, представляли радиослушателям докладчиков и артистов, рассказывали о достижениях науки и техники, комментировали новости культурной жизни. Они входили в духовную жизнь народа, их слушали, знали, их ждали, им доверительно писали письма, видя в любимом дикторе человека авторитетного, знающего. Один из первых дикторов, прорабо-

тавший более полувека у микрофона, так многое сделавший для подъема новой профессии до высот искусства,— народный артист СССР Юрий Борисович Левитан.

Юрий Борисович Левитан родился 2 октября 1914 года во Владимире. Здесь прошли его детство и юность. Из-за рано проявившегося удивительно сильного голоса соседские мальчишки звали его Трубой. К Юре частенько обращались за помощью родители убежавших далеко в заливные луга, за речки Клязьму и Нерль ребятишек.

— Юр! Покличь мово...—просили Левитана.—Зову, зову—не дозовусь. Голоса не хватает.

Эхо разносило до горизонта пушечный бас, и вскоре на берегу появлялись ребята с удочками или грибными кошелками.

— Тебе бы, Юр, на паровозе аль на пароходе взамен гудка быть...—шутили соседи.

Юру Левитана привлекли к художественной самодельности—он очень громко читал стихи. Всем нравилось, что есть в кружке Труба, с которой никто не сравнится. Юре было мало кружка, и с друзьями он организовал свой «театр»—повесили во дворе на деревьях мешки вместо занавеса и начали играть.

Был во Владимире и настоящий театр, с ним Юра познакомился рано. Он был потрясен, увидев на сцене Маяковского. Поэт был совсем рядом, его внимательно слушал Юра и следил за его жестами, мимикой, за умением держаться на сцене и общаться с аудиторией. Это был очень важный предметный урок, заставивший о многом подумать юного мечтателя.

Огромное впечатление произвел на Левитана и поэт комсомола, уроженец Владимира, захвативший своими стихами внимание молодежи, Александр Безыменский. Он приезжал в родной Владимир, выступал в театре и в клубах. Оказалось, что дядя Юры, Лев Юльевич Зарахович, был другом Александра Безыменского— вместе они создавали комсомольские ячейки, проводили митинги, читали лекции, организовали даже кукольный театр. Для Юры имело большое значение то, что Безыменский «свой», владимирский, а уже известный поэт. Левитан увлекся комсомольской поэзией.

— Я многим обязан Безыменскому,—говорил Левитан.—Он опалил мою душу, увлек призывными стихами строить новый мир и новые отношения между людьми.

Увлечение театром и поэзией слилось вскоре с захва-

тившим внимание Левитана радиолобительством. Сколько было радости, когда Юра услышал «голос» Москвы. Он слушал концерты, выступления Михаила Ивановича Калинина — в комнату врвался огромный мир, и в центре этого мира была Москва.

Затем нахлынуло новое увлечение — кино! При школе организовался кружок ОДСК (Общество друзей советского кино), и в нем развил бурную деятельность Юрий Левитан. В городском отделе ОДСК обратили внимание на активного кружковца с сильным, густым басом и стали поручать ему и его друзьям выступления в городе, на заводах и в деревнях. С закадычным дружкой Сергеем Бедрышевым и другими своими товарищами Юрий смело взялся выступать перед началом сеансов с рассказами о содержании фильмов, которые предстояло увидеть зрителям. В деревнях, да и в городских клубах зрители любили, когда на сцене появлялся темноволосый паренек — его могучий голос легко доходил до последних рядов в зале.

Вскоре выяснилось: кино настолько околдовало Левитана и Бедрышева, что они, думая о своем будущем, решили стать киноартистами, идти в кино.

...Первый поезд, уходящий из Владимира в Москву, увез друзей, веривших: в столице их обязательно примут в киноинститут и сразу пригласят на съемки.

— Долго я не мог простить себе этот наивный и в общем-то глупый «побег» из дому, — вспоминая бывшее, говорил Юрий Борисович. — Но что было, то было: молодость, романтика, горячие головы. Москва ошеломила нас шумом, многолюдьем, спешкой. Все куда-то бегут и... никому нет до нас дела. Сергей торопил меня, в институте должны знать: мы прибыли.

Нельзя сказать, что они не произвели никакого впечатления на кинематографистов. И все-таки нашлись добрые, разумные люди, которые сказали им горькую правду: «Возвращайтесь-ка, ребята, назад в свой Владимир, учитесь, работайте в кружке художественной самодеятельности, может, в вашем театре вам и дадут сыграть популярную роль — «Кушать подано».

Они были молоды и решили, что с ними поступили несправедливо, и возвращаться в родной город не стали. Так они и попали на конкурс радиодикторов, проводившийся в здании Центрального телеграфа, где в то время размещались радиостудии.

На радио Левитан очутился в атмосфере становления новой профессии, когда многое осваивалось впервые, впервые создавались законы мастерства. О том времени ярко рассказала народная артистка СССР Ольга Высоцкая.

— Так счастливо сложилось формирование новой профессии, что в нее пришли настоящие энтузиасты, которые были влюблены в новое дело. Счастливо еще и потому, что рядом с нами стояли хорошие и мудрые руководители. Один из первых — шеф дикторской группы радио народный артист СССР Л. М. Леонидов. Он очень внимательно и трепетно относился к становлению нового искусства. Мы все у него учились. В разное время в течение многих лет преподавателями, руководителями и воспитателями дикторского корпуса были Е. А. Юзвickaя — преподаватель по технике речи и постановке голоса, М. М. Лебедев — чтец, актер Театра имени Моссовета, актер того же театра П. И. Герага, прекрасный театральный режиссер В. С. Канцель, заслуженный артист республики В. В. Всеволодов.

В этот творческий коллектив вошел Юрий Левитан. Он радовался каждой возможности выйти к микрофону и потом слушать замечания опытных дикторов, был счастлив, когда на молодого диктора обратил внимание выдающийся артист Василий Иванович Качалов. Он ободрил Левитана, помог ему, сказал, что верит в его талант. Великолепный чтец, он и начинающему диктору сумел привить серьезное отношение к радио, к новой профессии.

— Театр должен многому научить радио, артистизм необходим диктору, но диктор — это человек совершенно новой профессии. Она, эта профессия, только еще формируется, но можно предвидеть, что дикторов будет знать вся страна. Дикторы, как и артисты, будут популярными и непопулярными, любимыми и нелюбимыми.

В. И. Качалов, вспоминал Юрий Левитан, думая о будущем радио, говорил о том, что время требует таких людей, которые будут и артистами, и ораторами, и трибунами. Они должны будоражить души, захватывать внимание народа — чтобы каждый понимал важность обращения к нему по радио, находил что-то свое, очень ему нужное, близкое и в то же время интересное.

Постепенно его речь стала выразительной, точной. В эфире все чаще звучал сильный, бархатистый голос,

который полюбили радиослушатели и в своих письмах выражали благодарность Левитану за то, что он читает понятно, четко, звучно.

В радиобригаду, уезжавшую на величайшую стройку времени Днепрогэс, Юрия Левитана включили без возражений. Только Юра сможет перекричать стройку, сказал А. Безыменский. Он нас выручит. Все гудело и сотрясалось от грохота вокруг барака, в котором разместились радисты. Грохотало железо, пытели паровозы, дробно стучали бетономешалки. По сигналу поэта Александра Жарова Левитан вдохновенно прочитал заготовленный текст. Ему не мешали ни паровозные гудки, ни грохот бетономешалок, ни шум воды на днепровских порогах.

— Спасибо! Выручил!— Обнял Юрия Безыменский.— С твоим голосом ни на какой стройке не пропадешь.

Юрию Левитану все чаще стали поручать чтение важных документов, докладов, правительственных сообщений. Он вел уже не граммофонные концерты, а представлял известных музыкантов и певцов, произносил вступительное слово к концертам или театральным постановкам.

Крутой поворот в судьбе Юрия Левитана произошел в 1934 году. Он прочитал по радио Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XVII съезду партии. Магнитофонов тогда не было, читать нужно было «с листа». И молодой диктор доказал, насколько окрепло его мастерство: в течение пяти часов его ровный, спокойный голос слушали в заводских цехах и на колхозных фермах, в научных лабораториях и в воинских частях—слушала страна.

Прошел час, два, три как началось чтение, а голос диктора звучал с такой же уверенностью, как и в первые минуты после включения микрофона. Он ни разу не запнулся, не снизил темпа, не сделал ни одной оговорки. Пошел четвертый час, пятый... Голос диктора звучал ровно, выразительно, не терялось ни одно слово, не было ни одной заминки. Создавалось впечатление, будто Юрий только что подошел к микрофону и у него сил еще непочатый край. Миновал пятый час. Микрофон выключен. Тишина, царившая на всех этажах, словно взорвалась: все бросилось в студию поздравлять Левитана. М. М. Лебедев обнял ученика и сказал:

— Родился новый диктор—диктор-трибун, созвучный эпохе.

Информационно-публицистическое радиовещание на-

бирало силу, и это ответственнейшее дело стало главным в жизни Юрия Левитана. Партийные и правительственные документы, в которых заложены большие гражданские чувства, диктор умел передать с патриотическим подъемом, гражданским пафосом.

Замечательный мастер художественного чтения, артист Владимир Яхонтов, призывал учиться у Левитана политической страстности и убежденности, потому что все, что произносится им, звучит как его собственное и непоколебимое убеждение. Отсюда помимо артистической одаренности та абсолютная правда чувств, которая всегда звучит в его неповторимых интонациях.

И это было сказано, в сущности, о молодом человеке. А он, узнавший вкус славы, сумел сохранить скромность, трудолюбие, желание совершенствовать мастерство и готовность выслушивать критические замечания. Он не позволял себе читать текст, предварительно не изучив его, строго соблюдал время репетиций, мог, как и прежде, озорно пройтись на руках по полу, когда надо было «встряхнуть», приободрить товарищей, вызвать улыбку.

С годами стала складываться «школа Левитана». Работа, работа и работа! Помимо театральной учебы Левитан считал для себя обязательным посещать курсы повышения квалификации на радио—слушал старых дикторов, перенимал их мастерство. Все это придавало Левитану новые силы и знания, способность открывать новые возможности звучащего слова в эфире, покорять миллионы и миллионы радиослушателей своим артистизмом, глубоким проникновением в самую суть передаваемого текста.

Он оказался на переднем крае нашего бытия, его голосом радио сообщало о вводе в строй «десяти советских Ниагар»—первенца советской гидроэнергетики Днепротэса, о перелете воздушной армады, доставившей на Северный полюс четверку отважных исследователей-папанинцев. Герой Советского Союза, академик, папанинец Евгений Константинович Федоров рассказывал, с какой радостью слушали они на Северном полюсе новости Родины,—Левитан произносил не просто слова, а сплетал из слов впечатляющие картины. Его голос звучал призывно, вселял бодрость. Мы слышали в его чтении передачи о легендарных перелетах через Северный полюс в Америку экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова, о воздушных праздниках в Тушине, успехах

стахановского движения. Не было такого события в стране, о котором не рассказывал бы по радио Левитан.

И вот — 22 июня 1941 года...

— В то воскресное утро я был дома, — рассказывал мне Левитан. — И вдруг звонок из Радиокomiteта: «Срочно, немедленно приезжайте на работу, машина за вами послана». Приехал в Радиокomiteт; суровые лица, по коридорам спешат озабоченные товарищи по работе. «Война!» — сказали мне. В редакциях не умолкали зуммеры: бомбят Киев... самолеты врага над Минском...

Это был очень трудный день, пожалуй, самый тяжелый день в его жизни. Он не помнит более тягостного состояния даже в день, когда пятисоткилограммовая бомба упала во двор Радиокomiteта, находившегося тогда рядом с Пушкинской площадью. Прервались передачи. Фашисты немедленно объявили: «Большевистский радиокomiteт разрушен!» Но не прошло и четверти часа, как в эфире вновь начались передачи Москвы.

Впоследствии стало известно, что фашистская разведка разработала особую операцию по уничтожению или похищению ненавистного фашистам диктора Левитана. Более того, Гитлер предлагал сто тысяч марок за то, чтобы Левитан был вывезен в Берлин для расправы. Во всяком случае, в списке советских людей, подлежащих немедленной ликвидации, он был в числе первых. Чекисты сорвали планы фашистской разведки, и назло врагу голос Левитана звучал по радио. Из Москвы Юрий Левитан оповестил весь мир о первом провале фашистского наступления. Он рассказывал:

— Шестого декабря началось широкое наступление наших войск под Москвой. Но военные сводки Совинформбюро оставались скупыми и лаконичными. Важно было заставить противника теряться в догадках о подлинном размахе предпринимаемых действий. Гитлеровское командование не допускало и мысли о подобной дерзости советских войск. Мы, радисты, конечно, не знали секретных замыслов нашего военного командования, но почувствовали, знакомясь со сводками, что положение на фронте меняется к лучшему. Читал: «6 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах...», — а для себя делал вывод: «Бои уже не называют «оборонительными». На другой день читал сообщение: «7 декабря наши части на ряде участков Западного фронта, отбив ожесточенные атаки противника, своими контратаками

нанесли немецким войскам большой урон...» «Вот здорово»,— думал я.— «Отбив атаки», «своими контратаками» — это уже звучит совсем по-новому. И сколько радости испытали мы, когда прозвучало в эфире: «8 декабря на ряде участков Западного фронта наши части контратаками нанесли немецким войскам большой урон...» С фронта прибыл журналист Анатолий Шаргин, радостный, возбужденный: «Товарищи! Бьют наши фашистов, бегут они, бросают технику... Читайте, ребята, повеселее».

— Незабываемый день 11 декабря. Вошедшее в историю сообщение Совинформбюро о разгроме гитлеровцев под Москвой. Хочется петь, кричать «ура» после каждого слова: «В последний час»... войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок...»

— Я вышел из студии,— вспоминал Левитан,— и оказался в объятиях друзей, оглушенный криками «ура», восторженными возгласами, словно я и был виновником первых больших побед нашей армии.

В стихотворении «Голос», посвященном Юрию Левитану, поэт Яков Хелемский писал:

«Времени военного глашатай
С ходу стал властителем сердец».

Долгие четыре года, днем и ночью — работа у микрофона. Все это время Левитан был в состоянии боевой готовности, сохраняя бодрость, уверенность, четкость. Голос времени должен был звучать с неослабевающей силой, соответствовать масштабу событий.

Но вот пал Берлин. В печатных строках исторического документа — Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии — накопились и боль, и слезы трагедии, и невозполнимые утраты, но преобладала — и он не мог не передать этого — гордость за наш народ, за победу над заклятым врагом, за нашу страну.

После чтения приказа распахнули окна. Красная площадь бурлила радостью и восторгом. Что там творилось! Не забыть... Крики «ура», «победа» слились с залпами салюта и громом оркестров.

Отгремели салюты. Началось великое восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Война унесла двадцать миллионов человеческих жизней в нашей стране, без крова осталось двадцать пять миллионов человек. Вражеские орды уничтожили около тридцати двух тысяч

промышленных предприятий. Читая по радио сообщения об успехах восстановительных работ, Ю. Б. Левитан не забывал об этих потерях, память о том, с чего приходилось начинать мирную жизнь, вызвала чувство гордости за силу и мощь народа, мудрость партии, сумевших в кратчайший срок не только восстановить народное хозяйство, но и добиться огромных успехов в развитии промышленности, науки, техники, культуры. Он читал сообщения о восстановлении доменных печей на юге Украины, ликовал, когда узнал: оживает его любимый Днепр-гэс, на котором десятилетие назад он впервые ощутил во всей полноте счастье причастности к гигантской стройке, народному подвигу.

Левитан выезжал в Ленинград и вел передачи о восстановлении города, о героизме ленинградцев, переживших девятьсот дней блокады и отстоявших свой город. Сообщал он и о строительстве Волго-Донского канала имени Ленина, пуске первой в мире атомной электростанции в Обнинске. И вот что интересно — обо всех этих этапных для нашей страны свершениях Левитан говорил, находя новые краски, интонации, умел, не повторяясь, передать и контекст события. Вот и после взрывов атомных бомб американской военщиной в Хиросиме и Нагасаки, после атомных пожаров на японской земле диктор-художник снова сумел придать сообщениям из Обнинска особую, я бы сказал, историческую значимость. Так же весомо и значительно прозвучало в устах Левитана сообщение о спуске на воду первого в мире атомного ледокола «Ленин». И совсем в иной интонации сообщал Левитан о начавшейся целинной эпопее — чувствовались бесконечная ширь степей, мощь стального машинного потока, хлынувшего на степные просторы, и задор многотысячной армии молодых покорителей целины. Читал он широко, раздольно, с воодушевлением, давая понять, какая сила приведена в действие, какая великая цель поставлена перед народом.

На своем опыте я убедился, насколько внимательно изучает текст, предназначенный для чтения в эфире, Юрий Борисович.

С первым эшелонам я уехал на целину и потом, вернувшись в Москву, написал для радио несколько очерков. Готовясь прочесть их перед микрофоном, обратился за советом к Левитану. Очень хорошо, что автор сам читает свой текст, сказал Юрий Борисович, ему

виднее, как это сделать наилучшим образом. Но общий для всех закон не теряет силы: перед выступлением нужно обязательно вслух прочитать текст, «проверить голос». Дело в том, что кинокамера, фотоаппарат, микрофон обладают какой-то особой силой воздействия на многих людей, заставляют их терять естественность речи, позы, жестов, мимики. Случается, и профессионалы иной раз не сразу побеждают магнетизм воздействия микрофонов и съемочной техники. Вы-то не новичок в нашем деле, и вряд ли микрофон будет вам мешать, поэтому самое важное — найти верную тональность повествования. О целине — впрочем, не только о целине — нельзя рассказывать уныло, монотонно или торопливо, глотая слова, словно захлебываясь от избытка чувств. Целина — это героизм, романтика, горение молодых сердец, и надо, как мне кажется, не читать, а рассказывать, словно вы сидите у костра в степи и доверительно, задушевно описываете все, что видели на целине, которую народ воспринимает как огромный континент мужества и героизма.

В день, когда мне предстояло выступить перед микрофоном, я увидел в студии Юрия Борисовича — он специально приехал, чтобы приободрить меня, дать последние советы и послушать, как пройдет передача. Отзывчивость, доброта, высокое чувство товарищества, готовность прийти на помощь, передать опыт были драгоценными чертами характера Левитана.

С такой же готовностью он напутствовал меня, когда я отправлялся в составе первой советской экспедиции к далекой Антарктиде. В экспедиции мне предстояло работать специальным корреспондентом «Правды», Всесоюзного радио, Центрального телевидения, «Огонька». Трижды в сутки предстояло мне передавать информацию для «Последних известий» по радио и два раза в неделю — очерк или репортаж.

— С передачей информации для «Последних известий», — сказал мне Левитан, — все ясно. Советские люди впервые идут в Антарктику — это интересно, важно и нет сомнения, все будут внимательно следить за походом к «земле тайн». Что же касается очерков и репортажей, то тут разговор особый. Слушатели должны представить себе неведомый, загадочный мир, где все — тайна, загадка, все неведомо и полно опасностей. Для этого нужно побольше динамики, красок, деталей, точных наблюде-

ний. Тут хорошо записать свой рассказ на пленку и послушать себя. Мой совет — договоритесь с корабельными радистами. Послушать самого себя очень полезно.

Читал «антарктические» очерки Юрий Борисович. Он же и сохранил записи до моего возвращения в Москву. С волнением слушал я артистическое исполнение. Порой мне казалось, будто Левитан сам был на обледенелом материке, видел, как айсберги теснили, сжимая до треска в бортах, «Обь», как погиб в океанской пучине тракторист Иван Хмара...

Ощущение объемности и глубины возникало не только от мастерского чтения. Левитан, оказывается, самым тщательным образом ознакомился со справочной литературой о далеком, загадочном континенте, прочитал об истории открытия Антарктиды русскими моряками, плывшими на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием Лазарева и Беллингаузена.

Пытливое изучение дополнительного материала, понимание контекста сообщения характеризуют «школу Левитана». Она требует знать больше, чем написано в тексте, чтобы иметь широкое представление о теме передачи. Так было и в том случае, когда в «Огоньке» появились (до запуска первого в мире искусственного спутника Земли) мои очерки «Спутник Земли», «Штурм космоса» и другие. Одни зарубежные газеты уверяли тогда, что все это — «красная утка», «пропаганда Москвы», писали, что «у русских после жестокой войны не может быть никакого спутника», другие же писали, что русский журналист открыл «тайну Кремля». На радио решили передать в эфир эти очерки и чтение поручили Юрию Левитану. Казалось бы, дело простое — текст опубликован, возьми его и читай. Но, как всегда, Левитан, встретившись со мной, проявил большой интерес к истории ракетостроения, к тому, как запускали под Нахабино первые ракеты ГИРД, к тому, что даст в будущем космическая техника.

Четвертого октября 1957 года Левитан открыл новую страницу космической радиолетописи — он читал сообщение ТАСС о запуске в Советском Союзе первого в мире искусственного спутника Земли. Главный конструктор ракетно-космических систем СССР академик Сергей Павлович Королев отметил высокое мастерство Левитана, его умение выделить важное в тексте, придать сообщению торжественность, соответствующую важности события.

Затем Левитан читал сообщения ТАСС о полете Лайки, о запусках искусственных спутников и космических кораблей. И неудивительно, что именно он — люди помнили, что его голос звучал всегда «во дни торжеств и бед народных». Он даже проводил особые эксперименты, «вибрируя» голосом, чтобы придать ему, как выразился Юрий Борисович, «межпланетный характер». Казалось, предвидя будущее, Левитан уже заранее готовился к грядущему историческому событию, особо важному для всего человечества.

— Двенадцатого апреля утром меня вызвали в Радиокomiteeт, — вспоминал Левитан. В кабинете председателя царил атмосфера праздника — все были радостно взволнованы, глаза сияли. Едва я вошел, как мне тотчас протянули несколько страничек текста. Я прочитал первые строчки и почувствовал, как и меня обдала горячая волна радости. Свершилось! То, о чем мечтали, стало явью!

«Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза... — объявил я. — Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение...». Это было, конечно, грандиозно. Над планетой летел советский человек — Юрий Гагарин, первооткрыватель Вселенной. В тот день я несколько раз читал сообщение ТАСС о полете первого космонавта человечества, стараясь передать историческую значимость свершившегося события. Наконец поступило радостное сообщение о благополучном приземлении Юрия Гагарина на Волге, под Саратовом. Скупые строки информации я старался прочитать так, чтобы они звучали, как песня. С того часа наступили «космические дни» — на Красной площади, на улицах и проспектах Москвы стихийно возникали митинги, демонстрации и гулянья в честь первопроходца Вселенной. На радио хлынул поток телеграмм и писем — тысячи людей стремились выразить свои чувства восторга и благодарности человеку, который так успешно выполнил задание Родины.

На телевидении и радио, говорил Левитан, мы решили совсем по-новому показать и рассказать, как будет проходить встреча Юрия Гагарина в Москве. Микрофоны и телекамеры расставили цепочкой от аэродрома Внуково по всему пути следования до Кремля. Более того, на борту специально выделенного вертолета установили радио- и телевизионные передающие станции, с тем чтобы с

их помощью можно было бы вести «сплошной» репортаж — от самолета, на котором прилетел Гагарин, до въезда на празднично украшенную Красную площадь и трибуны Мавзолея.

Репортаж вели известные поэты, писатели, журналисты, не говоря уже о профессионалах-радиистах. Образовался целый журналистский корпус, который нуждался в едином руководстве.

Юрий Левитан проявил себя не только блестящим диктором, но и талантливым организатором сложной и ответственной передачи. Дело в том, что нужно было обеспечить равномерное включение всех точек на трассе следования машин из Внукова в Москву, расставить выступающих так, чтобы они обеспечили ведение репортажа даже в том случае, если по техническим причинам вдруг произойдет задержка с выходом в эфир или, наоборот, скажем, вертолет опередит события и выступающий окажется впереди колонны. Левитан прекрасно знал дикторов, поэтов, писателей, журналистов и безошибочно давал поручения по силам и возможностям выступающих.

Перед началом передачи один из руководителей «гагаринского репортажа», давая разумные советы и информируя нас о плане работы, неожиданно сказал: «Хочу предупредить всех участников передачи, что сейчас очень популярно имя Валентины Гагановой, — оно произносится по радио и телевидению, не сходит со страниц журналов, а фонетически фамилия Гагановой очень близка Гагарину. Прошу внимательно следить за тем, чтобы не назвать Гагарина Гагановым». Если бы не это предупреждение, вероятно, никто бы не обратил внимания на схожесть фамилий. Однако первый же выступающий у микрофона журналист, говоривший радостно и возбужденно, на высокой ноте, ошибся: «Вот он, сын Земли и неба, покоривший Вселенную и наши сердца, — Юрий Гаганов»... Левитан чуть потемнел в лице, выключил микрофон и сдержанно его поправил. Но у последующего репортера, называвшего Гагарина то «любимцем народа», то «парнем всей Земли», то «Колумбом Вселенной», все же произошла заминка перед тем как произнести фамилию героя. Тогда Юрий Левитан взял микрофон в руки и, показывая пример, своим могучим голосом произнес: «Сейчас в эти минуты во всем мире на разных языках произносят всем полюбившееся русское имя:

«Гагарин! Гагарин! Гагарин! Оно созвучно имени героини труда Валентины Гагановой, и это знаменательно, что сейчас стоят рядом имена Гагарина и Гагановой, имена героев Земли и неба».

«Гагаринская передача» получилась отличной. Все участники репортажа высоко отзывались о «дирижерском таланте» Левитана, с блеском руководившего всем корпусом, всей передачей, которая, по его словам, была «сплошным экспромтом».

Достигнув всеобщего признания, уважения и высот мастерства, Левитан оставался, как и прежде, скромным и простым человеком, охотно передавал свой опыт молодежи, безотказно выступал на конференциях, совещаниях, на курсах дикторов, готов был ехать хоть на край света, чтобы участвовать во встречах с воинами. В 1967 году он выступил с докладом об опыте советских дикторов на симпозиуме дикторов Европы, проходившем в Югославии. В своем докладе Левитан обратил особое внимание на то, что диктор должен быть политически образованным, идейно убежденным человеком.

О высоком призвании диктора радио и телевидения Левитан говорил на встречах с товарищами по профессии в Венгрии, Чехословакии и в других странах. Говоря о фундаментальных положениях, определяющих труд диктора, Левитан при этом замечал: «В работе диктора нет мелочей — все важно, все имеет первостепенное значение. Слушатель должен чувствовать отношение к материалу. Подлинная эмоция, необходимая тональность зависят от того, как понят текст, насколько глубоко постиг его суть диктор. Здесь начинается путь к живому собеседованию, рассказу, с их разнообразием речевого рисунка и красок звуковой палитры.

Наша аудитория — миллионы и миллионы слушателей. Они внимают каждому нашему слову. Есть ли большая трибуна? Есть ли большая мера ответственности? Вот почему необходим постоянный самоконтроль, беспощадная взыскательность к самому себе, никакого самоуспокоения, учеба, учеба — вот что позволит каждому из нас оправдать высокое доверие партии, народа, доверившим нам право работать у микрофона, говорить со всей страной». Все, кто знал Левитана, обращали внимание на то, что он не расставался со словарями и справочниками, с томами собраний сочинений Ленина. У него под руками всегда были географические карты и

свежие номера газет. В любую минуту он сам уточнял даты, названия городов, фамилии деятелей науки и техники, литературы и искусства, проверял правильность цитирований.

— Почему я так поступаю?—повторил мой вопрос Юрий Борисович.— Дело в том, что радиослушатели считают, что если я читаю, то вроде бы я и являюсь автором текста. Если возникают какие-либо смысловые или текстологические ошибки, слушатели в своих письмах обращаются к диктору: «Вот вы сегодня сказали, а на самом деле...» Поэтому и ввел я для себя правило: проверять текст лично. У диктора словари и справочники должны быть всегда под рукой. Ведь сколько бывает недоразумений из-за того, как делать ударение, как произносить то или иное слово. Тут на помощь и приходят справочники.

Характерными чертами жизни и творчества Левитана была чрезвычайная взыскательность к своему труду, скромность и простота, постоянная забота о повышении авторитета профессии, которой от отдал полвека своей жизни.

Да! Полвека Юрий Левитан работал у микрофона. Как-то мы с ним занялись подсчетом: сколько раз выходил Левитан к микрофонам? Получилась более чем основательная цифра: Юрий Борисович провел 60 000 передач. Шестьдесят тысяч раз готовился он к чтению, включал микрофон и страна слушала его голос, слушала передаваемые им важные документы, статьи, очерки, репортажи и не поддающиеся подсчету информационные сообщения.

Я спросил Юрия Борисовича: какой бы он оставил завет молодым дикторам?

— Быть честным,— твердо сказал Левитан.— Очень хорошо знать свое дело. Не кичиться, если достиг успеха. Никогда не думать, будто ты уже законченный мастер. Постоянно готовиться к выходу в эфир — могут ведь быть и неожиданности: тебя вызовут, например, на студию ночью, на рассвете, когда ты свободен. Всегда учиться! Всегда экспериментировать, чтобы всегда быть современным! Это очень важно — быть современным диктором. А для этого — искать, перенимать опыт, не допускать штампов, стандартов и всегда помнить: хорошо выполненная работа у микрофона приносит настоящую творческую радость.

С тех пор прошли годы. В память о выдающемся мастере открыта в Москве, на доме номер 12 по улице Медведева, мемориальная доска — в этом доме жил Ю. Б. Левитан. Во Владимире, на родине Левитана, его именем названа одна из центральных улиц города. Теплоход «Юрий Левитан» бороздит моря. И каждый раз, когда страна отмечает былые подвиги и трудовые свершения, ставшие страницами великой истории советского народа, по радио, с экранов телевизоров, в кино и на театральных сценах звучит глубокий, бархатистый, незабываемый голос народного артиста СССР Юрия Борисовича Левитана. Он остается с нами — голос времени, голос истории.

Главный диктор страны. Михаил Платов

Имя Юрия Борисовича Левитана навсегда вошло в историю советского радиовещания. Именно ему поручалось чтение всех важнейших документов Коммунистической партии и Советского правительства, ведение самых ответственных трансляций из Кремлевского Дворца съездов и с Красной площади в дни первомайских праздников и годовщин Октябрьской революции.

Приемная конкурсная комиссия Всесоюзного радиокomiteта, которая в ноябре 1931 года, прослушав семнадцатилетнего «окающего» паренька из Владимира, обладавшего голосом прекрасного тембра, не ошиблась, остановив свой выбор на юном претенденте, несмотря на отсутствие у него достаточной для профессии диктора речевой культуры. Предугадав, быть может, его незаурядную будущность, поверив твердому обещанию в короткий срок избавиться от областного говора, комиссия нашла возможным зачислить Ю. Левитана в отдел выпуска дежурным по студиям.

Обещание, данное приемной комиссии, претендент на звание диктора выполнил. Он умел трудиться. Ведь еще в родном городе, будучи школьником, Ю. Левитан начал самостоятельно работать. А в Радиокomiteте уже через четыре месяца, читая лишь объявления и короткие сообщения, и то по преимуществу в ночных передачах, он был прикреплен к радиогazете «Комсомольская правда по радио» вторым штатным диктором. Вот тогда-то я, заместитель ответственного редактора этой радиогazеты,

хорошо узнал трудолюбивого, любознательного, внимательного и доброжелательного к людям комсомольца Юру Левитана. В 1939 году я давал ему рекомендацию для вступления в кандидаты, а через два года, в памятном 1941-м,— в члены партии.

...Во второй половине 1933 года во Всесоюзном радиокomiteе впервые проводился смотр творческой работы дикторской группы. В ходе смотра деятельности представителей новой для нашего радиовещания профессии радиочтецов выяснялись и уточнялись их задачи в творческом коллективе, связи и взаимоотношения с редакциями и отделами, а главное — обстоятельно обсуждались и оценивались достоинства и недостатки работы каждого диктора.

По общему признанию, проведенный смотр способствовал улучшению работы не только дикторов, но и вещательных редакций, которым в ходе смотра были предъявлены обоснованные претензии, относящиеся к качеству «микрофонной продукции». И, честно сказать, были для этого основания. Радио тогда переживало время перестройки.

Первого сентября 1932 года начала свою работу редакция центральной радиоинформации, которая вскоре стала называться «Последними известиями». На нее возлагалась задача готовить информационные выпуски, беседы и выступления на актуальные темы, международные комментарии, внестудийные передачи, или, как они стали называться позже, репортажи с места события.

Нельзя сказать, что с первых же дней новая редакция, сформированная из бывших сотрудников радиогазет, ясно представляла, как надо строить работу, сколько выпусков и какой продолжительности передавать, в какое время лучше всего выходить в эфир. Особенно горячие диспуты в первое время велись по поводу планирования работы редакции, верстки выпусков, источников получения информации, использования критических материалов.

Разные точки зрения высказывались и при обсуждении вопросов верстки и отбора информации. Чтобы «Последние известия» слушались с начала и до конца, говорили одни, нужно интересные и важные сообщения перемежать с менее интересными и важными. Правильнее будет, возражали другие, всю информацию группировать в постоянных разделах выпуска, чтобы в них соседствовали сообщения интересные и неинтересные.

Нам не пригодны ни первый, «винегретный» способ верстки, ни второй, «механический», утверждала подавляющая часть работников. Все сообщения должны быть интересными для слушателей. Причем самые важные нужно передавать не в конце и не вперемежку с менее важными, а в самом начале. Отбирая информацию, надо группировать ее по темам, но при верстке следует избегать шаблонов.

А как быть с материалами критическими, ставился вопрос. И кое-кто отвечал на него так: аудитория ждет от нас прежде всего самых свежих сообщений о международной жизни, а главное, обо всем том, что достигается самоотверженным трудом советских людей. Выискивать же недостатки и критиковать нерадивых работников — не наша задача.

Наша задача, резонно возражали им коллеги, сделать «Последние известия» не аллилуйским рупором, а боевым политическим органом. Поэтому мы обязаны рассказывать не только о положительном опыте, но и передавать критический материал, добиваясь при этом устранения недостатков.

Смотр, организация редакции «Последних известий» и дискуссия о том, как готовить новые по форме и содержанию информационные передачи, принесли большую пользу молодым дикторам. Их активное участие в обсуждении, ценные советы и пожелания, высказанные редакцией, помогли им в овладении дикторским мастерством.

При подведении итогов дискуссии с напутственным словом к дикторам (и прежде всего тем из них, кто лишь начинал осваивать новую профессию чтеца радиоиформации) обратился старый большевик, соратник В. И. Ленина, человек высокой культуры, председатель Радиокomiteта П. М. Керженцев. В его речи было дано определение круга задач диктора — не механического посредника между автором и редактором, с одной стороны, и слушателем — с другой, а творца, влияющего на качество радиоиформации. Главное, что противопоставлено диктору, говорил он, — это театральность, декламация, игра, панибратский, в стиле эстрадного конферансье разговор со слушателем. Всякая искусственность, фальшь и назидательность в голосе диктора неприятно режут слух. Чтобы заинтересовать слушательскую аудиторию, привлечь и удержать ее внимание, от диктора требуется

прежде всего понимание смысла сообщения и вытекающие из этого акценты и интонации при чтении.

О том незабываемом для нашего радио времени, насыщенном большими и малыми событиями, хранит свидетельства многотиражная газета Радиокomiteта «Микрофон включен», которая 25 октября 1933 года опубликовала отчет об итогах смотра работы дикторов, изложение речи П. М. Керженцева, а также фотографию, запечатлевшую участников встречи и среди них — молодого Ю. Б. Левитана.

Немногие сегодня, увы, могут рассказать, на каком высоком накале работало тогда наше радио, все его сотрудники — дикторы, редакторы, корреспонденты. А не имея представления об этом периоде истории радио, ставшем для Ю. Б. Левитана временем воплощения его профессиональных стремлений, трудно понять в полной мере истоки его мастерства, его гражданского пафоса, его негибаемого оптимизма.

Серьезным экзаменом на мастерство стал для редакции «Последних известий» день 30 сентября 1933 года, названный нами «днем больших репортажей». В этот день первый советский стратостат, достигнув высоты 19 тысяч метров, побил мировой рекорд; столица встречала колонну отечественных машин, совершивших небывалый пробег Москва — Каракумы — Москва; на одном из московских стадионов состоялся футбольный матч, который редакции предстояло транслировать.

Стратостат «СССР» поднялся в воздух с Центрального аэродрома в 8.41. Вскоре в эфире прозвучало объявление диктора: «Товарищи радиослушатели! Сейчас стратостат «СССР» находится над Москвой и начинает устанавливать коротковолновую связь с Землей. О дальнейшем полете воздушного шара вы узнаете из наших экстренных выпусков и передач непосредственно со стратостата».

Шло время, воздушный шар набирал высоту, дикторы сообщали в эфир все новые и новые вести с заоблачных высот, а сотрудники редакции непрерывно отвечали по трем телефонам на бесконечные звонки, принимали поступающие с разных концов страны приветствия.

Наконец, со стратостата сообщили: «Высота 19 тысяч метров. Мировой рекорд побит. Идем на посадку». В репортаже с места посадки стратостата наш корреспондент сообщал: «Полет закончился блестяще. Стратостат при-

землился в районе Коломны. Его экипаж, побивший мировой рекорд Пикара (16 370 м), в прекрасном настроении возвращается в Москву. Беседу с командиром экипажа слушайте в ночном выпуске «Последних известий». В 23.00 командир экипажа Г. Прокофьев в специальной передаче рассказал об условиях полета, о впервые испытанной коротковолновой связи стратостата с Землей, готовности экипажа продолжить штурм стратосферы во славу Родины.

В то же утро вслед за дикторской информацией о полете стратостата в эфире прозвучал рассказ нашего корреспондента о завершающем этапе автопробега по маршруту Москва—Каракумы—Москва и сообщение о том, что в 14 часов на Серпуховском шоссе, в 16-ти километрах от Москвы, состоится его финиш.

Когда уже приближалось время встречи автоколонны на Серпуховском шоссе, нашим репортерам, прибывшим туда заранее, довелось изрядно поволноваться. До 14-ти часов оставалось всего десять минут, а на месте не было ни техников, ни микрофонов. Лишь за семь минут до начала митинга примчалась радиопередвижка. С крыши передвижки репортеры начали свой рассказ о долгом и трудном пути автоколонны. Вскоре к ним присоединился прибывший с колонной специальный корреспондент «Последних известий». На состоявшемся затем митинге Емельян Ярославский от имени партии и правительства поздравил всех собравшихся с двумя очень радостными для нашей страны событиями: рекордным полетом стратостата «СССР» и победой, которую одержали советские водители, преодолевшие на отечественных машинах Каракумскую пустыню.

А незадолго до этого завершилась прямая трансляция со стадиона. Полтора часа Вадим Синявский держал в напряжении любителей футбола, комментируя встречу сборных команд РСФСР и Украины.

В 30-е годы значительно окрепло информационное вещание. Чрезвычайно расширилась его тематика—по радио передавались новости, отражающие самые различные стороны социалистического строительства в нашей стране. В системе оперативных выпусков «Последних известий» радио нашло ту форму организации информационных передач, которая, развиваясь и совершенствуясь, и до наших дней остается основной в советском вещании.

Дикторская группа центрального вещания состояла из семнадцати человек. Конечно, не все дикторы могли вести ответственные передачи и читать особо важные политические документы, но формально по квалификации они не различались.

Для установления более справедливого порядка в марте 1938 года была создана специальная авторитетная комиссия, в которую вошли: депутат Верховного Совета СССР народный артист СССР И. М. Москвин, народный артист СССР Л. М. Леонидов, народный артист РСФСР М. С. Нароков, лауреат конкурса мастеров художественного слова В. Н. Аксенов, преподаватель дикции Института повышения квалификации работников радиовещания Е. А. Юзвицкая. Члены комиссии прослушали с эфира всех дикторов и в зависимости от их общей и речевой культуры, качества чтения разножанровых материалов определили для каждого категорию (высшей дикторской категории тогда установлено не было.— М. П.).

Ю. Левитан был включен в первую категорию с такой творческой оценкой: «Его манера чтения характерна большой убедительностью, уверенностью, точностью интонации. Ответственные политические передачи у Левитана звучат твердо и четко».

...Много лет спустя, вспоминая о начале своего пути, Ю. Левитан писал: «30-е годы забыть нельзя. Ведь это было время новизны, романтики, время молодости нашей страны. Читая у микрофона сообщения о трудовом героизме советских людей, невозможно было оставаться беспристрастным. Мы тоже были молоды и потому читали такие сообщения с комсомольским задором, радуясь успехам нашего народа».

В 1939 году страна отмечала пятнадцатилетие массового советского радиовещания. Журнал «Радиофронт» на своих страницах поместил тогда приветствия работникам радио от ЦК ВКП(б), СНК СССР, ЦК ВЛКСМ. Среди других материалов — большую статью о дикторах Всесоюзного радио. О Левитане в статье говорилось, что он, еще будучи школьником, участвовал в художественной самодеятельности, ездил в рабочие клубы и воинские части, где «с большим жаром» читал стихи и рассказы, как, увлекаясь радиолобительством, соорудил приемник и слушал передачи Москвы, а в самодеятельных концертах подражал московским дикторам.

В той же статье приводился случай совершенно

непредусмотренного «вторжения» в выпуск радиогазеты «Пролетарий» дежурного по студии юного Юры Левитана. Однажды радиогазета подготовила инсценировку, но перед выходом в эфир выяснилось, что исполнители не прибыли. Не зная, что предпринять, ведущая (Н. Толстова) за пару минут до начала передачи выбежала в коридор и столкнулась с Ю. Левитаном.

— Юра, ты куда? — спросила она.

— В студию, читать инсценировку.

— Как — читать?

— Но ведь исполнители не явились. Надо же кому-то заменить?

Юра был прав, и Н. Толстова вместе с бесстрашным дежурным по студии, заняв места у микрофона, разыграли инсценировку. Как — об этом в статье не говорится. Но главным было то, что опытный диктор и юный претендент в радиочтецы, спасая положение, не допустили огромной паузы в эфире...

В годы Великой Отечественной войны Ю. Б. Левитан заслужил горячую признательность миллионов радиослушателей. Именно ему поручалось чтение наиболее ответственных правительственных воззваний, приказов, сводок. На различных участках советско-германского фронта постоянно находилось свыше десяти кадровых военкором Всесоюзного радиокомитета. С мест жесточайших сражений они по военному телеграфу непрерывно снабжали редакцию «Последних известий» оперативными корреспонденциями, репортажами, беседами, интервью, в которых рассказывалось о героических действиях наших войск и особенно отличившихся в жарких боях воинов Красной Армии.

Постоянно читавший в эфир материалы корреспондентов радио Ю. Б. Левитан уже после войны писал: «Невозможно забыть героические репортажи наших радиожурналистов с передовых позиций, из осажденных городов, партизанских отрядов. Все эти передачи звали на беспощадную борьбу с врагом, вдохновляли советских людей на новые подвиги».

Будучи также военкором Всесоюзного радиокомитета, я нередко в редакциях фронтовых газет, в политорганах частей и соединений, на переднем крае слушал ночные выпуски «Последних известий», чтение Ю. Левитаном и моих корреспонденций о контрнаступлении наших войск под Сталинградом, о битве на Курской дуге, о сражениях

за Белград, Будапешт, Вену. Когда же прилетал в Москву, то непременно встречался с Ю. Левитаном и рассказывал ему, с каким вниманием и интересом слушают фронтовики радиовести, и если первые слова передачи «Говорит Москва!» произносил он, то кто-либо из политработников обязательно при этом бросал реплику: «Ну сегодня Левитан нас обязательно опять чем-нибудь порадует». И Левитан радовал — радовал не только советских людей. Читая сводки Совинформбюро, приказы Советского главного командования, корреспонденции военкором о поражениях немецких войск на советско-германском фронте, он приносил радость и надежду также жителям западноевропейских стран, поработанных гитлеровскими оккупантами. У нацистской же верхушки голос радиоглашавшая Москвы, разоблачавший грабежи, разбой и насилия фашистских изуверов и предрекавший им неизбежность кары за все их преступления, вызывал лютую злобу и страх.

«Трепещет сонм немецких фурий,
Трепещет в страхе вражий стан,
Когда басит в эфире Юрий,
Наш мощный диктор Левитан».

(Это четверостишие поэт С. Васильев посвятил Ю. Левитану в 1944 году в связи с двадцатилетием советского радиовещания.)

Родина достойно оценила патриотическую деятельность главного диктора страны в годы Великой Отечественной. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин с теплым напутственным словом вручил Ю. Б. Левитану в 1944 году орден Трудового Красного Знамени. А поздравил его одним из первых с наградой В. И. Качалов. «Это большая честь и большая награда, — сказал артист. — Вы заслужили ее, но помните, что теперь вам надо работать еще больше. И главное, пусть награда не лишает вас скромности. Надо всегда быть скромным и всегда много работать, стремиться выше».

Завет учителя Ю. Левитан никогда не забывал. Он всю свою жизнь много работал, неустанно стремясь подняться к новым вершинам в своем мастерстве диктора-чтеца, диктора-артиста, диктора-оратора.

Кончилась война. Но она не ушла и никогда не уйдет из памяти народной. И уже в мирное время по радио шли и продолжают идти передачи о Великой Отечественной.

В них рассказывается о тех невзгодах и страданиях, которые выпали на долю советских людей в годы вражеского нашествия, и о победных битвах наших Вооруженных Сил со вторгшимися в пределы Советского Союза фашистскими полчищами.

Ю. Б. Левитан в передачах о прошедшей войне всегда участвовал, а некоторые из них вел на протяжении нескольких лет. Так, 20 марта 1970 года ему была объявлена благодарность и вручена грамота за участие в течение пяти лет в радиовестнике «Найти человека».

Неповторимый голос Ю. Б. Левитана мы слышали и в радиосикле «Подвиг народа», и в кинофильмах «Великая Отечественная», «Освобождение», «Солдаты свободы», и в телевизионном фильме «Наша биография». А о передаче Всесоюзного радио «Пишут ветераны» — разговор особый...

Ю. Левитан. Страницы жизни. Ростислав Плятт

Летом 1931 года по конкурсу, объявленному Радиокomiteетом, были приняты в дикторскую группу несколько молодых актеров, в их числе и я. Мы скоро перезнакомились и начали вникать в суть новой для нас профессии. И вдруг среди нас появился новичок, сразу обративший на себя внимание. Был он очень молоденький, лет шестнадцати-семнадцати, но не робкий. Общительный, очень веселый, даже озорной, с каким-то странным, неустоявшимся еще голосом, в котором временами слышались неожиданные бархатные нотки. Но больше всего нас забавляло то, что он сильно и прочно окал, как уроженец Владимира. Ясно было, что его приняли с условием дальнейшей основательной обработки.

Прошло немного времени, и в нем обнаружилась черта, не сочетавшаяся с его мальчишеским видом и легкомыслием, — огромное трудолюбие. Он буквально вгрызлся в работу. Кончив занятия со своими педагогами, он никуда не уходил и оставался в помещении Радиокomiteета с утра до вечера. И всегда был чем-то занят. То в пустой студии делал заданные ему упражнения или, примостившись где-нибудь в углу, что-то запоем читал, то забегал в дикторскую и жадно вслушивался в разговоры старших, а то вдруг бросался помогать звуковику в переноске какой-то тяжести или бежал в буфет

принести кому-то бутерброд... Словом, он вращал в радиобыт, дышал воздухом радио, и неясно было, есть ли у него своя собственная, домашняя жизнь...

В передачах его еще не занимали, но он получил разрешение слушать их прямо из студии. Вот одну такую встречу с ним в студии я не забуду. Мы сидели у пульта, передача уже шла. У микрофона, стоявшего поодаль, читал один из лучших дикторов — М. М. Лебедев. Я разбирался в данном мне материале и вдруг краем глаза увидел, что с Левитаном что-то происходит: он вытянулся в струнку, впился взглядом в Лебедева, и губы его двигались синхронно с губами диктора, казалось, вот-вот из них вырвется звук. И в этот момент я подумал: «Да, этот юноша выбрал себе профессию не зря!»

Прошли годы. Прошла война. Имя Левитана приобрело известность мировую, оно стало упоминаться в художественной литературе. Голос его напоминал о победных днях войны. Но дело было не только в голосе: он интуитивно нашел особую форму подачи военных приказов и сводок, и когда по радио начиналось левитановское: «От Советского информбюро», это звучало широко, четко и мощно и вызывало у слушавших душевный подъем и веру в нашу победу.

Левитан первым передавал в эфир сообщения о всех важнейших событиях в жизни нашей страны, в международной жизни. Едва только начинал звучать по радио его неповторимый голос, все уже знали: надо слушать, сейчас будет объявлено что-то важное... Популярность Левитана в народе была огромной. И заслуженной!

Он был диктором-трибуном, и вряд ли мы обретем такого вновь. Но будем благодарны Юрию Борисовичу Левитану за то, что он был. И за то, что он успел сделать для советского радиовещания.

Собираясь писать книгу*, Наталья Александровна Толстова попросила Ростислава Яновича вспомнить о том, какой в то время была работа диктора.

Вот что он рассказал:

— Было страшно остаться одному в большой таинственной комнате, именуемой студией, и начать говорить в небольшой металлический предмет, похожий на переч-

---

* Толстова Н. Внимание, включаю микрофон. М., 1972.

ницу... (С чем только не сравнивали микрофон, пока он не сделался этакой изящной портативной безделушкой, которую можно и к боковому карману прикрепить, и танцевать с нею, выступая на конкурсе песни! — Н. Т.) И оттого, как ты все положенное тебе проговоришь, решится твоя дикторская судьба.

До сих пор, спустя почти сорок лет, помню текст, с которого я начал вещать. Но помню также и то, что я не пытался вдуматься в суть материала. Вероятно, за скупыми словами были судьбы людей, события, но для меня в тот момент весь текст был просто комбинацией букв, которую надо произнести дикционно-четко, а материал — логически точно. Читал я не в эфир, а для приемной комиссии,

Я не преувеличиваю ради красного словца тот страх, который испытывал тогда перед микрофоном, хотя к тому времени я уже был актером молодого театра Завадского и сыграл немало ролей. Может быть, точнее было бы назвать это состояние не страхом, а ощущением ответственности, которое не оставляло меня во время моего дикторства.

Лучшей школой для нас, молодых дикторов, являлись передачи, которые мы по обычаям того времени вели вместе со старшими товарищами и, следуя за ними в эфире, учились у них не только мастерству радиочтения, но и приобретали навыки того покоя, который необходим при напряженнейшей дикторской работе. Речь идет не об успокоенности, которая может «заскучнить» любой текст, расслабить дикторское внимание, а о сосредоточенном покое, который бывает, когда веришь в свои силы и знания, когда можешь на ходу исправить опечатку или оговорку, подбодрить напарника, дать верный тон всей передаче. Таким покоем в совершенстве владел диктор Степанов. Не могу забыть одну нашу совместную ночную передачу, в которой мы с ним по очереди читали какие-то длинные стихи: строфу посложнее читал Степанов, строфу полегче — я. И вот, заканчивая кусок и готовясь передвинуть лист с текстом Степанову, краешком глаза я увидел, что тот задремал, — ночь все-таки! Ужас! Что делать? Прочитать за него с ходу я не решался, разбудить тоже было боязно — бог знает, что он спросонья может сказать в эфир! Как же быть? Но, очевидно, в панике я все-таки коснулся его плечом... И тут же, без малейшей паузы, ровно с того места, откуда

надо было, в заданном ритме, в своей уверенной, плавной, какой-то округлой манере Александр Николаевич продолжил: «О качестве людей, работы и вещей...» Вот так всегда и звучит у меня в памяти эта прочитанная им фраза, и помнится урок владения собой.

Покой, собранность и опыт — эти качества выручали дикторов во многих случаях.

Помню, существовала передача, которая называлась «Передовая «Правды» на завтра». Шла она, кажется, в 12 часов ночи. Дикторы читали ее по привезенным из типографии еще не просохшим газетным гранкам, пахнущим типографской краской. На подготовку нам давалось не более получаса, но и полчаса казались блаженством по сравнению с тем, что, увы, случалось довольно часто: материал запаздывал, но это отнюдь не значило, что оттягивается время начала передачи: график был железным! И вот, стоишь у микрофона, так сказать, в полной боевой готовности, и милая, обжитая студия № 2 на Центральном телеграфе кажется тебе сейчас огневой точкой. Ее огромные окна выходят на улицу Белинского. Ты в полном напряжении стараешься раздвоить свое внимание: глаза прикованы к минутной стрелке электрических часов в студии, а ухо, думается, уже свесилось в окно — ловит в затихающем уличном шуме желанный звук затормозившего мотоцикла: это значит — привезли гранки. До передачи осталось целых пять минут! Пять минут, пять минут... Стрелка часов прыгает, а мотоцикл?.. Слава богу: под окном затарахтел мотор! Значит, через три минуты в студию влетит дежурный редактор, ты выхватишь у него гранки и на протяжении оставшихся полутора минут охватишь глазом хоть заголовки и первый абзац передовой. И вот микрофон включен! Твое самочувствие при чтении вполне можно сравнить с тем моментом в цирке, когда эквилибрист на проволоке готовится сделать сальто-мортале, а в оркестре бьет барабанная дробь.

Весь твой организм в напряжении, в работе: в ушах стучит эта самая дробь, мозг и речевой аппарат заняты чтением, причем надо уметь делать невероятное: одним глазом видеть то, что читаешь сию минуту, а другим — нацеливаться на следующее предложение, и так до конца, до последнего слова.

Наконец, о счастье, «Передовая «Правды» на завтра» прочитана!

Если это удалось — блаженство, даже творческое! Но если были оговорки или «невнятица», то — беда: тут же начинаются тревожные ночные звонки: кто читал? почему так читал? отчего не подготовился?

Вспоминая этот эпизод, задумаешься над тем, какая она боевая и напряженная, дикторская доля, многим кажущаяся «тихой пристанью».

Я проработал диктором сравнительно недолго: все труднее и труднее становилось совмещать дикторство с театром. Но оставить радио не могу и часто выступаю то в детских, то в разных других передачах.

А свое дикторское прошлое я всегда вспоминаю с благодарностью к старшим товарищам и ощущаю его как некий университет.

Как он стал Левитаном. *Евгения Гольдина*

С балкона высокого нового дома видна вся Москва. Не нынешняя громадина, конечно, а Москва, где многое осталось от того времени, о котором предстоит мне начать беседу с Евгенией Исааковной Гольдиной: Москва конца 20-х — начала 30-х годов.

Дом стоит в середине улицы Герцена. Квартира, в которой живет Е. И. Гольдина, на восьмом этаже. С «верхней точки» ясным летним утром хорошо видны и Воздвиженка, и Поварская, и Волхонка — та Москва, где жили и работали Маяковский, Качалов, Станиславский, Таиров, Мейерхольд, Булгаков... Та Москва, где начинала Евгения Гольдина свой путь в искусстве.

...Перебирая вместе с хозяйкой дома фотографии, журналы, письма разных лет, я обнаружил газетную вырезку, которая меня очень заинтересовала. По двум причинам: во-первых, в ней очень тепло и добро рассказано о Е. И. Гольдиной. Во-вторых, автором этой заметки был (вместе с товарищами) Юрий Борисович Левитан. «... В год 50-летия Советской страны во Всесоюзном радио празднуется первый в советском радиовещании такой юбилей — сорок лет непрерывной работы у Всесоюзного микрофона диктора Гольдиной Евгении Исааковны.

Огромный творческий путь. Ясное с детских лет призвание...».

«Я самый счастливый человек на свете, — говорит Евгения Исааковна Гольдина, — потому что для меня

лучшей профессии, чем профессия человека, разговаривающего со слушателем по радио, нет».

И наш народ — удивительный народ — откликается, чувствуя это наполненное добром отношение. На радио приходят десятки и сотни писем с выражением признательности дикторам — самым узнаваемым для радиослушателей людям.

Время как бы не властно над ними. Назовите известное имя, и в памяти возникнет молодой, сильный, яркий голос...

Интервьюер. Евгения Исааковна, большинство участников этой книги говорит о Юрии Борисовиче, как о старшем товарище. Вы — одна из немногих, кто помнит, как пришел на радио Левитан.

Е. И. Гольдина. Начало вещания... Их сейчас нет, этих людей, — Гурин, Гладкий, Лебедев... Я пришла на радио в 1927 году. С первого курса Института слова меня пригласили в Театр чтеца. И как-то наш театр выступал по радио. Уже не помню, что я читала, какая была постановка, но через несколько дней нам позвонили и попросили, чтобы я снова пришла на радио прочитать какое-то стихотворение.

Я пришла. Потом еще и еще...

Так меня пригласили на радио, в «Крестьянскую радиогазету», — здесь вот, на Воздвиженке (сейчас проспект Калинина), напротив Военторга, угловой дом. Тогда все редакции размещались не вместе, как сейчас, а отдельно: «Красноармейская радиогазета», «Рабочая радиогазета», «Комсомольская»...

Писать я никогда не умела, но очень хорошо чувствовала, когда написано плохо. Приходила в редакцию, садилась за стол. Все корреспонденты, которые готовили тексты для очередного выпуска радиогазеты, приносили свои материалы, и я их правила (а мне не было и семнадцати). Я окликала: «Сысоев!» Корреспондент подбегал ко мне, я говорила: «Это не читается. Совсем не читается! Ведь нужно писать, как говоришь, не надо придумывать!» И опытные журналисты прислушивались к мнению девочки-десятиклассницы по нынешним временам, еще с большущим бантом на макушке. Теперь самой смешно вспомнить себя за столом редактора.

Интервьюер. В газетной работе есть такая неофициальная должность — «свежая голова». Это журналист, который над очередным номером не работал, он приходит

прочитать его перед самым засылом в типографию. Вы, наверное, и были для «Крестьянской радиогазеты» такой вот «свежей головой»?

Е. И. Гольдина. Очевидно, потому что сотрудники радиогазеты стали в конце концов мне говорить: «Почему вы не пишете сами?» Я честно отвечала: «Не умею».

...Сделана газета. Я брала все материалы и шла на Никольскую (ныне улицу 25-го Октября). Оттуда мы и читали.

Это было время становления профессии: до нас же дикторов широкого радиовещания не было!

Все время мы спорили: как нужно читать? Кое-кто из начальства давал такие «директивные» формулировки: «Надо читать, как будто бы на ухо соседу, чуть-чуть глуховатому»...

Что тут скажешь? Кричать, выходит, надо, раз — глуховатому? Но тогда почему «на ухо»? Никто ничего не знал.

Читали актеры. Плятт, например, читал...

Интервьюер. По книжке Ю. Олеси «Ни дня без строчки» мне запомнилась необычная фамилия первого, по мнению Юрия Карловича, диктора.

Вот что Олеша писал в конце 50-х годов:

«Как все меняется! Как все меняется! Совсем другие сейчас голоса дикторов, чем, скажем, год-другой назад. Я помню еще диктора Про.

— Вел передачу Про.

Это был первый диктор радиопередач. Помните:

— Вел передачу Про.

Он еще жив. Очень, очень старый человек — в бесформенной шапочке, с бесформенным румянцем. Все это от старости. Он увидел меня из окна какого-то транспорта и узнал. Мы раскланялись.

Не такой уж обычный, черт возьми, ветеран! Шутка ли, первый диктор!

Я помню, как некогда бежал по площади, чтобы не пропустить какого-либо слова, раздававшегося из черной точки репродуктора... Это были первые встречи с этим чудом. Мокрый снег летел на Советской площади, репродуктор был похож на только что прилетевшую и севшую на столб ворону, и «вел передачу Про».

Е. И. Гольдина. Совершенно очаровательный был человек Володя Про! Но он был не первым. Первым был Гурин, наш начальник. А Про — потом. Солидный был

мужчина, намного старше нас. Поставленный голос имел, ну, скажем, юриста (кажется, он и был юристом). Может быть, немножко суховатый...

Вещание развивалось, нужно было набирать дикторов. Как и поныне ведется, дано было объявление по радио, что требуются дикторы.

И вот однажды... Это было на улице Горького, на Центральном телеграфе. На втором этаже (вход с боковой стороны здания) был зал с роялем и студии — наверху и внизу. В зале стояли пальмы в кадках, под пальмой сидела ключница. Мы брали у нее ключи, и под этими же пальмами, стоявшими и вдоль коридора, разбегались по студиям.

В студии шло прослушивание конкурсантов. В зал вошел какой-то парнишка в тапочках и в майке. Совсем посторонний, с листком бумаги в руках. Обратился ко мне: «Вам подать бумажку?» — «Какую бумажку?» — «Ну, что я хочу быть диктором».

Я посмотрела на него: «А что вы окончили?» Он говорит: «Девятилетку!» Я: «Нет, что по специальности?» А я, надо сказать, уже четыре года на радио работала и в Театре чтеца продолжала выступать. Поэтому не смогла скрыть иронию, с которой восприняла его ответную реплику, прозвучавшую с зычным и округлым владимирским «о»: «Ничего, попробуем!»

Выступая на левитановском юбилее в честь пятидесятилетия его работы у микрофона, я рассказала обо всем этом собравшимся — и про майку, и про тапочки, и про «попробуем». Юрий Борисович очень смеялся.

Но вернемся на полвека назад, к тому моменту, когда его стали прослушивать. Все были потрясены голосом. Не тем, что он читал, не тем, как читал, а именно голосом.

Как потом произошло «вступление в должность», я не помню. Быстро, в считанные дни...

Интервьюер. Видимо, комиссия сразу почувствовала, как из общего хора конкурсантов выделился действительно очень яркий голос?

Е. И. Гольдина. Равного ему нет и сегодня. Любое торжественное событие в жизни страны — сорокалетие Победы, молодежный фестиваль — звучат в моей душе голосом Левитана. Хотя об открытии фестиваля 1985 года, например, вели рассказ по-настоящему хорошие дикторы — Аза Лихитченко, Евгений Кочергин, — мне все представлялось, как бы Юрий Борисович это прочитал...

В общем, начал Юра работать. Не надо забывать, что он был тогда еще очень юным. И поэтому делал много смешных для служебного обихода вещей. Например, частенько стоял на голове и показывал, как с пола ложечку может поднимать зубами. Снизу смотрел в глаза окружающим: впечатляет или не впечатляет? Ему очень хотелось веселиться...

В те годы очень уважаемый актер Четвертой студии Залесский Иван Алексеевич много читал на радио. Был он любитель бесконечно длинных разговоров, ужасный спорщик и имел привычку крепко держать собеседника за пуговицу пиджака. После получасового, скажем, разговора пуговицы имели обыкновение оставаться у него в кулаке. Юра в этих случаях не оставался в долгу: во время беседы отвинчивал тяжелую ручку регулятора с батареи парового отопления и тихонько клал Залесскому в карман. Тот ничего не замечал. Когда приходил домой, жена спрашивала: «Что это такое у тебя в кармане?» Иван Алексеевич извлекал с недоумением груз, непонятно как попавший к нему в карман, и отвечал раздраженно: «Ах, опять этот Левитан!»

Но не будем забывать за всеми этими забавными историями, что его сразу пустили в эфир,— дело редчайшее!

Интервьюер. Юрий Борисович мне говорил, что выпускали в основном в ночное время...

Е. И. Гольдина. К счастью... Потому что по ошибкам, «накладкам» он занимал первое место в сводках отдела контроля. «Чудесный цветок монголия», «непрочное зачатие» — да мало ли было такого, чего просто не знал, про что не успел прочитать или услышать от людей семнадцатилетний мальчик?

Но странное дело: он ошибался, если можно так сказать, очень уверенно. Многое на слух совершенно не замечалось, даже писем ругательных не было. Он так убедительно басил: «чудесный цветок монголия», что вы оставались (после легкого сомнения) в уверенности, что это вы ослышались, а не он оговорился. Тогда еще Левитан не был Левитаном... Но становился им. Стремительно. Очень много работал, хотел узнать как можно больше.

У Юры было одно редкое качество. Когда его ругали: это плохо, то плохо,— он никогда не защищался, никогда не опровергал (этому я у него старалась учиться, но

удавалось далеко не всегда). Он отвечал примерно так: «Значит, я в это время думал о чем-то другом. А диктор, когда находится у микрофона, должен думать только о том, что он читает!» И у всех как-то сразу пропадало желание ругать его: «Сам признал, что уж там...»

Это не был удобный прием самозащиты. Свои ошибки он признавал совершенно искренне, сознательно.

Интервьюер. В суждениях критиков он стремился находить какие-то импульсы к дальнейшей работе?

Е. И. Гольдина. Нет. Скорее — чувствовал, что упрямое противодействие, сопротивление, втягивание в дебаты и споры будет ему мешать в работе, может разрушить то, что исподволь крепло в нем. Свой внутренний мир будущего большого художника он непроизвольно защищал этим уходом от мелочной полемики...

И много позже, когда Ю. Левитан был уже настоящим диктором, он оставался верен себе. Конечно, всякое критическое слово западало в душу, заставляло переживать. Помню, как-то подошел: «Женя, как вы думаете: стоит ли тембр чуть-чуть приглушить? Может, действительно попробовать помягче немножко? Военное время позади, сейчас надо больше убеждением»...

Он пытался изменить манеру подачи материала, вести передачи в более мягкой форме. Но в письмах и по телефону сотни радиослушателей сразу начинали встревоженно вопрошать: «Что с Левитаном?» Еще и по этой причине ему нелегко было искать, пробовать в эфире новые подходы: он рос, внутренне совершенствовался и в то же время не имел права «выйти из образа»...

Интервьюер. А как сложился этот образ? У кого учился Левитан?

Е. И. Гольдина. «Оканье» — это по предмету, который вела Юзвицкая. Она преподавала дыхание, голос развивала — на базе гексаметра. Так что истинно московское левитановское «а» — ее заслуга.

Я вела технику речи.

Интервьюер. Так хотелось бы, Евгения Исааковна, перенестись сейчас в те времена — ну, скажем, в год 1933-й. Вы ведете занятие. Ваш ученик — Юрий Левитан...

Е. И. Гольдина. Берется материал: «Юра, читайте». Читает. «Юра! Существуют законы речи, которые пришли от устной, от живого разговора. Преступать их нельзя. К примеру: все, что стоит в родительном падеже, является

главным: «Дом помещицы стоял на пригорке». Не «дом» выделяем, а «помещицы», здесь важна точность определения. Это надо знать. Глагол никогда не бывает словом ударным, если при нем есть обстоятельства. Дом помещицы стоял где? На пригорке. Вот так звучит четкая, грамотная фраза.

Позже мы будем изучать такие понятия, как «видение», «общение», «задача», «подтекст»,—но важно усвоить основы. «Ворота дома были с задней стороны его». Казалось бы, ударное слово здесь «дома» — ведь родительный падеж? Но новые понятия и противопоставления обладают такой силой, что зачеркивают все другие правила. Значит, «ворота» — ударное слово. Почему так выделили «его»? Местоимения не бывают ударными, кроме как в противопоставлении: «Я пошел гулять, а он остался дома». Поэтому безграмотно читать: «Были изготовлены тракторы и запасные части к ним», делая ударение на местоимении. Ударным словом будет слово «части». Это надо твердо знать, чтобы читать по законам живой речи, не задумываясь о технических деталях, культурно и грамотно...

Интервьюер. А вас кто учил, Евгения Исааковна?

Е. И. Гольдина. Государственный институт слова.

Интервьюер. Извините, что перебил вас. Продолжайте, пожалуйста...

Е. И. Гольдина. Вот, например, как мы осваивали такое сложное понятие, как «ассоциативный образ».

Никогда не понимала выражения «Представьте себе...». «Представьте себе украинскую ночь» — это формально, здесь ничего не найдешь для работы над словом. Как я представлю, если я на Украине не была? Путь к художественному, образному чтению лежит через сложную, но подлинную, личную цепочку ассоциаций.

Спрашиваю: «Юра! В каком состоянии автор писал эти строки: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...»? Печально ли это сказано или автор испытывал восторг?» — «Конечно, восторженное состояние». — «А вам это чувство приходилось испытывать? Вспомните, покопайтесь в себе». — «Ну, наверно!» — «Вы были влюблены?» — «Ну, был» — «А почему глаза — в собеседника? Если действительно были, то глаза — «в себя»... Вы вспоминаете — мы же говорили о восторге. Значит, глядя «в себя»... Ну и что? Вы ожидали ее, встречались?» — «Был недалеко овраг, на склоне —

скамейка... Она приходила. Но вот однажды мне так хотелось с ней поговорить, а она все не шла»...

Я говорю: «Что, так и не пришла?» — А сама подмечает: уже глаза — «в себя», вспоминает...

— Вижу, издали бежит. И я — навстречу ей...

— Читайте! — «Тиха украинская ночь»...

Но самое основное, чему я учила своих учеников, — это никогда не видеть «миллионные массы». Нет «миллионной массы». Есть отдельный человек. И вот когда что-то говорите, то вы выберите человека, который вам близок, которого вы можете коснуться рукой. Конечно, не сюсюкать. Но есть же человек, которому можно сказать: «Жалко, что ты вчера не ходил на концерт. Как мне хотелось, чтобы ты пошел, а ты не мог. Замечательный концерт был!» Вот так и читайте!

Даже в объявлениях, сообщая телефон, по которому слушатель может навести нужную ему справку, я никогда не твердила: «Повторяю номер телефона». А всегда: «Я повторяю сейчас телефон...» Я была — живая! Хотя напечатано было казенное, машинное какое-то «повторяю», я все равно читала одному человеку, зная, что каждый будет думать: это ему. Каждый из «миллионной массы».

Интервьюер. Но когда в годы войны Левитан читал приказы...

Е. И. Гольдина. Это другое совершенно, это же — от страны...

Интервьюер. Он сам вспоминает, что видел мысленно, как войска стоят на площади перед парадным маршем.

Е. И. Гольдина. Не знаю, рассказывал ли он вам, как читал он приказы.

Во время войны Левитан не принадлежал сам себе. Он никуда не мог пойти, не оставив точных сведений — где он, до какого часа, чтобы его могли вызвать немедленно, если что-то надо читать. Он же был один, Левитан...

Приезжала машина, привозила приказ. Садись в машину и уезжали. Это было не на радио. Когда подъезжали к тому месту, откуда надо было читать, ломали сургучную печать, и он входил в студию. Не зная, что в этом пакете... Эти чтения были как героический подвиг, а не просто выход в эфир без возможности подготовиться, собраться.

Интервьюер. Говорят, что каждый диктор обязан это уметь...

Е. И. Гольдина. Уметь-то умеем... Я и сейчас любой лист любого текста прочту так, как будто я разговариваю,—я знаю, как это делать. Но разве сравнить с теми приказами?! Это совсем другое дело!

Интервьюер. А сводки Совинформбюро? Их привозили на радио?

Е.И. Гольдина. Да... «От Советского Информбюро»...

По аналогии, не такой уж отдаленной, кое-что вспомнилось и мне. За двадцать пять лет работы в одной системе Гостелерадио СССР с Юрием Борисовичем видел я его, конечно, часто. Изредка разговаривали, но на всю жизнь запомнился один короткий обмен репликами. Всего несколько слов. А дело было более двадцати лет назад.

...Самые раскаленные сутки Карибского кризиса. В них—самые тревожные часы, даже минуты: объявлено по радио, что будет передано важное сообщение. Объявление, предельно серьезное само по себе, было прочитано диктором с глубокой тревогой. Кажется, у него даже дрогнул голос.

Медленно идут минуты: не знаешь, куда себя деть. На чашку кофе в любом случае пять минут остается. К короткой очереди у стойки подходит бодро улыбающийся Левитан. «Товарищи, позвольте мне взять чашечку, сейчас идти читать...»—«А что читать, Юрий Борисович?»—«Войду в студию, узнаю...».

С этого воспоминания я начал в 1982 году беседу с народным артистом СССР Ю. Б. Левитаном. Он сразу продолжил:

«Помню все по секундам. Вдруг значительно, весомо потекли они, когда дома, в свой свободный от работы день я услышал это объявление. Да, однажды действительно, когда объявление повторялось, у моего коллеги дольше, чем надо бы, длилась пауза. Неужели так серьезно?»

Размышлять было некогда, потому что раздался звонок—срочно вызывали на Пятницкую: машина уже вышла. Короткая беседа у руководства, и неожиданно выпавшая пара свободных минут, о которых вы напомнили. И вот я в студии. Текст у меня в руках. Я знакомлюсь с его содержанием по ходу чтения, и вместе со мной—миллионы и миллионы людей. Мир или война?

Я знаю только одно: люди и так полны тревоги, и читаю сдержанно, ровно. Собранность, четкость—таковы были мои команды самому себе. И главное чувство, с

которым я читал текст: «Прибавить я всегда успею». Строчка, абзац, страница... Ровно, значительно, сдержанно. «Прибавить—успею»... Так вот и дочитал до конца».

И вновь слово той, кто учила Левитана и была долгие годы его другом,—Е. И. Гольдиной.

— Когда он стал Левитаном, ничего не изменилось. Так же ходил на занятия, так же прислушивался к замечаниям и советам. Даже в последние годы. Врачи велели ему бросить курить. Долго он ломал себя, но все-таки бросил. Воля была... А потом все приставал: «Евгения Исааковна, Женечка! Послушайте, пожалуйста — не стал ли у меня выше голос звучать?» Я применила весь свой авторитет, чтобы помочь ему выбросить из головы эту навязчивую идею. Не сразу, но удалось...

Вообще мы с ним слушали друг друга не с эфира, а в студии—наши бригады соприкасались по графику. Порой и читали вместе. Скрывать своего мнения о работе друг друга между нами не было принято. Иногда скажешь: «Юра, что это с вами сегодня? Не в форме, что ли?» Помолчит, потом скажет: «Спасибо!» Он ведь сам чувствовал, что что-то с ним было, а благодарит за то, что я знаю,—в следующей передаче этого уже не будет. Он это преодолет.

Ни одного равнодушного слова. *Ольга Высоцкая*

Диктор... Профессия нынче весьма распространенная. А было время, когда нас, дикторов, были единицы, а сама профессия только-только начинала «нарабатывать» свои специфические черты.

Я немного старше Юрия Левитана, но работать на радио мы пришли почти одновременно—в 1931 году. Надо сказать, что начинали мы не на пустом месте. Наше дикторское мастерство формировалось, опираясь на замечательные традиции системы К. С. Станиславского. Наши первые наставники, такие, как народный артист СССР Л. М. Леонидов, режиссер Художественного театра Н. Н. Литовцева (супруга В. И. Качалова), были воспитаны на этих традициях и утверждали их на радио. В основе учебы и овладения мастерством чтения у микрофона лежали театральные традиции. Осталось это и до сих пор. Теперь уже и мы, ветераны, своих учеников воспитываем в той же «вере».

Что было особенно характерно для Левитана? Это был сплав необыкновенных природных голосовых данных и высокого гражданского темперамента, который не изменял ему никогда. Что касается индивидуального профессионального мастерства, нужно отметить умение Юрия Борисовича сосредоточиваться или, как говорят в спорте, «сгруппироваться». Он умел это делать блестяще.

Столько лет проработать плечом к плечу! Это и радости, и горести, и неудачи, и успехи. С 1935 года все радиорепортажи с Красной площади мы вели вместе. Вместе работали в ночь, когда пришла долгожданная весть о Победе, потом на параде Победы—в июне 1945 года. Вместе сообщали о ходе партийных съездов из Кремлевского Дворца. Юрий Борисович с повышенной чуткостью относился к партнеру, и в моменты высшего напряжения, в моменты высшей сосредоточенности это помогало ощущать себя в монолитном единстве. Подобная синхронность действий у микрофона была особенно необходима, когда мы вели репортажи со съездов партии. Тут была высочайшая ответственность за каждое произнесенное слово, если учесть еще и оперативность выхода в эфир. В такие минуты Левитан внешне был очень спокоен. Знавшим его казалось, что он чересчур замедлен, флегматичен, даже как будто равнодушен. Но на самом-то деле это была высшая форма сосредоточенности.

Он умел работать. Даже самый небольшой и незначительный текст он превращал в настоящую партитуру чтецкого искусства. Постоянный самоконтроль и беспощадная взыскательность к себе—вот где истоки уникального таланта и неслыханной популярности Юрия Левитана. И при всем этом Юрий Борисович был человеком простым, сердечным, отзывчивым, веселым, с необыкновенно развитым чувством юмора. Неистощимый на выдумки, он обожал розыгрыши.

Особенно доставалось нашему дежурному диспетчеру Сене Емельянову. Комната у нас был небольшая, в ней стояли два стола с телефонами. За одним сидел Емельянов, а за другим—Левитан. Повернувшись спиной к дежурному, Юра набирает номер его телефона и, подражая голосу председателя Радиокomiteта П. М. Керженцева, с его раскатистым «р», ведет такой диалог:

— Кто со мной говорит?

— Емельянов.

— Товарищ Емельянов, что за безобразие? У вас в эфире нетрезвый диктор.

— Не может быть, Платон Михайлович!

— А я говорю — пойдите проверьте. Я же слышу.

Емельянов бросался проверять, а возвращаясь в студию к телефону, видел с трубкой Левитана и, все поняв, кидался на него чуть не с кулаками. Юра разыгрывал Емельянова неоднократно, но тот почему-то всякий раз попадался «на удочку».

Сколько я помню Ю. Б. Левитана, солидным, в смысле сознания своей значительности, он не был никогда — ни в юности, ни тогда, когда уже имел право на солидность. В нем до последнего часа была какая-то неподдельная детскость.

Юрий Борисович был превосходным сыном. Он очень любил свою мать, просто боготворил ее. До своего последнего дня он оставался любящим и внимательным отцом для своей дочери Наташи. В высшей степени трепетно он относился к своему внуку. И незнакомым людям он помогал, чем только мог. И делал это не по обязанности, а по душевной потребности. Интересовался тем, что происходило в жизни окружающих его людей. У кого-то родился сын, появился внук, случались другие житейские события, он принимал все близко к сердцу. Придавал таким, казалось бы, обыденным фактам важное значение, сообщал о них нам, коллегам, с каким-то особым участием.

И вот наша последняя совместная работа с Ю. Б. Левитаном... Она была на телевидении. В первых числах августа 1983 года мы записывали телепередачу «Ты помнишь, товарищ?», посвященную сороковой годовщине освобождения Белгорода и Орла советскими войсками. Кончилась запись. Режиссер Тамара Садекова и заведующий отделом военно-патриотического воспитания Михаил Лещинский работу нашу одобрили. А Юрий Борисович попросил: «Давайте запишем еще один дубль». Потом еще и еще. А просил он переписать такую фразу: «Каждый год я езжу на эту землю. И в этот раз я поеду туда обязательно»... При монтаже передачи эта фраза не вошла. Как будто авторы что-то предчувствовали. Но Левитан свое слово сдержал. К горькому сожалению, эта его поездка стала последней.

7 ноября 1983 года я впервые работала на Красной площади без Юрия Борисовича Левитана. У меня все

время было ощущение, что новый дикторский дуэт не звучит как единый ансамбль. Я знаю, что, работая и с другими дикторами, Левитан умел понять и поддержать партнера.

Во время радиорепортажей с Красной площади к микрофону приглашались люди разных профессий. Для многих это было первое выступление по радио. И снова вспоминается Юрий Левитан. Он непременно брал над ними опеку, репетировал с ними, ненавязчиво делал замечания. Обязательно хвалил, ободрял. Это была его излюбленная манера дать человеку успокоиться, прийти в себя. Вот почему работа плечом к плечу с таким партнером, как Левитан, давала ощущение уверенности и надежности.

Его имя еще при жизни стало легендой. Оно неразрывно связано с целой эпохой в жизни нашей страны. Всенародная любовь и признание пришли к нему не только потому, что у него был голос Левитана,— у него было пламенное сердце бойца, гражданина, коммуниста, патриота. Ни одного холодного, ни одного равнодушного слова не произнес он за свою полувековую службу у всесоюзного микрофона.

Уроки Левитана. Игорь Кириллов

Кажется, совсем недавно отмечалось пятидесятилетие работы у микрофона Всесоюзного радио замечательного советского диктора, народного артиста СССР Юрия Левитана. Открылся вечер с торжественной частью— приветствовали юбиляра представители Вооруженных Сил, космонавты, руководители Гостелерадио. Ну а потом коллеги и друзья устроили в честь Левитана импровизированный «Голубой огонек». «Зарубежный гость», Володя Ухин, приветствовал «восходящее солнце» дикторской профессии, а я переводил это выступление «с японского». Юрию Борисовичу понравился наш капустник. Он любил и понимал юмор.

Неожиданно оборвалась его жизнь. Но в памяти он с нами, с теми, кто пережил и помнит войну, ее тревоги и горести, счастье и радость Победы.

Еще в детстве я себе нафантазировал его образ: умудренный, могучий... А Юрию Левитану в начале войны было двадцать семь! Трудно даже представить,

каким образом голос молодого человека вобрал в себя весь этот сложнейший сплав — душевный подъем, суровую сдержанность, ненависть к врагу и радость победы, окрашивавшие сообщения, что он читал тогда по радио. (Знаю, есть и будут подражатели творческой манере Левитана, но уникальность его дарования освещена и уникальностью времени, уникальностью исторических событий, в которых он участвовал.)

Рядом с памятными событиями моего военного детства живут и радиоголоса того времени. Прошли годы. В 1957 году я начал работать на телевидении — сначала помощником режиссера, а после конкурса — диктором. И сразу же, с первого дня моей новой профессии, — выход в эфир! Без права на дубль, естественно (записи не было). Сохранилась фотография: я читаю «Новости». Глаза, как тарелки, волосы вздыблены... И на следующий же день я отправился на радио, к Ольге Сергеевне Высоцкой — учиться. Она стала моим наставником. На одном из занятий у О. С. Высоцкой я встретился с Левитаном. Вошел симпатичный молодой человек, поздоровался со мной как с равным. В нем не было ничего от ментора... Я растерялся: образ, сложившийся в детстве, с реальностью совершенно не совпадал. Юрий Борисович меня ободрил. Вроде ничего особенного при той первой встрече не посоветовал. Даже похвалил: «Слушал! Хорошо! Молодец! А зачем так торопишься? Если бы чуть помедленнее — было бы просто прекрасно!»

Сейчас-то я понимаю, что читал ужасно, — разве можно было так «чесать» в эфире? Слишком разные люди нас слушают, и многие при торопливом чтении могут не уловить мысль. Получив тогда похвалу «самого Левитана», чуть было не упустил из виду, что в ней крылись и серьезный совет и довольно строгая критика.

Так мы познакомились и почти тридцать лет дружили. Помня о первой встрече, я всегда с большим вниманием прислушивался к его мнениям и оценкам. Он не учил, но у него все мы учились. Даже, точнее, не учились (этому не научишься), а брали за образец его восприятие нашей жизни, его отношение к действительности. Он был — и это не громкие слова — гражданин, патриот нашей Родины. Каждый материал он интерпретировал эмоционально, очень искренне, с чувством огромной ответственности за свое дело, которое считал важным для себя и для людей.

Профессия диктора — одна из сложных и на радио и на телевидении. Годы нужны на то, чтобы мало-мальски ею овладеть. Нет слов, она популярна. Но Юрий Борисович не уставал доказывать, что эта популярность относится не к личности, а к профессии. Просто само дело диктора слышнее, виднее. Справедливость этих предостережений не всем удавалось постичь. Помню случаи, когда иным, сверх меры «воспарившим», кто принял специфичность работы за свою личную славу, приходилось с профессией расставаться.

Ведь кто такой диктор? Завершающее звено в цепи сложного теле- и радиопроизводства. Над передачей работают журналист и редактор, режиссер и оператор, музыканты и техники — словом, десятки людей. И диктор не имеет права небрежностью или ошибкой испортить сделанное товарищами.

Главная его задача — достойно завершить коллективный труд, чтобы передача пришла к аудитории такой, какой была задумана.

Помню, что в первые годы у дикторов телевидения была очень разнообразная работа по тематике и жанрам. Из рассказов Ю. Б. Левитана, О. С. Высоцкой знаю, что был такой период и на радио, еще до войны: дикторы вели самые разные программы, читали в эфир художественные произведения, исполняли скетчи и куплеты в сатирических передачах. Для диктора как для актера это очень хорошо. Для меня, например, бывало счастьем почти весь вечер работать в эфире: начинал с детской передачи, потом — выпуск новостей, за ним — концерт, а то еще и передача по истории кино — изредка я читал их за известного киноведа Авенариуса. Иногда случалось — вел рассказ и об оперном спектакле. И все эти «амплуа» необыкновенно были для меня интересны. Но, с другой стороны, было в этом что-то дискредитирующее диктора. Ведь даже среди энциклопедически образованных людей нет таких, кто был бы специалистом высшей квалификации абсолютно во всех вопросах. Поэтому трудно предположить, чтобы диктор рассказал, скажем, об опере, как С. Виноградова, и провел передачу «Клуб путешественников» не хуже Ю. Сенкевича. Время все более настоятельно требовало присутствия в эфире именно квалифицированного в своей области специалиста. (Ну, может быть, диктору не заказана область спорта — если он любит и знает его. Я в свое время хотел перейти на эту

тематику, даже стажировался у В. С. Синявского. Но опять же надо «специализироваться».)

Процесс «потери» передач проходил для дикторов, особенно молодых, болезненно. Но постепенно дикторы, даже больше в качестве телезрителей, убеждались: да, о медицине в эфире должен рассказывать врач, о путешествиях — путешественник. Допустим, Владимир Адольфович Шнейдеров был оператор, режиссер, географ, путешественник и именно поэтому в реестр его профессии органично вошла следующая: телевизионный ведущий. Мы ему верили: он сам побывал на разных широтах и мог продемонстрировать на экране лично им снятые сюжеты...

Со временем появление диктора в нехроникальных программах стало не правилом, а исключением. Бывали, скажем, случаи, когда приходилось выходить в эфир вместо заболевшего автора. Одну такую «аварийную» мою работу видел Ю. Б. Левитан.

Дело было так. Приехал из-за границы прославленный симфонический оркестр, и мне пришлось представлять его аудитории. Посмотрел текст и понял: выучить его я не смогу, он слишком специален и сложен для разговорной речи. Тогда, выяснив, кто автор текста, я построил конференс так: «Об этом оркестре написал по нашей просьбе крупный музыковед, профессор Московской консерватории такой-то». И все, что выходило за рамки дикторской компетенции — оценка манеры дирижера, стиля исполнения и т. п., — я зачитывал как мнение уважаемого специалиста, с обязательной ссылкой на него. А хроникальный материал — рассказ о ходе гастролей, отзывы прессы, программу концерта — подавал в обычной дикторской манере. Левитану понравилась наша изобретательность, и он в свою очередь вспомнил не об одной подобной «аварийной» ситуации на радио.

Левитан не боялся работы в экстремальных ситуациях, он был всегда готов к ней. Сейчас практика «приношения» спешно выправленных листочков в студию во время передачи изживается. Иное дело было в годы войны. Приказ, сводку, случалось, доставляли на радио в последнюю минуту, в единственном экземпляре. Сегодня телетайпы обеспечивают дикторов тремя-четырьмя экземплярами, и можно спокойно и организованно подготовить чистый, аккуратный и тщательно вычитанный экземпляр текста.

Но, разумеется, никто из дикторов не застрахован от чтения в эфир «с листа», без подготовки. И здесь Юрий Борисович советовал: пусть ты знаешь содержание материала весьма приблизительно, прочти хотя бы первый абзац и последний. Это успеешь обязательно! И уже ты знаешь, от чего и к чему идешь.

Был у меня случай, когда этот совет очень мне пригодился. Вот только концовки материала я посмотреть не мог...

Было это в дни молодости телевидения, когда нам хотелось во что бы то ни стало всем доказать его замечательные преимущества. Как-то меня попросили: «Надо выйти в эфир раньше радио. Прочитай текст по частям, мы будем приносить их прямо в студию». Я согласился. Начинаю читать. Заканчиваю третью, четвертую страницу материала. Пятую и шестую — не несут... Я замедляю темп, как бы размышляю над содержанием, а сам думаю, что мне делать... На мое счастье, открывается дверь и в маленькую студию, заставленную техникой, осветительными приборами, тихо входит редактор, становится... на четвереньки (иначе незамеченным ко мне не подойти) и с текстом в зубах пробирается между камерами и микрофонами. Положил текст на край стола, а шевелиться ему нельзя: звуковики показывают знаками, чтобы он замер на месте, иначе шум пройдет в эфир.

Оба мы за свою «лихость» были наказаны тем, что пережили мучительные минуты и больше с радио в оперативности не соревновались. Но уроки Левитана мнегодились — я ведь готов был и к самому худшему: не успею вовремя редактор, я бы начал текст снова, с тем чтобы в полном объеме прочитать его при повторе.

Вернемся, однако, к проблемам сегодняшним. За первой атакующей волной специалистов на «дикторские высоты» повели массивное наступление журналисты и редакторы передач. Конечно, теоретически «персонафикация информации» — вещь правильная, и автор текста стоит, безусловно, ближе к первоисточнику: он побывал на месте события и видел то, о чем он ведет речь с экрана. Но практика дает нам порой примеры, способные скомпрометировать самую хорошую теорию. Ведь если компетентный автор не обладает даром рассказчика, если он лишен природного артистизма, то на экране зритель не увидит ни диктора, ни специалиста.

Конечно, к прежнему, почти монопольному распоря-

жению диктора микрофонами возврата нет, да он и не нужен. Однако есть интересные творческие примеры возвращения диктора в передачи — в основном публицистического плана — в качестве ведущего. Подчеркну: ведущего, специализирующегося в проблематике этой программы. Мы хорошо знаем о работе народной артистки СССР В. М. Леонтьевой в программе «От всей души», В. И. Балашова в передаче «Победители». А на радио новые пути для творческого роста диктора проложил Юрий Борисович Левитан своей работой ведущего передачи «Пишут ветераны».

Все мы помним, как вел ее Ю. Б. Левитан. Она позволила ему по-актерски раскрыться: ведь он не только знакомил аудиторию с письмами, адресованными в редакцию (а очень часто — и ему лично как ведущему), но и читал стихи военных лет, напоминал строки из сводок Совинформбюро, приказов, с репортерским микрофоном брал интервью у ветеранов войны в День Победы.

Редкостным было единство передачи и ведущего — по стилю, по духу. Юрий Борисович очень дорожил своей ролью в этой передаче. Она поддерживала его связь с теми, кто слушал его на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. И, как прежде, ветераны черпали в радиообщении с любимым диктором бодрость, уверенность.

Как действовало его слово на людей, я испытал на одной из встреч, где нам довелось выступать вместе. Он рассказывал о работе дикторов радио, о своей — очень скромно, с достоинством, как обычно. Затем подошел к моменту начала войны, когда ему пришлось читать Заявление Советского правительства, к годам тяжелых сражений и, наконец, к победному приказу — и я почувствовал, как меня, да и многих в зале охватило волнение и в то же время всех нас объединила волна оптимистической энергии, гордости за свой народ, за свою страну. Да, он был воистину народный артист...

Юрий Левитан до последних дней оставался бригадиром одного из дикторских коллективов Всесоюзного радио, вел каждодневную нелегкую работу — без скидок на уникальность таланта, на возраст. Скидок прежде всего не допускал он сам: всегда был в форме, всегда энергичен, внутренне собран и готов к работе самой высокой степени сложности. Помнится, он говорил: «Надо быть готовым «еще вчера» — и пояснял: «Читаешь газету, а завтра тебе

работать. Повнимательней прочти «Правду» — и ты уже отчасти можешь предвидеть развитие событий: скажем, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Если нарастает напряжение, то могут подойти в твое дежурство серьезные документы. Так будь готов к ним еще накануне!»

Всем пятидесятилетним опытом работы у микрофона Юрий Борисович Левитан учил вкладывать в каждую передачу, в каждое короткое сообщение частицу сердца, показывал нам пример творческой «готовности номер один».

Диапазон таланта. Эмиль Верник

Среди людей, которых я часто вспоминаю, когда размышляю о главном в своей режиссерской работе на радио (даже больше — о главном вообще в работе, в жизни), особое место принадлежит Юрию Борисовичу Левитану.

...Радиодом в Путинковском переулке. Студия на первом этаже. Для одной из передач Главной редакции пропаганды меня, начинающего актера, приехавшего из Харькова в столицу, пригласил на запись режиссер А. Футликов. Читаю очерк, перечитываю по просьбе А. Футликова некоторые куски и среди работы краем глаза замечаю через стекло, отделяющее студию от аппаратной, какого-то незнакомого человека. Потом оказалось — Левитан. Двери в аппаратную были открыты, он проходил по коридору, услышал усиленные динамиком звуки моего голоса и, как потом рассказал режиссер, заинтересовался: «Кто это так красиво (как он сказал) читает?» А когда я вышел из студии, Юрий Борисович повторил мне примерно те же слова. Я был совершенно ошеломлен, узнав, с кем говорю, кто похвалил мои первые радиоопыты.

Не буду преувеличивать, подобно мемуаристам, что встреча эта определила всю мою творческую судьбу, и т. д., и т. п. Судьба судьбой — мимолетное знакомство и пара фраз редко ее определяют. Но теплота левитановской оценки долго грела душу, поддерживала в нелегких ситуациях.

Наверняка многие испытали на себе его удивительно доброе отношение, его трогательную заботливость. Для него любой человек, с кем хоть на минуту сводила жизнь,

уже не был с этой минуты посторонним: если он с человеком был немного знаком, он всегда находил какое-то слово участия, слово приветия.

Так сложилось, что мы долгое время вместе работали, стали друзьями. Но хочется особо сказать не об этом, а о вкладе Левитана в художественную, творческую палитру радиоскусства.

Начну не с радио. Не часто, но доводилось мне видеть Левитана на подмостках, перед большой аудиторией. Выступая примерно по одной и той же сюжетной канве — и это естественно: он прекрасно знал, что люди хотели бы услышать от Левитана, — он всегда умел найти что-то конкретное для данной аудитории, и не только в теме, в содержании, а в средствах эмоционального воздействия. Его, как мы говорим, актерская заразительность была бесконечно далека от актерства, от того, чтобы изображать, пытаться сыграть, расположить к себе. Юрий Борисович был актер необыкновенной скромности. Я слышал в молодости, как выступал В. И. Качалов. И проводя параллель, хочу заметить, — мастера этого направления не стремятся «показать себя», они идут к аудитории, несут ей мысль, чувство... Как артист Левитан был предельно строг к себе, внимателен ко всякому дельному замечанию и совету, требователен по самому высокому счету.

Когда мы говорим о Левитане, в памяти каждого — приказы Верховного Главнокомандующего, яркие страницы биографии нашей страны. И диктор, читавший в эфир несколько десятилетий важнейшие правительственные сообщения, неотделим в нашем сознании от восприятия нами хода самой истории. Он и его коллеги-дикторы как бы воплощали, конкретизировали в звучании своих голосов то, чем стало, начиная с середины 20-х годов, для Советской страны радиовещание. В очень сильном по своему составу, уникальном творческом коллективе — дикторской группе Всесоюзного радио — Левитан был «мастером номер один» не только потому, что обладал уникальным голосом, но и по своим замечательным качествам художника. Он был мастером художественного слова. И при этом не премьером, «первачом», как с давних времен говорится в театре (сегодня чаще говорят «звезда»), а, скорее, ведущим актером труппы, если продолжать аналогии, — скромным, всегда готовым прийти на помощь товарищам и учиться у них как художник.

Мне довелось работать с Левитаном в литературно-драматическом вещании Всесоюзного радио. И раньше не было для меня секретом, что он очень любит исполнять художественные произведения, но выходов для этого творческого стремления артиста было не так уж много. А ведь если вслушаться внутренним слухом, то в нашем восприятии окажутся близкими Маяковский и Левитан: «Мир огромив мощью голоса ...» — Неповторимое сочетание силы, твердости с вдруг прорывающейся мягкостью, добротой, нежностью... Левитановская трактовка стихотворения «Хорошее отношение к лошадям» даже в сопоставлении с яхонтовским шедевром не теряет своего самостоятельного творческого значения.

Левитан достигал точности и глубины поэтического звучания не только за счет своих голосовых данных, ярких и выразительных, а, скорее (чего мы и добивались) за счет внутреннего наполнения и предельной голосовой скромности. Это очень важно! Часто в разговоре с Юрием Борисовичем перед записью я говорил ему: «Голос такой красоты и силы способен подавить автора. Чем более осторожно мы подойдем к тексту, тем лучше расслышит его аудитория...»

Не знаю актера, более пластичного в работе, более податливого режиссерской руке. Поскольку Юрий Борисович как высочайшего класса профессионал с первого чтения достигал на записи удовлетворительного результата, а очень хорошего — со второго, то иные режиссеры удовлетворялись этим. А Левитан жаждал совершенства! Главным его трудом, мучительным и радостным, при записи художественных произведений было именно преодоление сопротивления материала — материала собственного могучего голоса, собственных, великолепных в дикторской практике, а в художественном вещании часто мешающих навыков и годами сложившихся приемов.

Сила Юрия Борисовича как артиста была в том, что он умел как бы «закрывать» те голосовые яркие обертоны, которыми он был наделен. И тогда его чтение обретало массу новых тончайших красок, оттенков...

И вот здесь-то ему очень важна была поддержка режиссера. В сложной борьбе с самим собой, характерной для всякого творчества высокого полета, он находил во мне единомышленника.

Ведь это же богатство — иметь такой голос. Но это — и опасность. Бывало, слышишь: «Нет, Левитана брать

нельзя...», когда речь шла о планировании записей в неинформационной редакции. «Для него — сводки Совинформбюро, приказы. А нам здесь нужно...» и т. п.

Неправильно это было, несправедливо. Для меня как режиссера работа с Юрием Борисовичем была не только большой радостью, но и принципиальной творческой полемикой с теми, кто так судил, кто, по сути дела, привык ожидать от исполнителя только того, чем он уже прославился, а не раскрывать в нем новые, скрытые до поры грани.

Возникают в памяти часы в студии, когда после репетиций, после первых «черновых» вариантов, Левитан раскрывал все богатство своих художественных возможностей, — не столько и не только голосовых, а внутренних, когда он точно и верно воплощал замысел автора — поэта, писателя. Кроме произведений В. Маяковского Левитаном записаны на радио поэма Р. Рождественского «Письмо в ХХХ век», поэма Е. Долматовского «У деревни «Богатырь», поэмы Н. Доризо, Я. Хелемского и других поэтов и писателей.

Именно тонкими голосовыми нюансами, подчеркивающими, выделяющими главную мысль, запомнилось радиослушателям чтение Левитаном очерковых материалов в передаче «Пишут ветераны» — и публицистический текст он как исполнитель, актер умел обогатить эмоционально.

Актер на радио... Сразу вспоминается Василий Иванович Качалов, его выразительный, как бы бархатистый голос, его непревзойденное умение владеть своим голосом. В совершенном владении тем, что даровано природой и отшлифовано мастерством, была сила Качалова: в тончайшей акцентировке, в полутонах. Думаю, что такие же творческие цели ставил перед собой, работая в сфере художественного слова, и Юрий Борисович Левитан.

Но ему, ежедневно ведущему информационные передачи, отдающему все силы дикторской деятельности, было неизмеримо труднее, чем актеру театральному, переключаться с основной работы на художественное чтение. Видимо, поэтому так был благодарен Левитан режиссерам за их советы и замечания, нужные прежде всего ему самому.

К себе он был не только требовательным, здесь больше подойдет слово «беспощаден». Один и тот же отрывок с полной отдачей повторял порой и три, и четыре, и пять

раз. Его не смущало, если приходилось отменять запись, если не получалось в этот день так, как нам обоим хотелось: «Пожалуйста. Когда нужно прийти?» Он работал как истинный труженик потому, что очень любил свое дело, ценил звучащее в эфире слово, понимал его значение.

С середины 20-х годов ведет свою летопись искусство радио. Но если вначале профессией радиочтеца как бы объединялись обе ипостаси радиоработы в области звучащего слова, то с годами художественное чтение обособилось, выделилось в самостоятельное направление из дикторской профессии. Сегодня чтецы не выступают в роли дикторов, нет такой необходимости (да и дикторская нагрузка, дикторская высочайшая собранность не каждому по плечу). А вот в дикторской среде тяготение к слову художественному, к актерской работе у микрофона живет. И вовсе не только как ностальгия по далеким временам. Она — исток, она — основной метод профессиональной учебы.

Однако чтобы в наши дни выходить в эфир с чтением художественных произведений, диктор прежде должен верить сам и доказать другим, что владеет в совершенстве не одной, а двумя формами художественной работы со словом. Я не преувеличиваю, когда утверждаю, что работа у микрофона с информационным материалом в полном смысле слова есть работа художественная, очень тонкая, требующая и мастерства и настоящей режиссуры. Но, с другой стороны, она не требует выявления индивидуальности исполнителя; здесь более скупа палитра красок, сдержанны, почти подспудны средства образного раскрытия текста. Поэтому диктор должен обладать достаточной смелостью, выступая в новом для него амплуа — чтеца художественного произведения, актера.

Но Ю. Б. Левитан преодолел все трудности и стал настоящим мастером, гордостью советского радиовещания. Весь его творческий путь был порывом к совершенству, к обретению художественного мастерства, широчайшей эрудиции. И все те пятьдесят с небольшим лет, что он работал на радио, не останавливался в стремлении к новому, не уставал учиться.

Жалею, что мало работ Левитана пришлось записать в литературно-драматической редакции. А планы были большие: стихи Маяковского, других поэтов. Мы с ним не торопясь (а может быть, увы, слишком медленно) приме-

ривались и к художественной прозе. Да чьей—прозе Бунина! Ручаюсь, что левитановское прочтение ее было бы новым, тонким, свежим.

Еще раз хочется сказать об отношении Левитана к делу. Он был образцом, полностью отдавая себя работе.

А ведь как часто актеры много моложе Левитана приезжали после съемок или спектакля на радио и были не в состоянии репетировать—сказывалась усталость. Приходилось откладывать запись до следующей встречи. И вот здесь-то и вспомнишь Левитана. После дикторской ночной смены, а она по напряжению не легче смены рабочего-металлурга, он входил в студию с радостным предвкушением интересной и несуетной работы, с желанием исследовать, прочувствовать текст, его замысел, форму, детали. И сверхзадача была: приглушить в себе диктора, дать в звучании нюансы, легкие штрихи, оставаясь самим собой, стать для слушателя иным в этой новой своей роли.

А может быть, все проще? Может быть, работая над художественными произведениями, он позволял себе чуть приоткрыть у микрофона те стороны, грани своего душевного мира, которые почти не звучали в той сфере, которая была основной в его труде?

В жизни это был приветливый, добрый человек, удивительный друг, заботливый отец, совершенно потрясающий дедушка—легендарный внук Боря с младенчества известен всем его друзьям на радио. Эта душевность, человеческая открытость и обаяние в глубинах творческой лаборатории большого мастера переплавлялись в тончайшие акценты, полутона, столь ценные в его художнической палитре. Но не будем забывать, что и пафос Левитана—трибуна, первого диктора державы—возникал из того же сердца, любящего людей, свою страну.

Вера в Победу, боль за поражения, которые испытывала страна, торжествующее, ликующее известие о полете Гагарина—одним голосом этого не скажешь.

Души откровенный дневник. Александр Шерель

Сильные люди всегда просты.

Лев Толстой

У меня нет права назвать себя близким знакомым Юрия Борисовича Левитана. Мы были, что называется, сослуживцы, причем разделенные и штатным расписанием по разным производственным подразделениям и главным образом положением: человек-легенда, мастер и начинающий радиожурналист. Но вот такой эпизод.

Случились у меня служебные неприятности из категории тех, что на определенное время несколько снижают производственную нагрузку. Иду с начальнического «ковра». Навстречу Левитан. Остановил, все понял:

— В нашем ремесле без неприятностей не бывает, лучше, когда они в молодости, в самом начале... И чуть помолчал:

— Вы, кажется, хотели заняться историей радио? Если могу быть полезен, если пригожусь как источник информации,— рассчитывайте на меня.

Пожал руку и, уходя, нарочито небрежно— чтобы не обидеть!— добавил:

— Материально будет похуже? Не стесняйтесь, чем могу...

Насколько мне известно, я далеко не единственный, кто в трудную минуту вот так без всяких просьб получил предложение о помощи от Юрия Борисовича.

В начале 60-х годов на радио особенно остро встал вопрос художественной выразительности. Поиск новых средств для привлечения внимания аудитории шел интенсивно, потому что надо было удержать у приемника слушателя, который все больше сосредоточивался на домашнем экране.

Формула «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» представлялась аксиомой. Во всяком случае, и опытные редакторы и совсем еще необстрелянные новички хорошо понимали, что выход для художественного вещания прежде всего в новых поворотах темы, в оригинальности художественных приемов, в неожиданных и потому привлекательных для слушателя звуковых аксессуарах.

Тогда мне и посчастливилось впервые встретиться в работе с Юрием Борисовичем, приглашенным на роль, мало привычную для аудитории.

Существовали в литературно-драматической редакции два «конкурирующих» альманаха. По композиции они были схожи: чтение художественных произведений перемежалось рассказами литературоведов, фрагментами воспоминаний артистов и писателей, редкостными документальными записями. А репутация была разная. «Литературные вечера» уже завоевали популярность благодаря, во-первых, постоянному участию в них Корнея Ивановича Чуковского, Константина Михайловича Симонова, Ираклия Луарсабовича Андроникова и, во-вторых,— обаянию и такту автора и ведущего Юрия Мануиловича Гальперина. Радиожурнал «Поэзия» только начинался и ему предстояло доказать свое право на жизнь в эфире. В спорах о новых формах программы и способах завоевания аудитории один из организаторов «Поэзии» вспомнил, как на одном юбилее в редакции Юрий Борисович Левитан блистательно читал лирические стихи.

Идею приняли с полуслова. Тут же позвонили Левитану, он немного удивился предложению, сказав, что последние двадцать пять лет если ему и доставалось читать у микрофона стихи, то это было нечто патетическое, а не лирика... Но согласился сразу — он вообще был человеком исключительной отзывчивости и добросовестности, когда дело касалось профессии.

Первую репетицию и запись назначили по его просьбе на вечер следующего дня — Юрий Борисович был свободен от смены в «Последних известиях». К тому же он предпочитал вечернюю работу — лучше себя чувствовал, сказывалась привычка, сформировавшаяся в 30-е и особенно в 40-е годы. Левитан ведь считался «государственным диктором» и жил в том режиме, в котором работали высшие государственные учреждения и их служащие.

Стихи он читал у микрофона с подлинным вдохновением: больше всего ему удалось Пастернак и Кирсанов.

«Эти горстки печатного текста
высыпал я из себя,
как печальные крошки
из пустых бакалейных мешков»*.

В том, как звучали эти кирсановские откровения, не было

---

* Кирсанов С. Однажды завтра. М., 1964, с. 9.

ничего от привычной дикторской стилистики, той тональности, о которой И. А. Андроников написал: «Самый тембр его голоса, артикуляция, манера произносить фразу, интонация, окраска каждого слова уже предвещают значительность экстренного сообщения». Нет, с достоинством и грустью о безвозвратных потерях немолодой уже человек заново оценивал свои и чужие поступки, утверждая жизнь, любовь и всесильную, вездесущую человеческую мысль.

«Но я прошу вас, вы не упрощайте слова прощанья и прощенья. Прощаясь, искренне прощайте. Пока нет средств для возвращенья — прощайте!» *

Самому Кирсанову левитановское чтение понравилось чрезвычайно. Он звонил из больницы редактору и домой Юрию Борисовичу, а через И. Л. Андроникова передал, что более всего он обрадован и удивлен тем, насколько точно уловил Левитан его, кирсановскую манеру исполнения стихов.

И тут невозможно не вспомнить, что в такой оценке поэт Кирсанов был не одинок. Константин Симонов, услышав однажды, как Левитан в передаче о ветеранах-фронтовиках прочел его стихи, говорил, что артист верно и точно передал его, симоновский поэтический стиль.

А тех почитателей Левитана, кому удалось купить пластинку-гигант с его записями, обычно поражает непривычностью и неожиданностью интонаций исполнение стихов Маяковского. Удивляет прежде всего выбор. Вроде бы «по статусу» Ю. Б. Левитану полагалось читать «Стихи о советском паспорте» или поэму «Хорошо!», а он выбрал одно из самых лирических и философических творений Маяковского — «Хорошее отношение к лошадям». (Это, кажется, самая ранняя из сохранившихся поэтических записей Юрия Борисовича — она датирована 1947 годом.)

Поначалу трудно узнать артиста, его чтение напоминает неспешную манеру «вживания» в каждое слово, свойственную Яхонтову. Потом ритм речи становится более упругим, интонации более жесткими. Знатоки старых грамзаписей и люди, слышавшие Маяковского,

---

* Кирсанов С. Однажды завтра, с. 9.

удивляются сходству звучания стихов в исполнении Левитана и самого поэта.

Лилю Юрьевну Брик спросили, как она относится к чтению Левитана. Оказалось, что она никогда не слышала, попросила принести ей запись. Возвращая пленку, сказала: Владимир Владимирович себя узнал бы непременно.

Конечно, Юрий Борисович не копировал и не имитировал голоса Кирсанова, Симонова, Маяковского. Эффект «авторского» исполнения возникал потому, что Левитан следовал поэту: он не стремился воссоздать атмосферу, «дух поэзии», как это часто делают на эстраде и у микрофона даже очень хорошие артисты, он старательно вгрызался— это самое точное выражение— вгрызался в значение и звучание каждого слова, чтобы найти и передать его изначальный, найденный поэтом смысл, не теряя, разумеется, путеводной нити ритма.

Б. Пастернак, оценивая одну неудачную, на его взгляд, попытку радиоинтерпретации стихов, написал о «неразложимой молекуле ритма», которая должна оставаться неприкосновенной. Ю. Левитан, читавший стихи, умел не просто сохранить эту неразложимую молекулу, но выявить ее и преподнести слушателю с необыкновенной четкостью и интонационной грацией.

Наверное, потому что и узнавали в нем самих себя очень разные поэты.

...Мы вышли из духоты студии на тихую улицу Качалова и, наслаждаясь свежим воздухом, настоящим на сирени— в тот июнь во дворах близ бывших Патриарших прудов и в скверах у Никитских ворот она цвела с каким-то запоздалым буйством,— медленно направились в сторону Тверского бульвара. Летняя ночь была светла.

Левитан негромко процитировал шекспировское:

«Было уже так поздно, что казалось еще рано».

Словом, все располагало к разговору, и я не преминул удовлетворить свое любопытство по поводу взаимоотношений первого и, следовательно, официального диктора СССР с изящной словесностью. Я знал, что творческая биография Левитана складывалась непросто. Знал, что систематическое образование его ограничивалось школой-девятилеткой, что посещал он— не всегда пунктуально, насколько позволял график работы,— занятия в Щукинском училище при Театре имени Евг. Вахтангова. Потому и расспросы начались с учителей. В молодости

хочется иной раз расставить авторитеты по ранжиру, и я, произнося, мол, понимаю, что вы, Юрий Борисович, встречались с разными замечательными людьми, учились у них и так далее, спросил:

— А все-таки, кого из этих людей вы назовете самым главным своим учителем?

Ответ после некоторой паузы последовал неожиданный.

— Не совсем корректна сама постановка вопроса. Что значит — кто главнее из моих учителей?..

Он стал рассказывать о занятиях по технике речи с Елизаветой Александровной Юзвицкой, об уроках Михаила Михайловича Лебедева — худрука дикторского отдела, о том, как много значил для него опыт старших коллег и великих театральных актеров, выступавших в 30-е годы на радио «живьем» чуть ли не ежедневно. А потом назвал имя, которое я никак не ожидал.

— Но раз вам непременно надо одно-единственное имя, я назову. Я никогда не был лично знаком с этим человеком, но в профессиональном плане обязан ему. Да и не я один, а все дикторы, все радио. По разным поводам обязаны... Станиславский.

И он заговорил о театре вообще и о МХАТ в частности, об «очных» и «заочных» уроках, которые он брал у «художественников».

Пройдет много лет, и уже после смерти Юрия Борисовича будет напечатана его статья «О нашей профессии», где само понятие «скульптурности звучания» и одухотворенности речи пушкинского вступления к «Медному всаднику» обозначено им с точностью, присущей резцу вдохновенного скульптора. Но уже тогда, двадцать с лишним лет назад, невозможно было не обратить внимания на совпадение тех принципов, которые диктор Юрий Левитан почитал за главные в своем ремесле, и тех требований, которые режиссер К. С. Станиславский предъявлял драматическому актеру.

Из чего складывалась магия левитановского слова в эфире?

Феноменальный дар природы? Безусловно.

Опыт и не менее феноменальная трудоспособность? Бесспорно.

Но ведь не только это.

Диктору приходится иметь дело с самыми разными по качеству текстами. Порой — и это естественно —

несколько притупляется ощущение остроты события, точности или приблизительности его описания. У Юрия Борисовича сохранялось острое чутье на правду. Весьма распространенная мысль, что реальная жизнь богаче даже самой изощренной фантазии, была для него рабочим условием. Но говорил он об этом, заменяя слово *богаче* на *важнее*.

Однажды он выступал на вечере, посвященном юбилею Победы, вместе с Борисом Андреевичем Бабочкиным. Потом со слов знаменитого артиста рассказывал такую историю.

Бабочкин готовился к съемкам фильма о войне, написал режиссерский сценарий по пьесе известного поэта и, как полагается, отдал сценарий на консультацию специалистам. Военный консультант в пух и прах разгромил едва ли не самую эффектную сцену, где офицер, командир батальона, в окопе душевно беседует с солдатами на всякие житейские темы.

— Этого быть не может, — категорически заявил генерал, который начал войну комбатом и дошел до Берлина командиром дивизии, штурмовавшей рейхстаг.

— Почему? — возмутился Бабочкин.

— Не положено.

— А что положено?

— «Как кормят»? «Получаете ли письма из дому»? — и все. — Иначе у вас в картине будет неправда.

Сам увлеченный рассказанным, Левитан воскликнул:

— Понимаете? Не положено. Не было в окопе места ни задушевному разговору начальника с подчиненным, ни другим сантиментам.

И продолжил с некоторой грустью:

— Знаете, почему у нас часто то ли боятся, то ли не умеют говорить о фронте? Мы все хотим его «очеловечить» — так трудно поверить в жестокость истины, в чудовищную беспощадность атаки, бомбежки, рукопашного боя. Вот наши авторы — из лучших, может быть, побуждений, из сочувствия своим персонажам — и стараются хоть как-то облегчить им фронтовую жизнь. А на самом деле такого облегчения не было...

Разговор этот имел продолжение, для автора этих строк ставшее ценным уроком. Мой приятель, режиссер, ставил на сцене одного из ведущих периферийных театров страны пьесу И. Дворецкого «Человек со стороны». Стремясь подчеркнуть сложность времени и обсто-

ятельств, в которых действует главный герой, ответственность принимаемых им решений, режиссер задумал ввести в спектакль голос Юрия Борисовича Левитана.

Придумано было так: идет своим чередом спектакль, но в кульминационных его местах из репродуктора, установленного над сценой (в декорацию он вписывался как вполне органичная деталь технического снаряжения заводского цеха), звучит голос Левитана, читающего сводку новостей. Юрий Борисович легко согласился — такие просьбы были ему не в новинку. Но когда пришел в студию и познакомился с подготовленным текстом, задумался. Как всегда, доброжелательно и мягко сказал: — Я человек дисциплинированный, прочту и это, но вы все-таки подумайте, надо ли?

Смутило Левитана вот что. Мы не рискнули использовать обычные тассовские сообщения — они показались «недостаточно концентрированными», что ли. И, опираясь на газетные статьи и другого рода документальную прозу, сами сочинили «сводку событий в мире», стилизовав ее под традиционные выпуски новостей.

Деликатному предупреждению Левитана мы не вняли и с жаром принялись доказывать, что «сцена требует обобщений и что всякая подлинная реальность быстро устаревает, а спектаклю нужна актуальность, поднимающаяся до символа» и что «структура зрительской реакции зависит от разнообразия ассоциативных мотивов...».

Кажется, в первый и последний раз я увидел Юрия Борисовича разгневанным:

— Пожалуйста, не пугайте меня словами, — сдержанно начал он, — я и не такие слова знаю, особенно в международных обзорах. — Тут он усмехнулся. Но продолжал с горечью: — Поймите, ваш зритель обязательно почувствует неправду в моих словах, неточность, а значит, может не поверить и тому, что вы будете делать на сцене...

Мы настаивали.

И вот тогда Юрий Борисович загремел яростным шепотом:

— Это липа! А вы еще молоды, чтобы заниматься липой. Подумайте, пока у вас есть время!

Он положил листки с текстом на пульт и, выходя из студии, бросил:

— Жизнь на свете куда страшнее и куда прекраснее, чем вам кажется. Я убеждаюсь в этом ежевечерне, когда

прихожу на смену и читаю обзор событий в мире за одни только сутки.

«Яростный шепот» — не для красоты стиля сказано. Нас взаправду оглушили и слова Юрия Борисовича и темперамент, с которым они были произнесены. Ну что, в самом деле, ему стоило записать две страницы «по заказу» провинциального театра? И зачем ему учить жизни двух молодых недоумков?

А закончилась эта история так. Мы вместе с Левитаном просидели несколько вечеров в дикторской комнате, выбирая из папок «Последних известий» и выпусков «Маяка» подходящую нам информацию. И когда в спектакле она зазвучала, передавая подлинную атмосферу тревог и радостей страны и планеты, зрители аплодисментами, а критики статьями и рецензиями зафиксировали правоту Юрия Борисовича.

Еще одно свойство дарования Левитана (дарования или тренинга? хотя какая разница!) — уникальная сосредоточенность.

У К. С. Станиславского в «Работе актера над собой» есть запись: «...волнение, неверие в то, что говоришь, отсутствие подлинной задачи, наигрыш, пыжение, насилие над темпераментом — все это укорачивает голосовой диапазон сценической речи».

На эти слова указал мне Юрий Борисович, когда однажды я приступил к нему с расспросами о тайнах дикторского ремесла.

— Мое внимание на эти слова обратил Качалов... Если вы попытаетесь разобраться в них глубоко и серьезно, то поймете, что никаких других секретов нет.

Я было заикнулся, что Станиславский пишет о сценической речи, то есть о том, как актер говорит на драматических подмостках, в образе того или иного персонажа.

Юрий Борисович ответил:

— Замените термин «сценическая» на слово «дикторская». Все будет справедливо и в этом случае. Это ключ к сосредоточенности, без которой у микрофона нельзя работать.

Улыбнулся:

— Вы знаете, откуда наша знаменитая поговорка: «Слово не воробей, поймает — вылетит»? От неумения тренировать себя на сосредоточенность.

— А у кого вы учились этому?

— Конечно, у Качалова.

Взаимоотношения Юрия Борисовича Левитана с семьей великого мхатовского актера — особая тема, которая, может быть, дождется специального исследования. Юрий Борисович рассказывал, как он часами просиживал в углу качаловского кабинета, пока хозяин готовился к спектаклю, концерту или выступлению у микрофона. Нина Николаевна Литовцева, жена Василия Ивановича, актриса, режиссер и педагог, в начале 30-х годов занимавшаяся с дикторами Всесоюзного радио, до конца своих дней оставалась для Левитана едва ли не самым строгим и почитаемым судьей в профессиональных делах.

Именно к Н. Н. Литовцевой пошел советоваться, уже будучи знаменитым и опытным диктором, Ю. Б. Левитан, когда перед ним возникла сложная и достаточно непривычная творческая задача. Информационное сообщение живет в эфире если не в одном выпуске, то уж в течение только одного дня — не более. И вряд ли кому придет в голову, что его придется повторять еще и еще раз спустя много лет. Совсем иначе получилось с сообщениями Советского информбюро военных лет. «Спрос» на них в чтении Юрия Левитана возник очень большой уже вскоре после победы.

Кинематограф, театр, само радио, обращаясь к теме подвига нашего народа, не могли обойтись без такого художественного компонента, как голос Левитана, читающего сводку «В последний час» или очередной приказ Верховного Главнокомандующего... И нередко это была не режиссерская прихоть, а обязательное условие, без соблюдения которого постановка теряла нечто значительное в зрительском восприятии. Ну, скажем, в сезон 1947/48 года инсценировка романа «Молодая гвардия» А. Фадеева шла более чем в пятидесяти драматических театрах страны и каждому нужна была запись голоса Левитана. А ведь эпизод, где персонажи слушают московское радио, был не в одной только «Молодой гвардии».

Выпуски «Последних известий» на пленку не фиксировались — записи, иногда делавшиеся «с эфира» в специальных целях, были и качественно плохи и очень разрознены по содержанию. Возникла потребность в систематизированном звуковом своде подобных материалов.

На первый взгляд ничего трудного: есть текст, жив-

здоров Левитан. Устанавливай перед ним микрофон и пиши.

Но это только на первый — неопытный — взгляд.
Ведь как бывало?

— Около половины двенадцатого прямо из Кремля приезжает подполковник и вручает представителю Радиокomiteта большой пакет с сургучными печатями — передать срочно в 23.30 по всем радиостанциям...

Мне передают пакет, я бегу по коридору, полторы минуты остается до передачи, включаю микрофон и сдержанно:

«Говорит Москва! Приказ...»

Такие вот жизненные обстоятельства нередко сопутствовали выходу в эфир очередной информации о ходе войны. И, между прочим, каждый раз они были своеобразны и неповторимы. Как это все восстановить через несколько лет? А не восстановив психологическую атмосферу работы в студии, невозможно сохранить и документальность, подлинность передачи.

Так что просто сесть к микрофону и, взяв в руки старые газеты или эфирные папки, прочесть тексты было, по мнению Ю. Б. Левитана, «безответственно, если не бессмысленно». Ведь микрофон — пугающе чуткий инструмент и фиксирует любую эмоциональную неточность, любую интонационную, а значит, и смысловую приблизительность.

«Реконструкция в звуке» десятков информационных сообщений военных лет потребовала от Ю. Б. Левитана гигантского напряжения сил и нервов. Они хранятся сейчас в Центральном Государственном архиве звукозаписей СССР, и самые придирчивые эксперты — свидетели и современники — не найдут в них ни натяжки, ни фальши.

Большинство звукозаписей датированы 1967 годом. Это последние «варианты». А начиналась работа в конце 40-х годов, и одним из главных консультантов была Нина Николаевна Литовцева, давний учитель Ю. Б. Левитана.

В отношении Юрия Борисовича к Н. Н. Литовцевой показателен такой случай. Уже много лет спустя после ее смерти Ю. Б. Левитану на одной из творческих встреч был задан вопрос, что он вкладывает в понятие «жизнь — подвиг».

В зале приготовились слушать рассказ о Гагарине, или Покрышкине, или папанинцах — да мало ли героев дове-

лось встречать Ю. Б. Левитану? Во время войны у радио была договоренность с наградным отделом Наркомата обороны: Герои Советского Союза, прибывшие в Москву, чтобы из рук Михаила Ивановича Калинина получить Золотую Звезду, прямо из Кремля направлялись в редакцию передачи «Красноармейский радиочас». Редакторы ее позднее вспоминали, что среди их гостей почти каждый после выступления у микрофона задавал один и тот же вопрос: «Нельзя ли увидеть „самого Левитана“?»

Словом, от Юрия Борисовича не зря ждали историю о подвигах военных.

А он заговорил о Н. Н. Литовцевой. Абсолютному большинству людей, сидевших в зале, это имя вообще не было известно. И Юрий Борисович стал рассказывать о том, как юная, но уже популярная артистка Художественного театра работала связной в большевистском подполье, выполняя самые опасные поручения; как, потеряв возможность двигаться без инвалидной коляски, она сохранила верность профессии и в конце концов вернулась на сцену — педагогом, режиссером, а потом и актрисой; как в дни самых страшных жизненных испытаний она ни на мгновение не теряла сама и не позволяла окружающим ее людям потерять веру в великую миссию художника, несущего своему народу идеалы добра и справедливости.

Юрий Борисович говорил о том, что в его понимании один даже самый замечательный поступок далеко не всегда определяет истинную ценность человека. И что надо всю жизнь прожить «достойно этому поступку», иначе он потеряет свою ценность и свой смысл.

Закончил он так:

— Поэтому я и рассказываю вам об одном из своих учителей, о человеке, у которого я учился не только профессии...

В рассказах Юрия Борисовича об уроках Качалова и Литовцевой, по крайней мере тех, которые мне довелось услышать, почти всегда возникала тема: умение актера или диктора концентрировать свое внимание.

Вот одна из таких историй. Она, в общем-то, хорошо известна профессионалам, описана в дикторских воспоминаниях, но мне хочется привести ее в том виде, как излагал ее Ю. Б. Левитан.

«Февраль 1940 года. Качалову исполнялось шестьдесят пять лет, в студии на Телеграфке готовились к специальному юбилейному концерту, и мы, дикторы,

договорились с Василием Ивановичем, что после передачи он останется с нами в студии на чашку чая. Мы собирались ему сказать, как мы его любим и как благодарны за те внимание и терпение, с которыми он тратит на нас свое драгоценное время. Вела передачу Наталья Александровна Толстова, а я устроился слушать в аппаратной. Честно говоря, меня немного удивило, что Качалов нервничает. Он несколько раз уточнял последовательность номеров, интересовался, не помешает ли прямая передача звукозаписи (рассчитывая на его опыт, передачу концерта в эфир решили совместить с записью на пленку). Мне даже показалось, что против обыкновения его немного раздражало обилие народа, набившегося в студию.

Н. А. Толстова объявила начало и программу: Пушкин, Достоевский, Горький...

Через пятнадцать минут после начала нам стало ясно, что ни о каком застолье после передачи не может быть и речи — произошла накладка, которую в отчетах иначе как чепе не называли. Качалов перед началом попросил на короткое время перед чтением монолога Ивана Карамзова выключить микрофон.

Очевидно, это нужно было ему, чтобы переключить себя в иное настроение или просто чтобы секунду передохнуть.

Микрофон выключили, потом Василию Ивановичу дали сигнал «Внимание», и он начал читать. А микрофон остался выключенным.

В эфире — пауза, тишина. А в студии Василий Иванович Качалов увлеченно исполняет монолог...

Я не помню, сколько это продолжалось, мне лично эти одна-две минуты показались часами. Толстова, бледная, трясущейся рукой остановила Качалова. Он недоуменно посмотрел на нее, переспросил: «Микрофон?» — и начал сначала.

И после передачи, когда мы не без основания ждали бури, он, словно ничего не произошло, принял наше приглашение. Вот только его традиционные слова благодарности «за помощь, которую диктор всегда оказывает артисту у микрофона», на этот раз прозвучали с легкой иронией в голосе.

У меня, правда, возникло ощущение, что эта добродушная ирония пришла потом — от осознания технической «накладки». А в момент передачи он ее не заметил. А

если и заметил, то внутренне, психологически никак на нее не отреагировал.

В этом месте рассказчика кто-то прервал:

— Неужели такое возможно? Вы ведь говорили, как он нервничал...

— Все может быть. Но учтите главное — качаловский уровень творческой дисциплины. Я всю жизнь мечтаю хоть немного к нему приблизиться».

Юрий Борисович говорил о Качалове, а я вспоминал ситуацию, сходную с той, которую он описывал. Шла первомайская передача с Красной площади. Из-за ненастной погоды порядок демонстрации был изменен. Все «заготовки» к репортажу оказались ненужными. Импровизировать было чрезвычайно трудно, потому что новый порядок прохождения колонн через Красную площадь в радиостудии ГУМа не знали, а хронометраж, отработанный на репетициях, с каждой минутой становился все более и более недействительным. Нетрудно представить, какая нервная атмосфера воцарилась в студии. Телевидение тогда еще не было столь глобальным, как сегодня, и мир тогда не столько смотрел, сколько слушал Москву. И вот тут надо сказать, что самообладание больше всего сохранили дикторы. Юрий Борисович взял пачку листов с журналистскими набросками репортажа и протянул их авторам.

— Стойте и смотрите. Когда по транспарантам увидите, кто проходит мимо Мавзолея, передавайте мне нужный листок с текстом. Остальное — наша забота.

Когда вечером в аппаратной, готовя обзорный выпуск «Последних известий», мы прослушивали запись репортажа, то при всем старании не нашли в нем ни одной нелогичной паузы, ни одного ритмического сбоя, хотя Левитан работал «с листа», причем каждый раз не ведая, в какой момент, на какой строке ему придется перейти от рассказа об автомобилестроителях к описанию оформления колонны студентов-медиков, от истории Трехгорки к биографии самой юной чемпионки мира по гимнастике.

Знал ли он себе цену? Понимал ли свои возможности? Он был всегда столь скромен и деликатен, что вопросы эти не покажутся странными.

Ну, конечно, знал и понимал, только никогда не давал почувствовать это окружающим. Лишь какие-то особые

обстоятельства могли заставить его не просто тактично отказаться от передачи, но сделать это, сославшись на собственную репутацию, а вернее — на привычку людей отождествлять его голос с важнейшими событиями нашей жизни. Причем и в этом случае Юрия Борисовича заботило дело, успех передачи прежде всего.

В канун двадцатилетия Победы в литературно-драматической редакции начали готовить программу, посвященную журналистам, не вернувшимся с войны. Сценарий включал в себя как бы три составляющие: через всю передачу проходил обобщенный образ Журналиста, у которого менялось лишь имя. Естественно, эту роль должен был исполнять один актер. Выбрали восходящую тогда «звезду» театра «Современник» Владимира Заманского. Он читал подлинные письма, дневники, отрывки из фронтовых и партизанских корреспонденций, принадлежавших перу репортеров, «в редакцию не вернувшихся». Об этих людях рассказывали их друзья и однополчане — к микрофону поочередно выходили Юрий Жуков, Лев Славин, Константин Симонов, Юрий Корольков, Борис Полевой... А третью сюжетную линию должен был вести Юрий Левитан.

Поначалу казалось, что в сценарии, в режиссерской партитуре будущего документального спектакля все органично и убедительно. Спектакль начинался знаменитой симоновской песенкой военных корреспондентов, потом в воображении слушателя должна была возникнуть прокуренная редакционная комната и человек, диктующий на машинку траурный список, — имена журналистов, погибших при исполнении служебного долга. Этот траурный список шел через весь спектакль, придавая ему некий мемориальный характер. Ни о ком другом, кроме Левитана, на эту роль режиссер и автор и не помышляли.

Юрий Борисович отказался наотрез. Причем аргументировал это столь убедительно, что всем причастным к передаче после разговора с ним оставалось только удивляться — как же это они сами не додумались.

А сказал Левитан следующее:

— Для меня, разумеется, честь — произнести такой список в передаче о людях, каждый из которых вызывает у меня восхищение и преклонение. Но подумайте о слушателе. Сейчас идет очень много передач о войне, где я читаю сводки, приказы. Люди уже привыкли, что как только я появляюсь в эфире — надо ждать чего-то офици-

ально важного. Независимо от своего желания, я неизбежно задам передаче такую интонацию, что актер, который, по вашему замыслу, должен обнажить душу персонажа, вести как бы «внутренний монолог» от имени погибших, должен будет вслед за мной перейти на официально-деловой тон. Непритязательность импровизации, естественность интонаций придут в противоречие с ритмом речи ведущего. Мне кажется, вам нужен ведущий с менее официально-торжественным голосом, чем я. Для пользы дела.

Для пользы дела так и поступили. Вместо Левитана пригласили диктора, склонного к мягкой, бытово окрашенной манере речи. И он отлично справился с задачей.

Надо сказать, что Левитан весьма охотно откликался на приглашения в радиоспектакли и композиции «на роль Юрия Левитана» — читать официальные документы, военные сводки или просто посвящение, авторскую вставку, создающие необходимую атмосферу эфирного рассказа. «Маленьких», «незначительных» работ для него не существовало. Записывая эпиграф к одной из программ «Ленинского университета миллионов», состоящий из двух стихотворных строк, он сделал двадцать один дубль!

Вышел из студии, вытирает лоб платком, улыбается: «Очко! Во всех отношениях! Но все-таки дайте послушать...»

Здесь надо заметить, что после прослушивания автора передачи порой подстерегала неожиданная рекомендация. Впрочем, сначала следовал вопрос:

— У вас и музыка здесь будет? И шумы?

Автор, особенно молодой, утвердительно кивал. (А кто из начинающих журналистов времен юности «Маяка» и молодости «Юности» не стремился поработать с Ю. Б. Левитаном, принимая его уникальную профессиональную дисциплинированность за некую гарантию успеха своей передачи!) Так вот, автор кивал, еще не понимая, чем это ему грозит.

— Понятно,— задумчиво продолжал Юрий Борисович.— И какая? Торжественная, да? Или, напротив, лирическая? По контрасту?..

Передать состояние автора в этот момент словами так же невозможно, как передать интонацию голоса Левитана на листе бумаги. Ни о какой музыке или шумах автор еще всерьез не задумывался. Да и не от Левитана ждал он подобного вопроса. А зря.

Юрий Борисович с поразительной тонкостью чувствовал тот самый миг будущей передачи, когда голос должен войти в контакт с музыкой или документальной звукозаписью. Я лично от него первого на радио услышал: «Музыка способна продолжить голос в эфире и даже заменить его. Иногда это предпочтительнее, потому что тактичнее по отношению к слушателю, к его чувствам».

А если речь заходила о шумах, то в виде особого расположения журналист получал от Юрия Борисовича совет:

— Загляните «в шкаф» к Вернику.

Ох уж этот «шкаф», о котором грезили все без исключения молодые журналисты и режиссеры радио, а если честно — не одни молодые.

Эмиль Григорьевич Верник работал тогда режиссером Главной редакции пропаганды, занимался научно-просветительскими программами и спектаклями «научно-художественного радиотеатра» и был сторонником абсолютной звуковой точности в описании всех сюжетных коллизий и характеров. Не довольствуясь фонотекой Радиокomiteта, он собрал уникальную коллекцию документальных шумовых звукозаписей, где, скажем, «пикирующих самолетов» было около двадцати вариантов, а число звуковых версий «дождя, падающего на крышу» и «капель, падающих с крыши» превышало три десятка. Корреспондент, отправлявшийся в командировку — в Антарктику, в сражающийся Вьетнам или на подмосковную ткацкую фабрику, — в обязательном порядке должен был привезти Вернику «одну-две минутки» новых шумов. Наградой было согласие Э. Г. Верника записать и смонтировать передачу.

Какое отношение это имело к работе диктора Левитана?

Самое прямое. Юрий Борисович был не просто диктором — «работником радиовещания или телевидения, читающим текст перед микрофоном (телекамерой)» (Сов. энциклопедический словарь), но художником слова. А хорошему художнику вовсе не безразлично не только качество красок, но и качество холста, на котором он рисует. Ю. Б. Левитану было совсем не безразлично, в какую интонационно-эмоциональную ткань впишет режиссер его голос. И не случайно именно с режиссером Э. Г. Верником народный артист СССР Ю. Б. Левитан делает свои наиболее «недикторские» литературные за-

писи, начнет подготовку к исполнению у микрофона прозы такого мастера, как Иван Бунин...

Как описать ту безграничную веру и уважение слушателей, которые сопутствуют имени Левитана, то колоссальное влияние, которое он оказывал на людей?

...Осень 1961 года. В актовом зале Московского университета на Ленинских горах первому космонавту планеты вручают медаль Международной авиационной федерации. За кулисами столпотворение, но Гагарин находит время для короткой пресс-конференции.

— Думали ли вы, отправляясь в космос, что совершаете подвиг?

— Нет, не думал. Это была работа. Конечно, почетная, но работа.

— А был ли момент, когда вы осознали значение сделанного вами?

Гагарин задумывается, но только на мгновение.

— Пожалуй, такой момент был. Это когда я узнал, что сообщение о моем полете читает по радио диктор Юрий Левитан...

У поэта Кирсанова есть такое выражение — «души откровенный дневник». Мне кажется, оно точнее других обозначает, что делал у микрофона Юрий Борисович Левитан.

**Юрий Левитан. Документальный радиорассказ к 70-летию со дня рождения. Марк Лагун
Передачу ведет народная артистка СССР
Ольга Высоцкая**

Ведущая. Это очень нелегко — вести передачу о человеке, голос которого знала страна, а лучше сказать — весь мир. Юрий Борисович Левитан... Товарищ, друг... Пятьдесят с лишним лет совместной работы в студии, у микрофона. Еще звучит в памяти его неповторимый голос: «Говорит Москва!», «Говорит Москва...» И я, сидя рядом с ним в студии Всесоюзного радио, чувствовала, как отзывается сердце на эти слова, знала, с каким напряженным вниманием слушают люди мощный, удивительный голос Левитана.

2 октября Юрию Борисовичу исполнилось бы семьдесят. Но его нет уже с нами. И в год сорокалетия нашей великой Победы мы услышим его голос, нерасторжимый с памятью о Великой Отечественной войне, только в записи на пленку.

А пришел он на радио застенчивым пареньком, который поразил даже видавших виды людей своим владимирским выговором. Сам Юрий Борисович вспоминает об этом так:

Левитан (запись). На радио я пришел вскоре после того, как приехал из Владимира. Комсомольская организация направила меня на учебу. «Разве дело только в голосе?—сказали мне.—Нужно образованным быть. У нас ведь такие передачи!» В театральной школе имени Щукина я понял (и педагоги считали так же), что из меня может получиться приличный диктор. Театральное образование понадобилось, чтобы со знанием дела участвовать в таких передачах, как «Пролетарий», «Деревенские вечеринки», в спектаклях, литературно-драматических и политических передачах. Мы читали стихи, участвовали в скетчах, в инсценировках и даже пели. Поэтому актерское образование могло бы мне помочь в становлении профессии, в овладении профессиональным мастерством. Годы учебы были только началом той постоянной работы над собой, над своей профессией, которая продолжалась всю жизнь,—я и теперь учусь у дикторов телевидения, у молодых дикторов радио.

Ведущая. Левитан был человеком высокой культуры. Это ощущали все, кто был рядом с ним,—дикторы, редакторы, корреспонденты. Он был тружеником, для которого не существовало важных и неважных сообщений. Человек, обладавший уникальными природными данными, он был беспощаден к себе. Для него немислимо было прочитать текст кое-как или полагаясь лишь на свой опыт, мастерство. Он, как я помню с самых ранних времен, всегда тщательно готовился к эфиру, репетировал. И вот эта готовность, постоянная мобилизованность позволяли Юрию Борисовичу всегда быть, что называется, в форме, самое ответственное сообщение прочитать так, как этого требовали время и обстоятельства—в нужном духе, настроении. Так, чтобы люди останавливались у репродуктора, приемника. Они знали: если говорит Левитан, надо слушать, и слушать внимательно.

Сам Юрий Борисович был не просто первоклассным

чтоцем, он в совершенстве владел искусством слова, он гордился своей профессией диктора.

Он говорил: я горжусь, что я коммунист, коммунист-диктор, который вместе с моими друзьями рассказывает всему миру о великих успехах нашего советского народа, о деяниях нашей партии, о нашем героическом времени.

Левитан. Я счастлив, что нам, дикторам, выпала большая честь работать у микрофона радио Москвы, города-труженика, столицы нашего Советского государства. Каждый из нас настолько врос своими корнями в замечательное дело радио, что без него не может обходиться. Я считаю, что все мы, дикторы, работаем по-настоящему потому, что этого требует душа и хочется работать, хочется отдавать все силы своей прекрасной творческой профессии, профессии информатора, агитатора, пропагандиста, чтеца и артиста.

Ведущая. Левитана знали как превосходного диктора, чтеца и до войны. Но поистине всенародное признание получило его дарование, его неповторимый голос в годы Великой Отечественной.

Левитан. Когда ранним утром нас, дикторов, вызвали на радио, уже начали раздаваться звонки. Звонили из Минска: «Вражеские самолеты над городом!»; звонили из Каунаса: «Город горит! Почему ничего не передаете по радио?»; звонили из Киева: «Над Киевом вражеские самолеты!» Неужели война? Включил микрофон... Во всех случаях, сколько я помню себя, я волновался только внутренне, стараясь, чтобы волнение не отразилось на сообщении. Но здесь, когда я произнес слова: «Говорит Москва!» — чувствую, что больше говорить не могу, точно комок застрял в горле. Из аппаратной уже спрашивают: «Почему молчите? Продолжайте!» Сжал кулаки и продолжил: «Граждане и гражданки Советского Союза!»

Ведущая. С волнением и надеждой слушали советские люди сводки Информбюро и приказы Верховного Главнокомандующего. Их читал Юрий Левитан.

«Грозный бархат голоса его
Тембром, то печальным, то счастливым,
Доносивший боль и торжество,
Был знаком солдатам и комдивам».

Уже по первым словам «Говорит Москва!» люди узнавали о характере сообщения — будет ли оно радостным или

печальным. В голосе Левитана, в его интонациях всегда звучала абсолютная правда чувств. У микрофона выступал не только прекрасный диктор, выступал гражданин Советского Союза, сердце которого билось в унисон с миллионами сердец его соотечественников.

Левитан. Вы слушаете документальную запись. Она сделана военными корреспондентами радио сорок лет назад, когда под Москвой наша армия перешла в наступление. Я очень хорошо помню это время. Помню, что фашисты боялись голоса Москвы не меньше, чем бомб и снарядов. Гитлер требовал разбомбить, заставить замолчать Московский радиоцентр. Но эта задача оказалась не по зубам фашистским стервятникам. Мы работали без перерыва все 1418 дней войны, работали круглосуточно. И гнев душил и слезы навертывались, когда наши войска отступали. Но в нашем чтении никогда не было ни растерянности, ни паники. В нем угадывались гнев и ненависть к врагу. Люди затаив дыхание вслушивались в голос Москвы. Что принесет им сегодня диктор? Радость или несчастье?

Нельзя было жить, не слушая радио. Оно связывало родных и близких. Голос Москвы вселял надежду, вдохновлял на подвиги, на разгром врага.

Никогда не забудутся те наши радиопередачи, в которых с 6 декабря сорок первого года Московское радио передавало сообщения о разгроме фашистских войск под Москвой.

Когда дикторы читали такого рода передачи... вы знаете, получим текст — и бегом в радиостудию... Всюду народ. На ходу кричим: «Товарищи! Включайте радио! Харьков освободили». Вбегали в радиостудию, прерывали на полуслове любую идущую передачу, читали совершенно вдохновенно, радостно, без просмотра текста. «Наши войска начали наступление южнее Ладожского озера и прорвали блокаду Ленинграда!..», «Разгром противника под Сталинградом!»

Все материалы того уже далекого времени очень памятные и поныне. Помню почти каждую интонацию тех лет и вижу своих слушателей, которые сидят у репродуктора, черного, похожего на большую тарелку...

Никогда не забудется первый салют Родины 5 августа 1943 года, когда наши армии овладели городами Орел и Белгород. Армия шла все дальше на запад, мы читали новые приказы Верховного Главнокомандующего, сводки

Совинформбюро. И вот наступил май сорок пятого года. Тридцатого апреля наши солдаты водрузили Знамя Победы над рейхстагом. 2 мая 1945 года наши войска, сломив сопротивление противника, овладели Берлином.

Помните, как мы все ждали сообщения о конце войны?! Мы прочли десятки, сотни тысяч страниц за годы работы у микрофона. Но вот эти несколько страничек о нашей Победе поистине не забудутся никогда. Вот этот текст: «8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена. Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы! Поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны! В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в двадцать два часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносная Красная Армия и Военно-Морской Флот!»

Ведущая. И в мирные дни тема минувшей войны занимала в творчестве Юрия Левитана видное место. Он принимал участие в фильмах «Великая Отечественная», «Освобождение», «Солдаты свободы», «Вечный зов». Свыше двухсот текстов было озвучено Юрием Левитаном для исторических и военных мемориалов. Ежедневно тысячи экскурсантов, советских людей и гостей из-за рубежа слушают голос Левитана в мемориалах Ульяновска, Волгограда, Бреста, Курска, Севастополя и многих других городов страны. С глубоким уважением к участникам Великой Отечественной войны вел Юрий Левитан на радио передачу «Говорят и пишут ветераны». (Музыкальная заставка к передаче.)

Левитан. Память войны—это и обелиски павшим героям, и отцовские ордена, и фронтовые треугольнички, стершиеся по краям, совсем побелевшие.

«Война. Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.
А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет.
И ставит, ставитobeliski».

Прекрасные эти стихи написаны Константином Симоновым — стихи о нашей памяти, об обелисках, к которым мы приходим в День Победы. «А у нас, североморцев,— пишет Вл. Жуков,— свой обычай. Ежегодно в необычные рейсы отходят из Мурманского порта суда. Их путь лежит к священным координатам, известным всем морякам,— туда, где в Баренцевом море героически сражались и погибли, не спустив флага, сторожевые корабли «Пассат», «Туман», теплоход «Пролетарий». Письмо товарища Жукова мы переслали нашему мурманскому корреспонденту и попросили его вместе с моряками сходить в этот необычный рейс.

Ведущая. Юрий Левитан получал много писем. Ему писали люди всех возрастов и разных профессий со всех концов страны. Юрий Борисович выезжал в различные города страны, на фабрики и заводы, в воинские части для встречи с молодыми рабочими и воинами Советской Армии. У него были тысячи преданных друзей, почитателей удивительного таланта Юрия Левитана. Вот Мария Ивановна Виноградова, Герой Социалистического Труда, одна из зачинательниц стахановского движения. Когда узнала, что готовится передача о Левитане, сразу же приехала в наш радиодом.

Виноградова. Не могу говорить о Левитане без слез... Ведь я была с ним знакома. Часто бывала на Пятницкой, в Радиокomitee. Как-то так совпадало, что мы встречались, готовясь к передачам. Всегда он шутил, рассказывал интересно. А потом мы были с ним в Минске, на встрече участников похода по местам боевой и трудовой славы. Помню, как один товарищ сказал Юрию Борисовичу: ведь я вашего отца знал, он всю войну по радио выступал. Какой у него голос замечательный! Уж мы от души посмеялись. А Юрий Борисович поблагодарил его и, улыбаясь, поправил: не мой отец, говорит, выступал, а я.

В честь нашей давней дружбы попросила я Юрия Борисовича подарить что-нибудь на память. Да, говорит, Мария Ивановна, сколько передач мы уже сделали с вами! Подарил он мне свою фотографию и написал на обороте: «Я вам желаю, чтобы ваш голос всегда звучал в эфире». И вот я ее храню.

Голос Левитана по радио—это вся наша история. Во время войны вставали и ложились спать под звуки радио. Все радости и печали шли через него.

Это знают не только люди старшего поколения, но и молодые.

Ведущая. Генерал-лейтенант Федор Яковлевич Лисицын, кавалер двадцати пяти отечественных и зарубежных наград, член Советского комитета ветеранов войны, тоже был добрым другом Юрия Борисовича. Уж кто-кто, а он помнит, что значил для солдат голос Левитана.

Лисицын. В сорок втором году—тяжелое это было время на фронтах—Центральный Комитет принял решение об усилении агитации, о том, чтобы партийное, большевистское слово доходило до сердца солдата. На фронте нужны были пламенные агитаторы и пропагандисты. К таким пламенным агитаторам и пропагандистам, слова которых доходят до сердца, до сознания, относится и Юрий Борисович Левитан. Мне в годы Великой Отечественной войны довелось пройти по многим фронтовым дорогам в качестве начальника политотдела сначала Первой ударной армии, а затем—Третьей ударной от Москвы до Берлина. До рейхстага. До полной победы. Я говорю сейчас о своем пути, но это путь многих наших солдат. И его вместе с нами прошел Юрий Борисович Левитан. И теперь, уже после войны, Левитан считал делом чести принять участие во встречах ветеранов Первой и Третьей ударных армий. Я помню, в ЦДРИ была встреча ветеранов с работниками искусств, Левитана попросили выступить, и я представил его как ветерана наших армий и вручил ему памятный знак этих армий. Поднялась буря аплодисментов.

Его любили не только фронтовики—все советские люди, он останется в сердце каждого советского человека.

Ведущая. Символично, что и свой последний час 4 августа 1983 года Юрий Левитан встретил как боец, солдат на опаленной войной Белгородской земле, куда выехал для встречи с ветеранами войны по случаю сорокалетия первого салюта.

Этой знаменательной дате посвящена и последняя запись Юрия Левитана на радио.

Более полувека Юрию Борисовичу Левитану заслуженно сопутствовали почет и слава. Успехи в труде Юрия Левитана, его активное участие в общественной жизни получили высокое признание в народе, они достойно оценены партией и правительством. Он был награжден тремя орденами, ему было присвоено высшее в искусстве почетное звание — народный артист Советского Союза. Свидетельством признания заслуг Юрия Борисовича Левитана, выдающегося мастера слова, патриота, коммуниста, гражданина, является и то, что именем его назван теплоход, который ныне бороздит морские просторы. Пеняется за его кормой, плещутся о борт холодные морские волны, а в ярких лучах солнца сверкает серебряной белизной известное миллионам людей имя «ЮРИЙ ЛЕВИТАН».

«И когда сегодняшний эфир
Старую воспроизводит запись,
Как и прежде потрясает мир
Времени нестершаяся память.
Голос незабытого чтеца
Воскресает, радуя, волнуя,
Словно слышишь песню фронтовую
Или строфы «книги про бойца».

Вновь доносятся издалика
Молодости гулкие раскаты,
Со щеки слезу исподтишка
Смахивают бывшие солдаты».

(Музыка.)

Передачу подготовил Марк Лагун

11. 11. 1957

12. 12. 1957

13.

14.

ЮРИЙ ЛЕВИТАН:
НЕСКОЛЬКО
ПАМЯТНЫХ МНЕ
МГНОВЕНИЙ

Приказы Победы

«Внимание, внимание! Говорит Москва. Говорит Москва»... Такие волнующие и такие привычные слова!.. Моим коллегам и мне доводилось читать по радио много документов, вошедших памятным веками в историю нашей страны. Какое волнение и радость доставляли всем нам сообщения о трудовых подвигах шахтера Алексея Стаханова, трактористки Паши Ангилиной, текстильщицы Дуся Виноградовой, о полетах Валерия Чкалова, об исторической эпопее челюскинцев!..

Но по-разному звучал голос Москвы. В нем слышалась не только радость трудовых побед и созидания. Суровы и сдержанны были тревожные сообщения о боях с фашистами в Испании, о варварских бомбардировках мирных городов и селений. Фашистская свастика черной тенью нависла над Европой.

О предательском нападении гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года мы, дикторы, как и другие сотрудники Всесоюзного радиокомитета, узнали в Москве одними из первых. От корреспондентов радио пришли сообщения о том, что фашисты бомбят наши города, что вражеские полчища нарушили наши границы.

В этот день мы прибыли в Радиокомитет необычно рано. Трудно передать все чувства, овладевшие мною тогда. Одно помню: боль и гнев переполняли сердце. И вот я получил документ, который надо прочитать по радио: «Сегодня в двенадцать часов будет передано важное правительственное заявление».

Мне довелось в течение дня несколько раз читать заявление Советского правительства о нападении фашистов на нашу страну. Читать такой документ было необычайно трудно. Душили гнев и ненависть к врагу, волнение за судьбу Родины, горечь сжимала сердце. Включил микрофон. «Говорит Москва...». Чувствую, что не могу продолжать. Пауза... Зажглось световое табло: «Почему молчите?..» Взял себя в руки. Читаю: «Заявление Советского правительства...» И по мере чтения росло чувство уверенности в том, что победа придет, преступления гитлеровцев не останутся безнаказанными — фашисты ответят за все. С таким настроением и было прочитано это заявление.

Несколько позже стали поступать сводки Совинформбюро, сообщения о тяжелых боях, о вынужденных отступлениях наших войск. После упорных боев наши войска оставили...

Иной раз лежат перед микрофоном на дикторском столике такие документы, пора уже начинать передачу, но трудно начать: а вдруг дрогнет голос. Этого нельзя было допустить. Ведь миллионы людей ловили каждое слово советского радио, сообщения «Последних известий», «В последний час» и даже по интонации голоса диктора, читающего эти передачи, могли судить о положении на фронтах. Мы произносили слова «Говорит Москва» уверенно, сдержанно.

Мы знали: голос Москвы помогает нашему народу трудиться, бороться во имя грядущей победы, выстоять и победить. Голос Москвы слушали в окопах и блиндажах, он проникал в землянки партизан и далеко за наши рубежи — к бойцам Сопротивления разных стран. Голос Москвы находил отражение во множестве газет и листовок, распространявшихся во всех уголках земли. Он нес людям планеты правду о нашей героической стране, армии, ее боевых успехах. Правдивым, атакующим словом документы Совинформбюро били по врагу, разоблачали перед всем миром преступления и ложь гитлеровцев.

Мы в своих передачах старались рассказать всему миру о негибаемой воле советских людей к победе, их верности Родине, партии Ленина.

Наш народ помнит и никогда не забудет самоотверженную работу дикторов советского радио. Дикторы последними покидали оставляемые нашими войсками города, призывая к истреблению фашистского отребья, под бомбами и артобстрелом читали фронтовые сводки.

Весь мир слушал голоса Ольги Высоцкой, Натальи Толстовой, Валентины Соловьевой, Анастасии Головиной, Елизаветы Отъясовой, Евгении Гольдиной, Клавдии Чаусской, Зои Викторовой, Марии Тиуновой, Ольги Фриденсон, Веры Нелиной, Елизаветы Емельяновой, Аллы Макаренко, Михаила Лебедева, Владимира Герцика, Николая Дубравина, Эммануила Тобиаша, Александра Степанова, Павла Петрова, Виктора Чижова, Всеволода Шевцова, Бориса Рябикина.

Да, звучащая в передачах московского радио вера в победу была беспредельной. Раз Москва говорит —

значит, она стоит, борется, готовит ответные удары по врагу. Как-то мне довелось беседовать с человеком, воевавшим в крупном партизанском соединении. Он рассказал, что для партизан слушать позывные Москвы было особенно важно. Ведь гитлеровцы наполняли эфир своими фальшивками. Как их фабриковали? Записывали на пленку московские сообщения, выбрасывали из них цифры потерь немецких войск и монтировали пленку таким образом, чтобы оставались лишь известия о сдаче тех или иных городов. Эти выхолощенные сведения фашистские радиостанции снабжали собственными комментариями: мол, Красная Армия разбита, Москва окружена и сопротивление бесполезно. Эти фальшивки появлялись потом в издаваемых гитлеровцами газетах и листовках на русском языке. Таким образом враг пытался посеять сомнения, неуверенность, ослабить волю к борьбе.

Вот почему, находясь в глубоком тылу врага, партизаны чутко прислушивались к голосу Москвы. Сообщения, принятые по радио, публиковались в партизанских газетах и передавались из уст в уста, разоблачая ложь фашистской пропаганды. Они активизировали действия партизан, вливали в борьбу народов новые силы. Тем более что у микрофона часто выступали видные военачальники и государственные деятели. Москва рассказывала по радио и о беспримерных подвигах Николая Гастелло, Зои Космодемьянской, Елизаветы Чайкиной, Александра Матросова и других героев.

Наши радиожурналисты шли в бой вместе с солдатами. Невозможно забыть героические радиорепортажи с передовых позиций, из осажденных городов, партизанских отрядов. Все эти передачи звали на беспощадную борьбу с врагом, вдохновляли советских людей на новые подвиги.

Поэтому-то фашисты боялись «голоса Москвы» не меньше, чем бомб и снарядов. Поэтому-то Гитлер требовал: Московское радио надо заставить замолчать, разбомбить Московский радиодом!

За время войны воздушная тревога в Москве объявлялась много раз. Но только однажды налет воздушных пиратов прервал на короткий срок наши передачи. Произошло это вечером, в конце июля 1941 года. Внезапно раздался режущий свист, зазвенели стекла, погас свет. Оказалось, что на Радиокomiteeт сбросили с самолета авиабомбу весом в полтонны. Но гитлеровцам не повезло:

она угодила в канализационный люк в центре двора и не взорвалась. Бомба лишь порвала провода, а воздушная волна от нее высадила стекла. Через короткое время радиопередачи возобновились. Правда, дикторский текст освещали сперва лучиком карманного фонарика. Гитлеровцы в тот же вечер объявили, что большевистский радиоцентр якобы разрушен. Это была их очередная ложь!

Радио в те годы работало круглосуточно, с огромным напряжением. Его сотрудники не считались со временем. Буквально сутками не отходили от микрофона дикторы Москвы, забывая об отдыхе и сне, отдавая все силы, все сердце общему великому делу — разгрому фашистских полчищ. Героически трудились наши коллеги в осажденных городах — Севастополе, Одессе... Когда наши войска оставляли города, они последними покидали студию. Разве можно забыть подвиг дикторов блокированного Ленинграда, которые выходили на свой подлинно боевой пост и из ледяной студии несли бойцам, балтийским морякам и всем ленинградцам непоколебимую веру в победу!

И вот настало наконец время, когда каждый день мы с радостью сообщали о наших боевых успехах на всем громадном фронте от Заполярья до Черного моря, о разгроме гитлеровцев под Москвой и Сталинградом, о неудержимом наступательном порыве советских войск. Надо ли говорить, с каким душевным подъемом читались эти волнующие строки!

И наконец, первый приказ: столица будет салютовать нашим доблестным войскам артиллерийскими залпами. Такое сообщение имело свою предысторию. Традиция салютовать нашим победным войскам орудийными залпами родилась давно — еще при Петре I. Впервые орудийный салют прогремел в Петербурге в честь войск, одержавших блистательную победу под Полтавой. Затем столица салютовала русским войскам, овладевшим Выборгом, а еще через несколько лет — в честь моряков, одержавших победу у Гангута над шведскими эскадрами. Воскрешение этой традиции стало яркой вехой в истории Великой Отечественной войны.

В тот памятный день, 5 августа 1943 года, я, как обычно, пришел в радиостудию заранее, чтобы заблаговременно ознакомиться с передачами. Но вот подошло время передачи, а сводки Совинформбюро все нет и нет.

Мы волнуемся, ждем. Строим разные догадки, предположения. К нам в студию начинают звонить из разных учреждений, приходят журналисты...

Наконец звонок из Кремля: «Сводки сегодня не будет. Готовьтесь к чтению документа». Но какого?

Часовая стрелка уже подходила к 11 часам вечера, когда нам объявили: «Сообщите, что между 11 и 11.30 будет передано важное правительственное сообщение». Каждые пять минут мы повторяли в очень сдержанных тонах эту фразу. Время между тем шло и шло... И вот прибегает офицер с большим запечатанным конвертом. Вручает его председателю Радиокomiteта. На пакете — надпись: «Передать по радио в 23.30». А времени уже, можно сказать, нет. Бегу по коридору, на ходу разрываю пакет. В студии вспыхивает табло: «Все готово!» Включаю микрофон и привычно, почти машинально произношу: «Говорит Москва». А сам торопливо пробегаю текст: «Приказ Верховного Главнокомандующего...»

Что такое? Что-то совсем необычное!

Читаю и нарочно растягиваю слова, чтобы забежать глазами в следующие строки, узнать...

И вдруг понимаю — большая победа: Орел и Белгород освобождены! И такая охватила радость! Зарябило в глазах, пересохло горло.

Торопливо глотнул воды. Рывком расстегнул воротник.

Все охватившие меня чувства я вложил в заключительные строчки:

«Сегодня, 5 августа, в 24 часа, столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, 12-ю артиллерийскими залпами из 124-х орудий...»

Потом на радио стали приходиться письма с фронта: «Товарищи дикторы, берегите голос! Работы вам прибавится — мы идем вперед!» И они шли вперед, наши доблестные войска. И поступали все новые и новые приказы о салютах в их честь.

«С каким волнением в годы огневые

Мы слушали победные слова,

Когда в эфире вслед за позывными

Звучало гордо: «Говорит Москва!»

Первые приказы Верховного Главнокомандующего читались один раз, затем следовал салют. Но один случай резко изменил этот распорядок. А произошло вот что.

Читаю очередной приказ. Вдруг скрипнула дверь и вошел председатель Радиокomiteта. Неужели, думаю, я что-то перепутал? Продолжаю читать. Закончил. Выключил микрофон. Председатель заявляет: «Читайте все сначала. Конева забыли указать. Салют задержим. Читайте второй раз, обо всем договорились».

Начал снова читать приказ: «Командующему 1-м Украинским фронтом... Коневу...»

Только потом мы узнали подробности. Генерал армии С. Штеменко, составлявший тогда эти приказы, вспоминал:

— Однажды позвонил Конев и доложил об освобождении крупного пункта. Дано распоряжение произвести салют. Я доложил, что в 23.00 салют будет. «Послушаем»,— сказал Сталин и включил неказистый круглый динамик на своем столе. «Командующему 1-м Украинским фронтом... Наши войска...». В этот миг Сталин строго посмотрел на меня: «Почему диктор пропустил фамилию командующего? Дайте мне текст».

В тексте фамилия Конева отсутствовала. Сталин страшно рассердился: «Что за безымянный приказ! Остановить передачу и прочесть все заново...»

После звонка на радио ошибка была исправлена. Правда, на следующий день меня останавливали и спрашивали:

— Неужели вы не заметили, что вчера одно и то же читали дважды? Я, конечно, отшучивался.

А на следующий день — снова победа, прислан очередной приказ. Рукой Верховного Главнокомандующего на приказе написано: «С этого дня каждый приказ читать не один, а два раза подряд». А через несколько дней — поток писем: «Спасибо, что читаете приказы два раза. Хотелось давно обратиться с этой просьбой, а вы сами догадались. Молодцы!»

Наступление советских войск было настолько стремительным, что иногда Генеральный штаб не успевал печатать приказы. Бывало так, что нам привозили их по частям.

За пять минут до передачи следовало объявление о важном сообщении. Как всегда в таких случаях, произношу торжественно:

— Говорит Москва! Товарищи, через несколько минут будет передано важное сообщение.— Вдруг зажглась лампочка дикторского телефона, я взял трубку и услышал

голос председателя Радиокomiteта: «Приказ будет позже». Что делать? Через паузу, в той же тональности произнес: «Слушайте концерт из произведений советских композиторов».

Потом было много нареканий от коллег, от слушателей: неужели концерт не можете объявить помягче, потише? Это же не приказ, а то гаркнул — все к репродукторам!

Нас не покидала одна мысль, одна мечта — когда же наконец доведется читать приказ о полной победе над гитлеровской Германией? И эта мечта сбылась... 9 мая 1945 года мне выпало счастье прочесть Акт о безоговорочной капитуляции Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. А диктор Ольга Высоцкая читала материалы о подробностях подписания Акта. Потом мы видели, как во всех окнах домов вспыхнул свет, на улицах — толпы... Сообщение повторялось всю ночь. И весь день. Но хотелось читать его снова и снова, так, чтобы с каждым разом все радостней звучала наша Победа.

А вечером 9 мая нас, группу работников радио, вызвали в Кремль. В оборудованной там небольшой радиостудии выступил И. В. Сталин с обращением к народу. Нам же вручили исторический приказ о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте 30 залпами из 1000 орудий. Прочесть его надлежало через 35 минут.

Радиостудия, откуда велись тогда такие передачи, была расположена неподалеку от Кремля, за зданием ГУМа. Чтобы попасть туда, нужно было пересечь Красную площадь. Мы вышли из Кремля, миновали арку Спасских ворот. Но что такое? Перед нами — море людское. Народу столько — яблоку негде упасть. Взяли с боем при помощи милиции и солдат метров пять, а дальше — ну никак. А минуты все бегут и бегут!

— Товарищи, — кричу, — пропустите, мы по делу, пропустите! — А нам отвечают: — Да какие там дела! Сейчас по радио приказ о победе передадут, салют будет. Стойте, как все, смотрите и слушайте!

Хороший совет. Не дай бог, еще минута — и попадем в окружение. Решаем — обратно в Кремль, в его небольшую радиостудию. Комендант дал нам сопровождающего, приказал всем постам пропустить троих бегущих по Кремлю людей без всякой задержки...

И в 21 час 50 минут мир услышал: «Говорит Москва! Фашистская Германия разгромлена... В ознаменование этой исторической победы сегодня, в 22 часа, произвести салют...»

Радость, необъятная, невместимая в одном человеческом сердце! Ведь мне выпала большая честь — сказать первые слова, первое «здравствуй!» наступившему миру. Миру, за который пролилось столько крови... Мы все помнили. Сумрачный сорок первый, те сводки Совинформбюро: «Советские войска оставили город...» И вот — Победа! Пришло это долгожданное слово. Слова приказа восторженным эхом отзывались в сердцах миллионов. Это был самый необыкновенный, самый незабываемый день.

Война в далеком прошлом. Но великий подвиг советского народа будет жить в веках. Повсюду в стране активно работают Советы ветеранов. В назначенный день съезжаются воины отдельных родов войск, а на радио приходят письма ветеранов, добрые, искренние воспоминания о том, что пережили на войне, как шли к победе. И есть прямая связь между передачами более чем тридцатилетней давности — «Письма с фронта» и «Письма на фронт» — и этими сегодняшними письмами, которые объединяются в передачу «Пишут ветераны».

В декабре 1978 года прозвучал в эфире первый выпуск этой передачи. Мне выпала честь быть ее постоянным ведущим. И скажу, что письма тех, кто освобождал Орел и Белгород, оборонял Москву, Сталинград, Новороссийск, брал Берлин, живо напоминают мне работу у микрофона в годы войны. Разбирая эти бесценные реликвии, я будто возвращаюсь в те годы, вновь переживаю пережитое и очень волнуюсь — такие судьбы, такие удивительные события раскрываются в этих письмах.

Присылают ветераны треугольники-конверты военных лет, фронтовые газеты, дневниковые записи, фотографии, стихи и даже ноты. Пишут о фронтовом братстве, о дружбе, спаянной одним окопом, одной краюхой хлеба; называют имена героев, неизвестных до сих пор, скромных тружеников войны, достойных великого уважения и признательности потомков; приходят письма и от юных следопытов, прекрасных мальчишек и девчонок, от ком-

сомольцев — трогательные весточки благодарного поколения. Самобытные, неповторимые строчки!

Смотрю на эти письма, читаю обратные адреса и невольно прихожу к мысли: вся наша страна, все ее бескрайние просторы — на этих конвертах. Ветераны былых сражений и сегодня плодотворно работают, они и сегодня — на передовой идейного и нравственного воспитания молодого поколения. Они передают молодежи важнейшие принципы нашего социалистического общества — великую преданность Родине, стойкость и мужество, закаленные в суровые дни военной поры.

О нашей профессии

Я начал работать диктором на радио в 1931 году.

В то время затрачивался невероятный труд на то, чтобы добиться нужного, качественного звучания при несовершенной технике. Дикторов то подводили вплотную к микрофону, заставляя читать шепотом, то просили отойти в сторону на несколько шагов и говорить возможно громче; мы читали стоя, сидя, полуотвернувшись...

Первые дикторы... Всегда их вспоминаешь с чувством признательности и благодарности. Первопроходцы, основатели нашей профессии — А. И. Сковронский, А. И. Гурин, О. Н. Абдулов, А. Н. Степанов, М. М. Лебедев, З. Н. Ремезова, Н. А. Толстова, Е. Я. Отысова, Е. И. Гольдина...

В начале 30-х годов дикторская профессия только создавалась, и никто толком не знал, что такое диктор: актер ли, пропагандист, агитатор, информатор. Одни говорили: читайте безучастно, вы же читаете не собственные тексты. С ними спорили: нет, диктор — это актер; он должен «раскрашивать» текст, чтобы заинтересовать радиослушателя, создавать какие-то образы. А третьи говорили: диктор — гражданин своей страны, которого волнуют все происходящие в ней и в мире события, он должен быть причастным к свершениям, мыслям и мечтам своего народа.

Но в целом дикторская функция понималась тогда несколько шире. Не редкостью были передачи, в которые входили кроме политических материалов и какие-то зарисовки, памфлеты, лирические стихи и даже частушки или куплеты на злобу дня. Наши дикторы А. Степа-

нов и О. Абдулов пели их, и пели замечательно... и под гармошку, и под рояль, а то и под небольшой студийный оркестр, обслуживавший несколько программ. Согласно графику, музыканты с инструментами переходили из студии в студию. Бывало, нужно вступить оркестру, махнешь рукой, а музыки-то и нет. Оглянулся — никого. Приходилось выкручиваться из сложного положения — несколько слов из песенки проговаривали, что-то пели.

Существовали у нас и студии, специально предназначенные для проведения концертов грамзаписи. Одно время был и штат «граммофонщиков», которые после дикторского объявления запускали пластинки, но затем стали это делать («по совместительству») и мы.

У нас была штатная литературная группа артистов, привлекали к ее работе и дикторов. Наше, старшее, поколение дикторов выросло на литературных передачах, на художественном материале: я, например, читал по радио «Медного всадника», стихи Маяковского. И в то же время меня в 1932 году Александр Жаров и Сергей Третьяков, поэт и журналист, которым поручили вести передачу с открытия Днепровской гидроэлектростанции, пригласили с собой специально для того, чтобы я начал передачу словами: «Говорит Днепрогэс!» — и объявил по радио выступления М. И. Калинина, Г. К. Орджоникидзе. Именно тогда я — может быть, впервые — до глубины души осознал, что каждое включение микрофона — это колоссальная ответственность

На долю нашего поколения дикторов выпало счастье читать о штурме стратосферы, героической эпопее челюскинцев, мировом рекорде Стаханова, баррикадах Мадрида. А невиданный перелет Чкалова через Северный полюс в Америку?!

Задача диктора — донести до слушателя суть материала, его идею как можно ярче, заострить внимание на главной мысли, на интересных деталях. Нужно уметь выделять второстепенные слова, но и они должны не потеряться, войти в сознание слушателя. Важно научиться быстро переключать внимание с одного сообщения на другое, меняя ритм, темп, мелодику, отношение к сообщаемому. И все это сдержанно, где нужно — эмоционально, иногда — эскизно, но без театральности, тактично. И всегда — с уверенностью, что ты не сторонний наблюдатель, что ты помогаешь людям выращивать хлеб, растить детей, духовно их обогащаешь.

Понять это, согласиться с этим — просто. А вот добиться соответствия этим высоким требованиям...

Я давно заметил, что ошибки проскальзывают чаще всего в будничных, «непрестижных» текстах. И, как правило, делают их опытные работники, с излишней самоуверенностью относящиеся к таким передачам. Это не случайно: на простых материалах собранность, волевой напор несколько ослабевают и тут-то становится виден уровень специфической, профессиональной тренированности.

Недавно я послушал одного из своих коллег, читавшего очередные выпуски «Маяка»: «Атмосферное давление 717,— звучит в эфире,— извините, 727 миллиметров». И тут же: «В Москве дождь...» (интонационная точка) и после паузы — «...маловероятен». Потом диктор оправдывался: «Но ведь в тексте стояла запятая — ошиблась машинистка!»

В цепочке работающих над текстом сотрудников вещания мы, дикторы, инстанция последняя — мы воплощаем текст в звучании. И если бы коллега прочел заметку предварительно, нет сомнения, что зачеркнул бы он неуместную запятую. Кстати, на этой не разряженной вовремя «мине» подорвался и следующий диктор, которому надо было повторить прогноз погоды.

Подготовка и актера и диктора начинается с обязательного речевого тренажа. У каждого свой метод, но для всех полезна артикуляционная гимнастика — надо расслабить мышцы, восстановить их подвижность. Для этого существуют специальные системы упражнений, о них надо постоянно помнить.

В круг вопросов, связанных с подготовкой к работе у микрофона, входит как очень важный вопрос о физическом состоянии. Забот у каждого, конечно, бывает много. Но нужно постараться перед работой не слишком утомляться. Иначе неизбежны последующая усталость голоса, жесткость тембра, равнодушие к произносимому тексту.

Но, конечно, главное — знание того, чем наполнена сегодня жизнь страны, чем озабочен мир, какие происходят события, как они комментируются, какие опубликованы постановления, новые данные, какие поставлены рекорды... Словом, надо быть осведомленным человеком, следить за событиями — ведь о многих из них диктор будет читать сегодня у микрофона. Поэтому внимание диктора должно сосредоточиваться на новых, ранее не

звучавших в политическом обиходе именах государственных и общественных деятелей, названиях местностей, незнакомых терминах: как их читать, каково правильное ударение? Лучше поинтересоваться этим заранее.

Слушатель должен чувствовать отношение диктора к материалу. Подлинная эмоция, необходимая тональность зависят от того, как понят текст, насколько глубоко его осознание. Здесь начинается путь к живому рассказу, беседе с их разнообразием речевого рисунка и красок звуковой палитры.

Как много общего в творческой работе актера и диктора! Ведь наши замечательные артисты—чтецы, такие, как Качалов, Балашов, Аксенов, читали по радио публицистику, газетные материалы. А мы—художественную прозу, стихи, участвовали в концертах, в творческих встречах. Качалов, Балашов, Яхонтов, Аксенов, Журавлев постоянно помогали нам в нашей работе. Иногда они собирали нас группами и обсуждали какую-нибудь недавнюю литературную передачу в исполнении того или иного диктора. Работал у нас диктором, будучи одновременно актером, и Ростислав Янович Плятт. И я хорошо помню, как мы вместе с ним проходили дикторский конкурс в 31-м году.

Тогда были микрофоны, непривычные для современного глаза: и четырехугольные и имеющие форму срезанного бочонка. Были микрофоны у нас и угольные. В них нужно было читать только направленно. Чуть повернешься в сторону—ничего не слышно... Записи на пленку, как я уже говорил, в ту пору практически не было. Это создавало свои трудности. Радиослушатели хотели услышать, придя с работы, известных артистов, а те, естественно, были заняты в эти часы в различных спектаклях. Им почти невозможно было выбраться вечером к нам на радио, но все же они как-то ухитрялись приезжать: перед началом спектакля и даже в антрактах. И вот представляете: на оживленной улице Горького, у дома номер семь, выскакивают из машин то Иван Грозный, то старец Риголетто, то Егор Булычов и игуменья Меланья и бегут, как молодые, навверх, в студию...

Но вернемся к нашей основной теме—подготовке диктора к чтению у микрофона. Если для работы над текстом осталось очень мало времени, я обязательно просматриваю первую заметку и хотя бы еще один материал. Вторую и третью заметки я только перелистываю.

ваю, так как уверен, что успею ознакомиться с ними во время чтения моего коллеги.

Хорошо, если есть возможность заранее просмотреть и материал товарища, вместе с ним уточнить «блоки» информации: несколько заметок на сельскохозяйственные темы; затем — новости строительства; сообщения из стран социализма, другая международная информация. После материалов, находящихся внутри блоков, не следует при чтении ставить определенную «голосовую точку». Здесь интонационно нужны или точка с запятой, или многоточие: после них другому диктору легче, сделав небольшую паузу, продолжить твой рассказ. Тогда и вступать ему можно будет мягче, не на форсированном звуке, не «давя» энергией своего голоса завершающую фразу предыдущей заметки, а подхватывая последние слова партнера. Некоторые из коллег, демонстрируя свои голосовые данные, так порой «наступают», что зачеркивают смысл только что произнесенного другим диктором.

Вот один пример. Заканчивается блок спортивной информации: «Наши баскетболистки одержали убедительную победу со счетом 86 : 57». И вдруг резко, без всякой паузы: «О погоде»... Или, скажем, отзвучала сводка погоды и сразу же на форсированном звуке: «...восемнадцать градусов тепла мы передавали «Последние известия»... Некоторые партнеры в пылу работы забывают об элементарном такте: пытаются занять главенствующее положение у микрофона (даже отодвигая порой от него легонько коллегу). А ведь цель у маленького коллектива из двух человек общая — добиться ровного звучания дуэта. Поэтому каждой паре дикторов стоило бы раз и навсегда определить наилучшую позицию у микрофона и придерживаться ее постоянно. Нужно учесть, что женские голоса, особенно высокие, проходят по радиоканалам лучше, звучнее. Частенько звукооператору приходится долго манипулировать микшерами, чтобы получить ровное звучание, и нашей уважаемой женской половине дикторского коллектива необходимо об этом помнить. И, конечно, очень трудно работать, когда один диктор старается разговаривать с аудиторией, а его (или ее) партнер явно все читает. Такая разностильность мешает слушателю. Поэтому очень важно, чтобы один диктор получал импульс, настрой именно на рассказ, а не на чтение, а другой в свою очередь поддерживал, подхватывал этот импульс и как бы возвращал его товарищу...

Может показаться, что я обращаю внимание на какие-то незначительные, почти неуловимые частности. Но при общении с миллионами слушателей частности и мелочей вообще на бывает.

Например, всегда ли удачно мы ведем концерты? Очевидно, что надо стараться, чтобы объявления не очень расходились по тональности звучания с характером исполняемых произведений, и по возможности разнообразить их текст. (Порой половина объявлений начинается словами «Предлагаем вашему вниманию...».) Ведь задача нашего конферанса — не только проинформировать, но и тактично привлечь внимание своим доброжелательным тоном (конечно, не «играя» его, не манерничая) к произведению, как бы приглашая: «Давайте вместе слушаем!»

Случается, что лирические номера объявляют элегично, а то и просто мрачно. И в то же время с задумчивыми интонациями — симфоническую, серьезную музыку. А ведь аксиома всей нашей работы — постоянно учитывать характер передачи и помнить, что каждое произнесенное по радио слово должно быть обдуманным.

Когда-то наш педагог М. М. Лебедев, замечательный мастер, основатель нашей профессии, просил нас рассказывать или ему, или воображаемому слушателю содержание материала, с которым только что на короткое время он дал нам ознакомиться: «Что хотел сказать автор? Закрой, закрой текст, не подсматривай... В чем здесь основная мысль?»

Смысл этого простого на первый взгляд упражнения вовсе не прост — благодаря ему диктор учится улавливать квинтэссенцию материала, то, что должен запомнить слушатель.

А знание предмета ведет к легкости чтения, четкому выполнению своей задачи.

...Вспоминаю, читал как-то О. Н. Абдулов научно-популярную и, помнится, очень скучную статью. Вдруг две последние страницы неожиданно скользнули у него под пальцами и оказались на полу, довольно далеко от дикторского столика. Как быть? Неужели вставать, ходить по студии, собирая листки? Об этом и речи быть не могло — такая пауза в эфире, да и прихрамывал сильно Осип Наумович. А из аппаратной уже стучат в стекло, отделившее технику от дикторской, жестами показывают: «Продолжайте!» Положение просто критическое!

Но к этой передаче Абдулов готовился, как обычно, то есть углубленно проработал все ее содержание, по-настоящему усвоил его. Поэтому он, всем нам на удивление, без текста дочитал материал до конца. Из студии, правда, вышел в состоянии довольно подавленном: ждал, что будет ему нагоняй за отступление от текста. Строгий редактор, однако, оценил изобретательность Осипа Наумовича: «Ну что же, товарищ Абдулов,— произнес он.— Конечно, статья тяжеловата. Скудно написана. Но зато в конце автор проявил блестящий юмор, изящество мысли, и концовка у вас прозвучала великолепно!» Вот как порой может выручить диктора труд, затраченный им на подготовку к передаче.

Судьба диктора—читать разнообразные материалы. Конечно, у каждого есть темы более близкие для него, которые ему больше удаются, нежели другие. И когда я поступил на радио, то мне очень хотелось быть диктором художественного плана. Радиослушатели старшего поколения, наверное, еще помнят, как мы, дикторы, вели пояснения к оперным спектаклям из Большого театра. Это были тексты, написанные в художественной манере, часто со стихами. Я, например, был «прикреплен» к шести операм. Пояснения я знал наизусть, а текста было восемнадцать страниц. Я приходил заранее в театр (там у нас была ложа), уточнял список исполнителей—нет ли изменений? И, почти как комментатор, отложив в сторону лист с текстом, рассказывал о спектакле.

Я уже говорил, что вначале часто читал и литературные передачи. Но одно событие резко изменило мое творческое амплуа. Вышло так, что в 1934 году мне поручили читать доклад И. В. Сталина на XVII партийном съезде. Было указание: читать этот доклад (четыре с половиной часа) без перерыва, причем только одному исполнителю.

Не решаясь читать без подготовки, я попросил Наталью Александровну Толстову, чтобы она меня послушала, дала мне советы. И вот с 10 утра до 5 вечера мы с ней сидели в студии и репетировали. А в семь часов вечера я вышел в эфир.

На следующий день мои педагоги сказали мне: «У тебя лучше получаются публицистические материалы, нежели художественные. Работа над художественным словом обогащает палитру красок, расширяет творческий диапазон, рождает свежие, неожиданные интонации. Это

все пригодно и для публицистики, для информации». И тогда же посоветовали мне оставить учебу в техническом вузе: «Надо становиться профессионалом, овладевать всерьез чтецким мастерством».

Вообще чем-то обогащает нас в профессиональном плане каждый день жизни. Вот заговорил с тобой товарищ, что-то тебе рассказывает. Чувствуется, что он до тонкостей знает, о чем идет речь, а если слушаешь собеседника с обостренным вниманием еще и как диктор, то отмечаешь важные «исполнительские» нюансы: вот непринужденная смена темпа; без нажима, естественно подана главная мысль; пауза длинная, но не нарочитая — одно логично вытекает из другого... Собеседник увлек тебя, не применяя каких-то особенных средств, все было рассказано в сдержанных тонах, без чрезмерной «раскраски». И думаешь сразу — как бы освоить эти средства убежденной и свободной разговорной речи и применить в своем чтении...

Предвижу возражение: у нас, мол, много официальных сообщений, немало еще и стандартно написанных материалов. Но что-то же можно рассказать, а не доложить? В этом проявится честное отношение и к работе и к самому себе. Всегда можно в тексте найти детали, нюансы, которые помогут слушателю глубже понять значимость сообщаемого. Важно только воспитать в себе интерес к углубленной работе над материалом.

Одно из технических средств, помогающих диктору в такой работе, — речевые знаки. Знаков общепризнанных, для всех одинаковых, у нас нет — у каждого выработаны свои. У некоторых дикторов они сходны, а у иных знаков бывает чересчур много — целая нотная партитура: все интонационно значимые места текста словно обволакивают красивые волны дуг, штрихов, подчеркиваний. Речевые звенья разделяют обычно вертикальной чертой (что, кстати, неправильно — такая черта имеет смысл только в том случае, когда мысль закончена), а то и подчеркивают двумя жирными чертами. Лист буквально испещрен пометками. Зато особого труда во время чтения, конечно, уже не нужно: поработал в поте лица над текстом и гони по знакам!

Но, во-первых, «сигнализация» эта с раздражением воспринимается другим диктором, который позже, при повторе, возьмет в руки исчерканные не его знаками листы.

А во-вторых, такое излишнее подчеркивание отвлекает от основного: от живой мысли, от максимальной концентрации внимания именно в момент передачи.

Первое, правда, еще полбеды. Не согласен диктор с логическими акцентами, которые на листе проставлены,— есть фломастер, можно быстренько все переделать. Но корень зла такой обильной разметки, когда каждое слово подчеркнуто и сверху и снизу, заключается в том, что ты читаешь по нотам, механически. Уходят из чтения живые паузы, новые, неожиданные краски, которые рождаются в общении со слушателем. В результате — банальное чтение, стандарт.

Излишне дробная разметка ведет к монотонности чтения, повторению мелодического рисунка. Получается как бы маятниковое чтение. А избежать его можно, тренируясь в правильной разметке, оставляющей простор для интонационной импровизации, позволяющей избежать чрезмерной закругленности фраз. Только так можно увлечь слушателя. Ведь когда ты прерываешь речь, то и он отвлекается, куда-то «уходит»; а когда он чувствует, что ты продолжаешь, он не отключит внимания — таково свойство психики человека.

Как бороться с монотонностью? У каждого свои «секреты». Мой, в общем-то, прост. Когда я остаюсь в студии один на один с микрофоном, то полагаюсь, конечно, на сделанные при разборе текста карандашные пометки. Но еще — очень верю тем сиюминутным эмоциям, которые рождаются сейчас, в момент общения со слушателями. И, знаете, порой очень заметно могут измениться так, казалось бы, вдумчиво определенные на репетиции психологические ударения и паузы.

Уверен, во время чтения — и только тогда — окончательно определяется верный тон: многое познается, мгновенно оценивается и находит отражение в речи диктора непосредственно в процессе невидимого контакта с аудиторией. В этом — радость творчества, да и, пожалуй, секрет удачно прозвучавшей передачи (только обязательно надо суметь этот контакт, активную свою заинтересованность «удержать», не ослабив, до того момента, как выключишь микрофон).

Но, разумеется, молодым, начинающим дикторам, не имеющим достаточного опыта, не следует избегать расстановки «речевых нот» — и при работе с педагогами и в самостоятельной подготовке. Это позволяет закрепить

понимание законов чтения, детально разобрать текст. Словом, это — неотъемлемая часть учебы, профессиональной тренировки.

При разметке я учитываю разделы авторского изложения, стараюсь находить места, где одна мысль рождает другую. Вот здесь идет пояснение только что введенного в текст понятия; а вот в этой фразе — развитие (а может быть, дополнение — анализирую!); ну а где же все-таки основное? Если не запоминаю текст сразу, то ставлю знаки: дугу («мысль продолжается»), или ломаную дугу («мысль развивается, но необходима пауза»), или прямую черточку («одно вытекает из другого»). Вот, собственно, все мои основные знаки. И ставлю я их, только если не уверен, что запомню.

При такой скупой разметке естественно стремление иногда отказаться от точек, от излишних пауз на запятых, вообще произнести сообщение более слитно и непринужденно, как каждый из нас говорит, если он стремится заинтересовать собеседника, а не оповестить, уведомить его. Порой мы не делаем паузы даже в середине логического звена. При обилии пауз в череде якобы законченных фраз часто теряется главное — единая мысль автора.

Если после слова все-таки нужна пауза и оно неударное, произнесите его мягче, без нажима, как бы «приглушите» его с интонацией продолжения («вот здесь, вскоре — суть»). Да и на ударном слове, после которого мысль продолжается и безусловно нужна пауза, попробуйте все же не ставить интонационной точки, развивайте тему.

В этой связи хочется дать, на мой взгляд, очень важный совет: мысленно настройтесь на то, что слушатель как бы идет за вами. И даже за паузой в конце большого абзаца должно ощущаться: главное — впереди... Как бы смотрите вперед — это помогает овладеть вниманием слушателя. При таком методе нужна, конечно, большая сосредоточенность, но зато есть простор для чередования темпов, для паузирования, преодоления инертности.

Работе диктора существенно помогает мысленное общение со слушателем — своим собеседником. Это, конечно, не заданный раз и навсегда образ — ведь аудитория меняется, меняются ее привычки. Скажем, раньше слушатели собирались у репродуктора, как теперь у телеви-

зора. А сейчас очень часто человек слушает радио один — на прогулке или занимаясь другими делами. Поэтому и манера наша несколько изменилась. Но всегда, работая у микрофона, мы обращаемся не к собирательному слушателю, а к определенному человеку. Некоторые наши дикторы даже представляют себе приятеля, родственника, к которым они обращаются. И, как утверждают, чувствуют сами, как тот реагирует на то или иное сообщение. Это — дело личной актерской техники. Но я, например, не представляю, как все время диктор может вызывать в воображении облик собеседника — ведь это отвлекает...

Часто в материалах встречаются фразы с перечислениями. Как однотипно, с одинаковым мелодическим рисунком мы их читаем! А через запятые-то идут разные понятия. И читать текст нужно, конечно, без мозаичности, но чуть разнообразнее. Или вот недавно слышал, как фразу: «Он воспитанник детского дома, отличный спортсмен» — читали как перечисление, а здесь совершенно разные понятия. По-разному они должны и прозвучать. Таких перечислений, в которые сведены совершенно различные в эмоциональном, интонационном плане понятия, встречается множество. Ищите их внимательно: прочитанные разнообразно, они обогатят палитру звучания.

Не буду говорить о логических ударениях и паузах — об этом много написано в специальной литературе. Добавлю только один совет: старайтесь найти во фразе два-три слова, без которых нельзя обойтись, логически главных. От того, как они расположены во фразе, будет строиться ее мелодика. Вот концовка небольшой заметки: «О героизме и мужестве солдат в зеленых фуражках рассказал один из старейших пограничников страны генерал-лейтенант Банных». «Мужество», «Банных» — два ударных слова. Или такое начало заметки: «13 миллионов рабочих, тружеников сельского хозяйства, инженеров, ученых и учащихся насчитывает сегодня отряд новаторов страны». Здесь три ударных слова: «тринадцать миллионов» в начале фразы и «новаторов» в конце. Остальные одиннадцать — в основном перечисление, и произносятся с меньшей нагрузкой. Однако как часто прочитываются такие материалы на одной-единственной интонации...

Начинающим поэтам советуют: «Читайте Пушкина!»

Тот же совет обращаю и к начинающим дикторам. Мелодика его стихов на удивление тонко сочетается с логическими ударениями, потому-то их так легко произносить, так прекрасно они звучат...

«На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася, бедный челн
По ней стремился одиноко...»

Слова «дум», «вдаль», «река», «челн» выделяются более четко, чем слова «широко», «одиноко», которые можно отметить лишь голосовым «прикосновением». И никакой силовой нагрузки на других словах! Хороший чтец никогда не произнесет с равной весомостью «дум» и «полн». Не знаю более удачного примера для работы над скульптурностью звучания...

По моему мнению, в каждом тексте во время разметки надо суметь найти не только ударные слова, но и те, которые несут большую эмоциональную нагрузку, и поставить так называемые интонационные ударения. Важно также найти в тексте особые импульсы, которые являются не ударными, но которые акцентируют подробность и этим подкрепляют главную мысль. Если ударения выделяют главное, интонационные подчеркивания акцентируют смысловые переходы, то эти малюсенькие ударения как бы наносят оттенки—это эмоциональные или логические подробности, нюансы. Найди их—и чтение твое оживет!

Недавно в передаче «Пишут ветераны» читаю письмо: в одной семье было девять ветеранов войны—в одной только семье! Или недавно мальчик написал мне как ведущему этой передачи: «Вы знаете, я потерял на войне двух своих дедушек...» Вот такие подробности надо уметь увидеть в тексте и чуть-чуть выделить.

Задача диктора—увидеть в тексте больше, чем просто читатель, разобраться во всех деталях, стремиться все прочувствовать и проанализировать. И тогда придет понимание нюансов, избавляющих чтение от «деревянности», одухотворяющих его.

...Старожилы отдела дикторов помнят легендарного А. А. Буслаева, редактора-контролера. Если сейчас фиксируются наши смысловые ошибки, то он брал «на карандаш» мельчайшие оговорки—ну, к примеру: «Правительство Франции пред...(откашлялся диктор и повто-

рил первый слог слова)...предприняло»... Тотчас в сводочке у Буслаева: «Диктор допустил ошибку в произнесении слова «пред- предприняло». Словом, Буслаев был легендарным буквоедом.

Когда я первый раз читал приказ о салюте, то читал без подготовки и даже не знал, что написано в тексте, который принесли в студию. Есть у нас, дикторов, «секрет»: когда не знаешь содержания материала, то запоминаешь начальную фразу, читаешь ее нарочито медленно, а сам тем временем (всего три-четыре секунды) глазами пробегаешь лист, стараясь схватить смысл сообщения.

Произнес я первую фразу, проглядываю бегло текст... Многие помнят то грозное, тяжелейшее время — 1943 год. Полуторамиллионная армия гитлеровцев с новейшей техникой двинулась на позиции наших войск. Мир замер в ожидании... И вот в 23.30 первая весть: «Сегодня столица нашей Родины будет салютовать»...

Что здесь началось! Все обнимаются, поздравляют друг друга. Телефоны звонили не переставая. Десятки тысяч людей, несмотря на поздний час, выбежали на улицу — отпраздновать вместе победу.

Вдруг к телефону подзывают меня и шепотом, показывая на трубку: «Буслаев...» Мгновенная реакция: «Неужели что-то «напорол»? Но ведь у него-то копии приказа не было». Подхожу: «Здравствуйте, Алексей Александрович!» — «Здравствуйте, здравствуйте. Я как раз сегодня ночной дежурный. Слышал, как вы читали». — «Ну и как?» — «Как у вас там написано: «Столица нашей Родины будет ... что?» — Отвечаю: «Салютовать!» — «Нет, батенька, я в трех словарях посмотрел: салютовать!»

Тут я стал возражать. Слово у нас встретилось впервые. По звучанию раскатистее, торжественнее будет «салютовать», ведь ударение на втором слоге делает слово будто короче. Недаром морские термины имеют ударение всегда на последнем слоге: «компас», «штурвал», «рапорт», чтобы четко и ясно было слышно. Не зря это придумано... «Объяснять, конечно, по-всякому можно. Но ошибочку я вам запишу и руководству доложу»...

Дело давнее: не скажу, чтобы пришлось «костьми лечь», но и товарищи, и руководство, и Институт русского языка со временем приняли мои доводы. Теперь во всех словарях ударением в этом слове отмечен последний слог.

И дело, тут, конечно, не только в аргументах, а в том

профессионально развитом чувстве языка, которое подказало в момент передачи не книжное, а истинное, современное ударение в ранее не звучавшем на радио слове.

Итак, наряду с главным необходимо удерживать в поле своего внимания и образы, и сравнения, и маленькие интересные подробности, смысловые оттенки, иронические нотки, которые придают речи эмоциональность, позволяют естественно переходить от одного ритма к другому. Нужно уметь «пробросить» второстепенное, чтобы рельефнее звучало основное — конечно, в допустимых рамках нормы, без бравоирования мастерством.

Необходимо на любом материале стремиться к тому, чтобы идти к главному с меньшей голосовой нагрузкой, как бы подниматься от подножия к вершине. Плохо, когда все идет «по линейке», — скучно слушать. Нужно уметь и «спускаться» от главного к окончанию фразы, добиваясь скульптурности ее звучания. Чаще надо слушать актеров в спектаклях. Когда я был молодым диктором, я с удовольствием следовал совету Осипа Наумовича Абдулова. Он мне как-то сказал: «Сходи на диспут в Политехнический или МГУ, послушай, как говорят ораторы, как они строят речь, как общаются с аудиторией. А актеры — какие мастера есть сейчас! Ну что ты все время: «Се-го-дня в Па-ри-же со-стоя-лось...»

Русский язык очень красив и выразителен. Правильное использование его мелодических возможностей очень разнообразит речь, звучащую у микрофона, помогает слушателю более глубоко и эмоционально воспринимать содержание передачи. Но только в тех случаях, когда мелодический рисунок речи диктора порождается стремлением полнее раскрыть смысл материала, а не желанием продемонстрировать возможности своего голоса.

Я — противник чрезмерной напевности. Но и ее противоположность — речь стакаттированная, «стучащая», по выражению Станиславского, «будто горох по столу», — не привлекает меня. Цель диктора, по-моему, состоит в приближении к естественной плавности речи. Вот простое упражнение. Во фразе «Широко внедряется в области бригадный подряд» ударение надо сделать лишь на двух словах: «широко» и «подряд». Тонкость здесь еще и в том, чтобы не «нажимать» в словах фразы на ударные слоги — ведь это утяжеляет слуховое впечатление. Следить надо главным образом за тем, чтобы произносились

не отдельные слова, а мысль в ее целостном единстве. Вообще, чем меньше ударений во фразе, тем она яснее.

Еще одна важная цель дикторского тренинга — научиться разнообразить мелодические рисунки рядом стоящих фраз, они не должны звучать однотипно.

Недавно по радио передана следующая информация: «Свердловский завод электромедицинской аппаратуры выпускает большой ассортимент продукции. Здесь налажен выпуск хирургических светильников и медицинских телеустановок».

Первая часть заметки прозвучала у диктора более весомо, чем основная, вторая. Больше десятка слов несли на себе ударения, хотя достаточно было выделить четыре или пять. После слова «продукция» интонационная точка с удлиненной паузой необходима — она предшествует изложению существа новости, ведь главное — в конце заметки. Начать чтение надо с меньшей голосовой нагрузкой, зная, что она понадобится на второй фразе. Вот в результате постоянных подобных разборов и приходит мастерство.

Диктор должен безукоризненно знать свой язык и бороться за его чистоту. Почаще заглядывайте в словарь, изучайте его дома и на работе, когда выдастся свободная минута, буквально вбирайте в себя дух правильно звучащей, с безупречными ударениями и дикцией русской речи. Не надейтесь на свою память! Малейшее сомнение, всего два процента неуверенности — загляните в словарь! А то иногда удивляешься над сводкой дикторских огрехов: «Да неужели? Я же был уверен!»

Кто-то из дикторов так переиначил пословицу: «Лучше семь раз спросить, чем один раз ошибиться». Был такой случай: впервые полетел в космос А. С. Иванченков. Фамилия для дикторов новая и внешне простая, а на самом-то деле сложная: логика речи допускает, строго говоря, три варианта ударения! По всем инстанциям пришлось звонить и редакторам и нам, и в ответ выслушали мы все три варианта, и не по одному разу. Решил проблему Георгий Тимофеевич Береговой, давший мне телефон жены космонавта: «Как она скажет, так и читайте!» «Иванчénковы мы, — услышал я в трубке славный женский голос. — Вся родня, Юрий Борисович, и деды и прадеды — И-ван-чén-ковы!»

Естественно, диктору, ведущему вещание на национальном языке, необходимо и в высшей степени полезно

добиваться совершенства в овладении русским языком. А те дикторы, которые несут в эфир русское слово, просто обязаны стремиться не только к хорошей, грамотной, но к эталонной речи — несмотря на всю оперативность, даже спешку, присущую работе в эфире.

Здесь поможет способность, которую молодым дикторам предстоит открыть и развить в себе, — способность быстрого ознакомления с текстом. Нужно стремиться мгновенно охватить взглядом и мыслью весь материал и, молниеносно сосредоточившись, сразу определить задачу его чтения.

В годы Великой Отечественной войны сводки Совинформбюро поступали прямо на стол студии, и читали мы их без всякой подготовки. Трудно было так работать. Но очень бывало радостно первому прочесть те слова, которые обрадуют весь народ, — сообщения об успешных боевых операциях, приближающих нашу Победу. Такой сверхоперативный материал не прорепетируешь. Но я брал старые сводки, которые за месяц-другой уже забывались, и тренировался в мгновенном схватывании сути сообщения.

Помню, мне позвонили из Совинформбюро и предупредили: готовьтесь, есть очень хорошие новости! Конечно же, я сразу догадался, что речь идет о Сталинграде. Душа ликовала в предчувствии этого известия. И вот долгожданная сводка: «Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие...»

Помню, с каким особым удовольствием я прочитал тогда фразу: «Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск».

И теперь, когда я бываю в Волгограде, я всегда мысленно переношусь к тем событиям, которым предшествовала переданная сводка Совинформбюро. Там, на Мамаевом кургане, я вновь переживаю все чувства, связанные с судьбой Сталинграда, — тревоги в дни решающей битвы, надежду, когда армия Паулуса была окружена, радость и восторг, охватившие нас после ликвидации окруженной группировки противника...

В конце Великой Отечественной войны я читал приказы Верховного Главнокомандующего торжественно, как апофеоз близкой уже Победы.

Маленькая студия, микрофон, горящая лампа. Но перед тем, как начинать читать, я представлял, что читаю этот приказ перед войсками, выстроенными на огромной площади. Медные трубы вот-вот заиграют; войска стоят в парадной форме, их ряды залиты солнечным светом. Сейчас, после того, как я объявлю, какой город взят, заиграет оркестр и будет дан салют.

Вот что я представлял в течение 15 секунд до включения микрофона, полузакрыв глаза: где я стою и кому я читаю. Включаю микрофон: «Говорит Москва! Передаем приказ Верховного Главнокомандующего»... И сразу подруному у меня получались слова — я даже поворачивал голову слева направо, как бы оглядывая войска, к которым мысленно обращался...

Диктор — это человек, который владеет всеми тайнами чтецкого мастерства и применяет это мастерство для воплощения публицистического, информационного материала. Его мы должны прочесть разнообразно и просто, а главное, понятно. Ведь некоторые дикторы начинают «играть» информационные материалы, перенося логическое ударение на прилагательные, делая порой упор на красивое словцо и затуманивая тем самым смысл. Даже наиболее часто повторяемые слова и обороты типа «московское время», «сегодня осуществляется», «соревнование» стремятся «раскрасить», читая волнообразно, преувеличивая музыкальную сторону в звучании слова — вместо двух необходимых и достаточных нот в слове слышится три-четыре. Нет сомнения, что музыкальность слова, фразы имеет большое значение для эмоционального воздействия и более глубокого раскрытия мысли, но именно музыка нетерпима к малейшим отступлениям от требований соразмерности и художественного вкуса. Наша задача — раскрыть мысль, выявить свое отношение к данному материалу, конечно, в спокойных тонах, с достоинством и мастерством, без дидактики и назойливых интонаций, но эмоционально и в то же время не выходя за пределы официальности.

В основе успешной работы диктора лежит глубокая идейная убежденность. Отсюда и публицистическая страстность, внутренний динамизм, разговорность, доверительная тональность. В ней слышится личная прича-

стность к событиям, о которых диктор рассказывает, его патриотическая гордость за дела нашего народа.

Сейчас диктор практически не ведет передач, где нужна импровизация,— не интонационная, а в прямом смысле слова, текстовая. Но вот у меня бывает такая очень дорогая для меня возможность. Радио получало и получает очень много писем от ветеранов войны, от вдов погибших на войне, от пионеров-следопытов. И руководство Гостелерадио СССР решило создать передачу «Пишут ветераны» по письмам участников Великой Отечественной войны. Эти письма согреты памятью о военной дружбе, спаянной стремлением победить. Они — волнующие документы самой истории. Присылают нам фотографии и стихи, дневники и фронтовые газеты. В День Победы, 9 мая, в Москве, в Парке культуры и отдыха имени Горького, собираются ветераны Великой Отечественной войны. Приезжают из разных уголков страны, вывешивают транспаранты, плакаты — и сами они и их дети. А иногда дети и внуки погибших героев держат эти плакаты. Вот здесь танкисты собираются, здесь пехотинцы, здесь десантники. Приезжают в Москву буквально десятки тысяч людей, и все они в Парке культуры ждут встречи со своими однополчанами.

Уже который год происходят эти незабываемые встречи. И мы, создатели передачи «Пишут ветераны», обстоятельно беседуем с бывальыми воинами и молодыми людьми, приходящими сюда. Ну а потом собранный материал идет в праздничный выпуск передачи «Пишут ветераны». И мы узнаем имена все новых и новых героев, живых и оставшихся на полях сражений, но всегда живущих в памяти народной.

Несколько памятных мне мгновений

Меня просят написать книгу. Журналисты, писатели, радиослушатели и даже друзья и коллеги. Считают, что мне необходимо освободиться от груза воспоминаний, сделав их доступными для всех. В чем задержка? Во-первых, нужно было бы основательно перетрясти свой довольно запущенный архив. Во-вторых, я всегда настороженно относился к своим «писательским» опытам. И в-третьих, процесс работы над книгой заставил бы меня все заново пережить, а к этому нужно быть готовым.

Эти заметки не претендуют на логически последовательный рассказ. Скорее — это беглые наброски памятных мне мгновений, навеянных фотографиями разных лет. Люди, события, встречи, знакомства, расставания... Все это мне дорого.

Нас, дикторов радио, часто приглашают в гости рабочие, колхозники, работники учреждений. Много волнующих встреч с радиослушателями произошло после войны. И не было ни одной беседы, в которой бы люди не интересовались подробностями нашей работы в эфире. Мы вспоминаем о суровом времени, когда наши войска отступали, о победных сводках, о незабываемом Дне Победы.

Будь то на белорусском автозаводе, на площади Алма-Аты, в карельском поселке, в ставропольском колхозе — везде оборудовалась импровизированная эстрада, подключался микрофон и собравшиеся внимательно слушали рассказы работников московского радио. Наступало время задавать вопросы, и это уже напоминало пресс-конференцию. Те, кого мы в нашем быту именуем таким бесплотным словом «аудитория», предстают перед нами живыми, думающими людьми, интересными собеседниками. Как готовятся радиопередачи? Каковы особенности работы политических комментаторов и обозревателей? Сколько времени уходит на подготовку передач из теле-тайпного зала, с Красной площади, из Кремлевского Дворца съездов? Как формируются программы Всесоюзного радио? Расскажите о своих встречах с космонавтами!.. Вопросам нет конца. Очень часто меня просят прочитать сводки Совинформбюро: прошло столько лет, но эхо войны еще живо в памяти многих и многих. Я всегда охотно выполняю эту просьбу. А когда бываю в местах, где прошумела война, то читаю сводки применительно к тому городу или району, где меня в данный момент слушают. Какое-то новое чувство охватывает душу. И вдруг начинаешь понимать природу этого чувства. Ведь в те далекие военные годы эта сводка была обращена как бы к одному студийному микрофону, а слушателей приходилось представлять силой своего воображения. А тут — вот они, рядом с микрофоном.

Передачи московского радио вселяли в людей уверенность в победе: раз Москва говорит, значит, она стоит, борется, готовится к ответным ударам по врагу. Однажды в Доме актера была организована встреча с героями

войны. Меня попросили выступить. А потом, после торжественной части, мне довелось беседовать с одним человеком, который воевал в крупном партизанском соединении. Он рассказал, что для партизан услышать позывные Москвы было особенно важно. Случалось, что их вводили в заблуждение фашистские фальшивки, звучавшие в эфире. Немцы записывали на пленку московские сообщения. Скажем: «После ожесточенных, упорных боев наши войска оставили Смоленск. В ходе отступления уничтожено шесть тысяч вражеских солдат и офицеров, подбито восемьдесят танков и сбито двадцать самолетов противника» и т. д. Из полного текста сообщения выбрасывались цифры потерь немецких войск, лента фабриковалась таким образом, что оставался один факт сдачи города. Потом фашистские радиостанции передавали в эфир такие выхолощенные сведения, снабжая их собственным комментарием, что, мол, Красная Армия разбита, Смоленск сдался, Москва окружена и т. д.

Эти подтасованные факты появились и в газетах и в листовках на русском языке, чтобы посеять сомнение в мощи нашей армии, в нарастании ее контрударов, в решимости народа победить. А борьба действительно нарастала.

Мы рассказывали по радио о беспримерных подвигах Н. Гастелло, Е. Чайкиной, З. Космодемьянской, А. Матросова и многих-многих наших героев.

Вот почему, находясь в глубоком тылу врага, партизаны чутко прислушивались к голосу Москвы. Они создавали в освобожденных ими районах типографии, выпускали газеты, легальные и нелегальные. Таким образом, сообщения, принятые по радио, из уст в уста передавались на огромных территориях, разоблачали ложь фашистской пропаганды и вдохновляли народ на победу. Тем более что у микрофона часто выступали видные военачальники и государственные деятели.

Я имел счастье объявлять выступление Михаила Ивановича Калинина, когда он из Кремлевской радиостудии поздравлял советский народ с Новым годом. Нужно сказать, что М. И. Калинин никогда заранее не записывался на пленку, а читал прямо в эфир, что требовало определенного навыка. Нужно было уложить текст в определенное время так, чтобы последние слова «С Новым годом, товарищи!» совпали с началом боя часов Спасской башни. Поэтому он вызывал нас в Кремль и мы

репетировали. М. И. Калинин запомнился мне очень гостеприимным, душевным человеком. Всегда в таких случаях он угощал нас чаем, это было как-то по-домашнему просто и уютно.

Как я уже говорил, нас нередко просят рассказать о встречах с космонавтами, о чувствах, какие мы испытываем, читая сообщения о запусках космических кораблей.

Могу сказать, что приходится сдерживать свои чувства.

От гордости за наших космонавтов, за очередную замечательную победу в космосе, от радости перехватывает дыхание, а показать этого нельзя. Диктор не должен выплескивать свои эмоции, он должен читать сдержанно, подчеркивая смысл сообщения, а не свое к этому отношение. Здесь выручают опыт, интуиция.

Такова общая ситуация в момент «космических» сообщений. Что касается частных случаев, то они интересны своими неповторимыми деталями. Особенно глубокий след в памяти оставили моменты личного знакомства и общения с космонавтами.

С Юрием Алексеевичем Гагариным я познакомился вскоре после завершения его исторического полета. В Москве на телестудии мне выпала честь вручить первому космонавту пленку с записью наших сообщений о его беспримерном подвиге. Помню, я очень волновался. Юрий Алексеевич мне сразу понравился своей добродушной улыбкой, подкупающей простотой, остроумием. Потом мы с ним долго беседовали, подняли тост за его здоровье, за успешный полет, за новые достижения в освоении космоса. В дальнейшем мне часто приходилось видеться с Ю. Гагариным. Я бывал в Звездном городке, выступал перед космонавтами, с интересом слушал их рассказы о подготовке к предстоящим стартам.

Получаем, помню, новое сообщение. Знакомлюсь с материалом. «Сегодня космический корабль «Восток-6», пилотируемый...». Что такое? Пилотирует женщина? Кажется, в этот момент я выглядел очень смешным. Какая-то сила сорвала меня с места. Бегу по коридору. «Товарищи!— кричу.— Женщина в космосе!» Ну меня прямо засыпали вопросами. Все хотят выудить подробности еще до выхода в эфир. «Кто? Фамилия? Откуда родом? Замужем?» Кричу: «Терешкова! Валентина! Текстильщица из Ярославля!»

Неожиданным был для меня автограф Алексея Архи-

повича Леонова. Было это так. Идет передача с Красной площади. Это после встречи А. Леонова и П. Беляева во Внукове. Сидим мы в радиостудии ГУМа, рассказываем слушателям о том, что происходит на площади. Входит Юрий Летунов, в то время корреспондент радио, всегда присутствовавший при космических стартах и ведущий репортажи с космодрома. Я объявляю Ю. Летунова и предоставляю ему микрофон. Он интересно, в живой разговорной форме рассказал о запуске корабля, о том, как проходила посадка, как потом они летели в Москву, о чем беседовали с космонавтами. Я даже забыл, что нахожусь на рабочем месте, настолько переключил внимание на рассказчика. И вдруг Ю. Летунов говорит, что хотел бы преподнести небольшой сувенир Юрию Левитану. Что еще за сувенир, думаю? А он продолжает: «Беседую с Леоновым по пути в Москву и спрашиваю, слушал ли он в космосе наши радиовыпуски о своем полете». «Не только в полете, но и при выходе в открытый космос с удовольствием слушал Москву,— ответил корреспонденту космонавт.— И в знак уважения к Московскому радио прошу преподнести Юрию Левитану вот этот автограф». И Ю. Летунов протягивает мне листок бумаги. Это было для меня такой неожиданностью! Без предупреждения, прямо у эфирного микрофона. Растерялся, признаюсь, покраснел. К счастью, это было не телевидение. Я едва выговорил слова благодарности.

Вот такие незаметные радиослушателям подробности, эмоциональная сторона которых остается за микрофоном, воспринимаются нашими собеседниками при встречах особенно благожелательно.

Разумеется, многих интересуют вопросы, как я стал диктором, где учился, сколько мне лет и т. д. Помню поездку в Карелию в 1965 году. Когда вышел из Дома культуры, меня сразу окружили, завязался непринужденный разговор об особенностях дикторской профессии и казусах, нередких в эфире, о семье, детях, коллегах по дикторской работе.

В таких беседах приходится снова и снова пересказывать свою дикторскую биографию—с работы дежурным по студиям до ведущего собственной программы. Вспоминать, как наш прекрасный педагог и чтец М. М. Лебедев учил нас не копировать других дикторов, добиваться выявления своей индивидуальности. Как в то время мне посчастливилось встретиться с Василием Ивановичем

Качаловым. Было это в 1933 году. Потом я не раз бывал в его гостеприимном доме. Василий Иванович просил меня что-нибудь почитать, делал замечания, поправлял. Часто читал сам. Я старался не пропускать ни одного концерта этого замечательного мастера слова. И это было неоценимой помощью в процессе занятий в театральной школе имени Б. В. Шукина, где я учился, одновременно работая диктором.

Очень часто спрашивают, как я избавился от владимирского акцента. Как известно, нормы московского произношения имеют свои особенности. Гласные звуки заметно преобразуются в речи. В отличие от других дикторов, которые, работая над текстом, выделяли смысловые куски, подчеркивали главные фразы, мне приходилось еще и делать свои, никому не понятные пометки. Скажем, в тексте написано: «течет вода». После моих пометок это выглядело так: «тичет вада». Когда потом текст просматривал редактор, мне приходилось худо. «Что за вопиющая неграмотность! Какое безобразие! Кто это правил?» — выговаривали мне. Поэтому обычно я работал с копиями текста.

Через два-три года я избавился от своего местного говора, но мне он все равно очень дорог. Когда я бываю у себя на родине во Владимире, встречаюсь со своими земляками, захожу в свой дворик на Муромской улице, то пытаюсь воспроизвести все особенности владимирской речи в разговоре с бывшими соседями, старыми друзьями.

— Ну-ка докажи, что ты из Владимира...— говорят мне.

Я пытаюсь говорить, нажимая на «о», но это мне уже плохо удается.

Я все это вспоминаю, и теплеет на сердце. Потом, как обычно, я рассказываю о Москве, о нашей напряженной и интересной работе.

Люди, события, встречи, знакомства, расставания...

Из записей в дневнике. Вместо предисловия. <i>Василий Ардаматский</i>	5
--	---

ГОЛОС ВРЕМЕНИ, ГОЛОС ПЛАНЕТЫ

Так пролетело сорок лет... <i>Б. П. Ляшенко</i>	10
Всегда на уровне времени. <i>Т. В. Федорова</i>	34
Я видел, как он работал. <i>В. И. Ишунин</i>	37
Левитана знали все. <i>П. И. Батов</i>	40
Вахта продолжается. <i>Е. И. Толстиков</i>	42
Он вселял надежду. <i>И. Д. Папанин</i>	44
Как никто другой. <i>Г. Т. Береговой</i>	45
Голос нашей планеты. <i>А. А. Леонов</i>	48
Пример служения долгу. <i>Б. В. Вольнов</i>	51
Слово о друге. <i>В. В. Янчевский</i>	54
«Пишут ветераны»	74

ДИАПАЗОН ТАЛАНТА

Голос времени. <i>Евгений Рябчиков</i>	90
Главный диктор страны. <i>Михаил Платов</i>	106
Ю. Левитан. Страницы жизни. <i>Ростислав Плятт.</i>	114
Как он стал Левитаном. <i>Евгения Гольдина</i>	118
Ни одного равнодушного слова. <i>Ольга Высоцкая</i>	127
Уроки Левитана. <i>Игорь Кириллов</i>	130
Диапазон таланта. <i>Эмиль Верник</i>	136
Души откровенный дневник. <i>Александр Шерель</i> ...	142
Юрий Левитан. Документальный радиорассказ к 70-летию со дня рождения. <i>Марк Лагун</i>	158

ЮРИЙ ЛЕВИТАН: НЕСКОЛЬКО ПАМЯТНЫХ МНЕ МГНОВЕНИЙ

Приказы Победы	168
О нашей профессии	176
Несколько памятных мне мгновений	193

СОДЕРЖАНИЕ

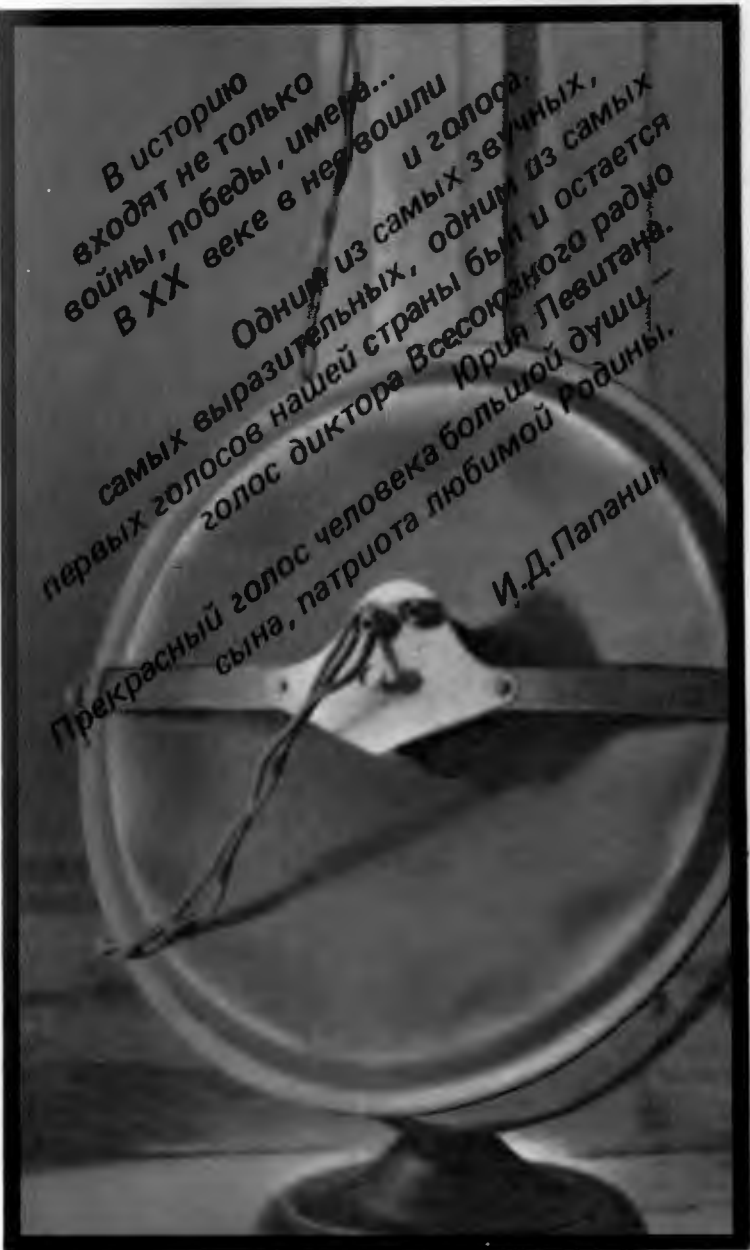

В историю
входят не только
войны, победы, имения...
В XX веке в него вошли

Одним из самых звучных,
самых выразительных, одним из самых
первых голосов нашей страны был и остается
голос диктора Всесоюзного радио
Юрия Левитана.

Прекрасный голос человека большой души —
сына, патриота любимой Родины.

И.Д.Папанин

**Мария Юльевна
и Борис Семенович Левитан,
мать и отец Юрия Борисовича
(г. Владимир)**

**Репродуктор
на трамвайной остановке,
1928 г.**

**Владимирские друзья
(второй слева — Левитан)**

**В ноябре 1931 года
по решению приемной комиссии Радиокomiteта
Юрий Левитан был зачислен в отдел выпуска
программ дежурным по студии**

**Один из первых
детекторных приемников**

Внимание!
Говорит Москва!
Говорит Москва!...

1934 ГОД

19 ИЮНЯ

Встреча героев-летчиков
и заслуженцев
в Москве 19 июня 1934 г.

В.И.Качалов и Ю.Б.Левитан

**В редакции "Последних известий".
Дикторы
Кубацкий, Про, Левитан,
спецкоры и гости редакции,
среди них штурман А.В.Ляпидевский**

...Наше дело правое.
Враг будет разбит.
Победа будет за нами.

1941 ГОД

22 ИЮНЯ

УПРАВЛЕНИЕ КОМЕНДАНТА ГОР. МОСКВЫ

ПРОПУСК № 035411

Выдан гр. *Левитану Ю. Б.*

**НА ПРАВО НЕОПРЕЯТСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
ПО ГОР. МОСКВЕ ПОСЛЕ 01 ЧАСА.**

**ИСПОЛНЯЕТСЯ ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ ПАСПОРТА ИЛИ
УДОСТОВЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ.**

**За право настоящего пропуска и передачу его другому
лицу ответственность несутся и ответственности.**

Исполнитель: г. Москва генерал-майор СИНИЛОВ.

Л. 1-УД-1944 г. Москва. Госизд. Заказ 5553.

**Пропуск военных лет,
выданный Ю.Б.Левитану**

В студии, 1941 г.

**М.И.Калинин
среди получивших
правительственные награды.
(Ю.Б.Левитан — во втором ряду
второй слева)**

Дикторская группа Всесоюзного радио (1944 г.)

Первый ряд внизу (слева направо): Викторова З. А., Высоцкая О. С., Дмитриева О. А., Толстова Н. А., Тиунова М. А., Емельянова Е. А., Головина А. И., Гольдина Е. И.

Второй ряд: Макаренко А. П., Чаусская К. Е., Соловьева В. С., Отъасова Е. Я., Левитан Ю. В., Неллина В. Я., Фриденсон О. Д., Шиловцев К. А., Шевцов В. В.

Третий ряд дикторы: Тобиаш Э. М., Чижов В. Н., Брагинский А., Лебедев М. М., педагог дикторской группы Былинский К. И. и другие

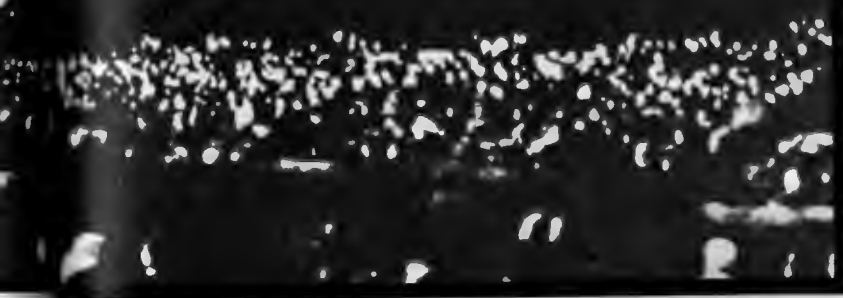

Приказ о салюте Победы

1945 ГОД

9 мая

В ознаменование полнокровной Победы над Германией
9 мая, в День Победы, в 22 часа
столица нашей Родины Москва
и Родины салютует доблестным
своим Армии, частям и кораблям
Военно-Морского Флота
отправившим эту блестящую победу
иными зарплатами из 1000-и ору
дационными в боях за сво

© 1935

**Репортаж с Красной площади 7 ноября
1955 года. В радиостудии Алексей Сурков,
Юрий Левитан и Анатолий Шаргин**

OB,

**Репортаж с Красной площади
из радиостудии ГУМа. У микрофона
дикторы Лидия Черных и Юрий Левитан**

**Марк Бернес и Юрий Левитан
на съемках фильма "Два бойца"**

В детском саду на Ставрополье

**На отдыхе в Подлипках
с дочерью Наташей**

Работают в Центральном телевидении! Говорит Москва!
запуск космического корабля с человеком на борту.
Его пилотирует майор Гагарин Юрий Алексеевич.
Время вылета — 9 часов 07 минут,
состояние космонавта хорошее...

1961 ГОД

12 апреля

**Теплые дружеские отношения были
у Ю.Б.Левитана с космонавтами.
Беседа с Ю.А.Гагариным**

**Экстренное сообщение:
человек в космосе**

**В Кремлевском Дворце Съездов
перед началом работы:
Ольга Высоцкая
и Юрий Левитан. 1980 г.**

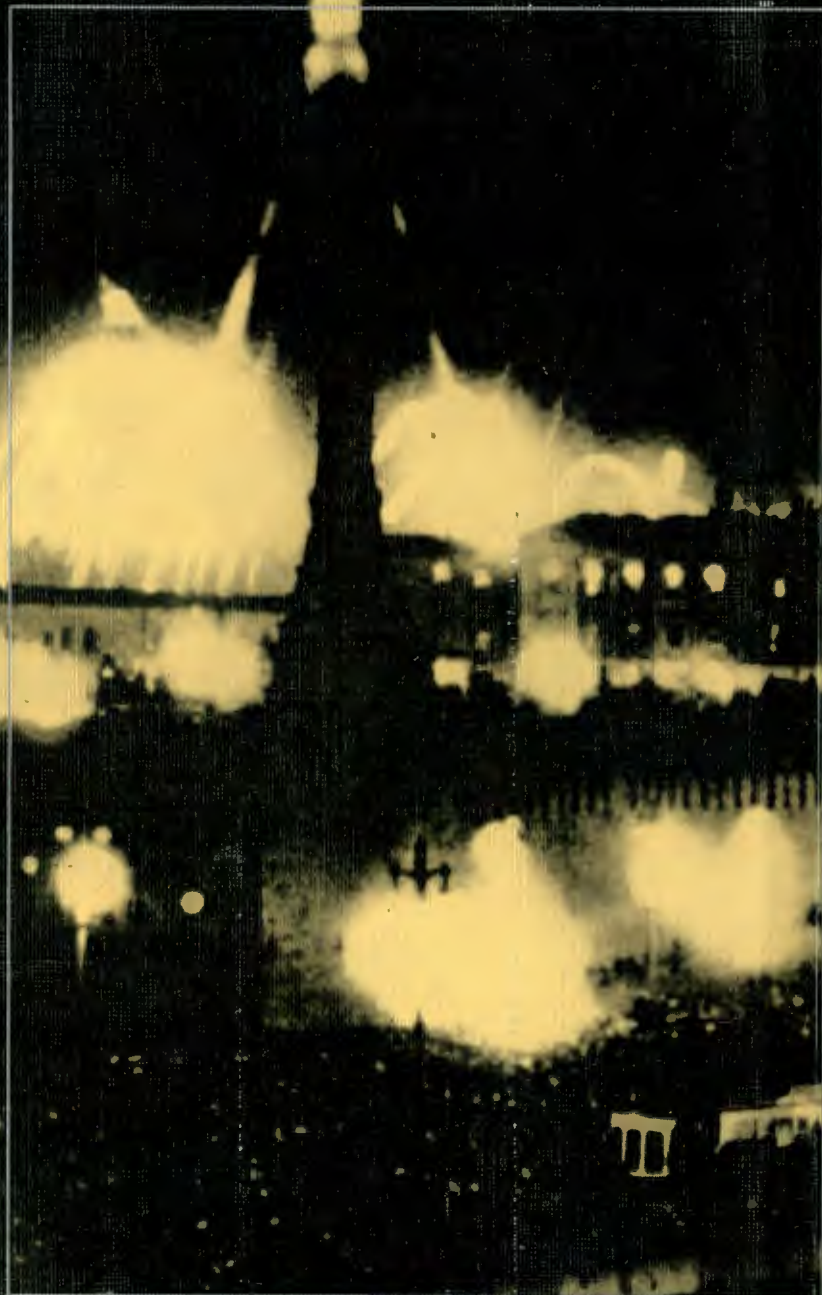
**В радиостудии.
Последние минуты
перед выходом в эфир**

**"Всегда помнить:
хорошо выполненная
работа у микрофона
приносит
настоящую радость".**

Диктор Юрий Левитан

В. С. СЕРГЕЕВ. Фотография в Остерева

1971-1972